ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «HUGO», «NEBULA», «ARTHUR C. CLARKE AWARD»

Энн Леки

СЛУГИ МИЛОСЕРДИЯ

Неожиданно, интересно и очень круто!

Дж. Скальци

Слуги милосердия
Энн Леки

Аннотация
Энн Леки. Слуги милосердия
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Благодарности

Аннотация

В прошлом Брэк была мощным десантным кораблем на службе непомерных колонизационных амбиций лорда Радча. Теперь, получив простое человеческое тело, она стала капитаном флота на отдаленной базе Атхоек, где сумела завоевать уважение и власть. Защищая интересы обитателей базы, Брэк готова противостоять политическим интригам ее руководителей, вести переговоры с загадочными и опасными пришельцами Пресгер и погружаться в тайны, скрывающиеся по ту сторону Призрачного шлюза. Однако настоящая угроза исходит от Анаандер Мианнаи, правительницы Радча, разделившейся на несколько сущностей и ведущей борьбу с самой собой. Ставки высоки, и, чтобы вступить в решающую схватку с главным врагом, Брэк понадобятся любые союзники, поддержкой которых она сможет заручиться.

Энн Леки
Слуги милосердия

Глава 1

Я спала. В следующее мгновение я проснулась под знакомые звуки: кто-то готовил чай. Но это произошло на шесть минут раньше, чем я планировала. Почему? Связалась с кораблем.

Лейтенант Экалу стояла на вахте, чем-то возмущенная, даже немного злая. Стена перед ней показывала базу Атхоек и корабли вокруг. Купол над Садами был едва виден под этим углом. Планета Атхоек находилась наполовину в тени, другая ее часть сияла голубым и белым. Фоновое стрекотание систем связи не обнаруживало ничего выходящего за рамки обычного.

Я открыла глаза, Стены моей каюты показывали тот же вид, что наблюдала лейтенант Экалу в командной рубке: базу Атхоек, корабли, планету Атхоек, маяки четырех межсистемных шлюзов. Мне не требовались стены, я могла бы видеть эту картину откуда угодно, в любое время, просто пожелав. Но я не приказывала превращать стены каюты в дисплей. Должно быть, это сделал корабль.

У стойки, в конце каюты три на четыре метра,

стояла Сеиварден и готовила чай в старом эмалированном сервизе, состоявшем всего лишь из двух чашек, одна из которых — со сколами, жертва первых неумелых попы ток Сеиварден быть полезной, больше года назад. Прошел уже месяц с небольшим с тех пор, как она в последний раз выступила в качестве моей прислуги, но ее присутствие было столь привычным, что я, очнувшись от сна, приняла его, особо не задумавшись.

— Сеиварден, — сказала я.

— На самом деле — корабль.

Она слегка склонила голову в мою сторону, все ее внимание по-прежнему занимал чай. «Милосердие Калра» общался со своим экипажем через слуховые или визуальные имплантаты, говоря непосредственно в наши уши или помещая слова и образы в ноле нашего зрения. Вот и теперь я видела, что Сеиварден читала слова, которые он давал ей.

— Сейчас я — корабль. И, пока вы спали, для вас пришли два сообщения, но — ничего экстренного, капитан флота.

Я села, откинула одеяло. Три дня назад мое плечо было заключено в восстановитель, от которого обездвиженная рука немела. Я все еще радова-

лась вновь обретенной свободе движений.

Сеиварден продолжила:

— Думаю, лейтенанту Сеиварден этого иногда недостает.

Информация, которую корабль считывал с нее и которую я могла увидеть, просто пожелав, показывала определенные опасения, легкое смущение. Но корабль был прав: она получала удовольствие от этого краткого возвращения к нашим прежним ролям, хотя я, как оказалось, такового не испытывала.

— Три часа назад прислала сообщение капитан флота Уэми.

Капитан флота Уэми была моей коллегой на расстоянии одного шлюза отсюда, в системе Храд. Командовала всеми радчаайскими военными кораблями, которые там базировались. Не знаю, насколько это важно: пространство Радча было втянуто сейчас в гражданскую войну, а власть капитана Уэми, так же как и моя, проистекала от той части Анааидер Мианнаи, которая в настоящее время удерживала Дворец Омо.

— Дворец Тстур пал.

— Осмелюсь спросить, перед кем?

Сеиварден повернулась от стойки с чашкой чая в руке, натянутой в перчатку. Подошла туда,

где я сидела на койке. Проведя со мной столько времени, она слишком хорошо меня знала, чтобы удивиться моей реакции или прийти в замешательство от вида моих все еще обнаженных рук.

— Перед лордом Мианнаи, перед кем же еще? — ответила она с тенью усмешки и протянула мне чашку. — Перед той, как сообщила капитан флота Уэми, которой вы, капитан флота, не слишком нравитесь. Да и сама капитан флота Уэми — тоже.

— Верно.

По мне, так между любыми частями Анаандер Мианнаи разницы почти не существовало, и ни у одной из них не имелось никаких причин испытывать ко мне приязненные чувства. Но я знала, какую сторону поддерживала капитан флота Уэми. Возможно, даже была ею. Анаандер существовала во множестве тел и находилась в десятках, если не сотнях, мест одновременно. Сейчас она сократилась в количестве и лишена цельности, утратив множество своих клонированных тел в борьбе против самой себя. Я подозревала, что капитан Уэми сама была частью лорда Радча.

— Капитан флота Уэми добавила, — продолжала Сеиварден, — что той Анаандер, которая

захватила Тстур, удалось также прервать связь с самой собой за пределами системы Тстур, чтобы остальным ее частям не было известно, что она замышляет. Но, как говорит капитан флота Уэми, будь она на месте Анаандер Мианнаи, она бы направила большую часть имеющихся ресурсов на обеспечение безопасности этой системы, раз уж получила контроль над дворцом. Вместе с тем она испытывала бы сильное искушение отправить кого-нибудь за *вами,* капитан флота, при наличии хоть какой-то возможности. Капитан флота системы Храд просит также обратить внимание на то, что новости дошли до нее с кораблем из Дворца Омо, так что эта информация устарела уже на несколько недель.

Я отпила чаю.

— Если тиран была настолько глупа, чтобы отправить сюда корабли тотчас же, как взяла под контроль Тстур, то они смогут добраться… — «Милосердие Калра» показал мне цифры, — примерно через неделю.

— У той части лорда Радча есть причина испытывать к вам особо сильную неприязнь, — сказала Сеиварден от лица корабля. — А она всегда применяла решительные меры к тем, кто ее достаточно разозлит. Она вскоре явится за

нами, если смогла это устроить. — Сеиварден нахмурилась, когда в поле ее зрения появились новые слова, но, конечно же, я могла видеть их и сама и знала, что это. — Второе сообщение — от губернатора Джиарод.

Я ответила не сразу. Джиарод назначили губернатором главой системы Атхоек. Она также имела некое отношение к ранениям, от которых я только что оправилась. На самом деле я от них чуть не умерла. В силу своей сущности я уже знала содержание ее послания ко мне. У Сеиварден не было никакой необходимости воспроизводить его вслух.

Но у «Милосердия Калра» некогда имелись вспомогательные компоненты человеческие тела, управляемые его искусственным интеллектом, руки и ноги, глаза и уши корабля. Этих вспомогательных компонентов уже не было, их удалили, и теперь команда корабля полностью состояла из людей. Я знала, что обычные солдаты на борту иногда действовали за корабль, говорили за него, делали то, что корабль уже не мог сам, словно они — вспомогательные компоненты, которые он утратил. Обычно — не передо мной, я сама была вспомогательным компонентом, последней оставшейся частицей десантного судна

«Справедливость Торена», уничтоженного двадцать лет назад. Меня не забавляли и не утешали попытки моих солдат имитировать то, чем я некогда была. Тем не менее я этого не запрещала. До самого последнего времени солдаты не знали о моем прошлом. И они, казалось, нашли в этом способ оградить себя от неизбежной интимности жизни на маленьком корабле.

Но у Сеиварден не было нужды в таком притворстве. Она делала это потому, что так пожелал корабль. С чего бы кораблю захотелось подобного?

— Губернатор Джиарод просит вас вернуться на станцию по возможности скорее, — сказала Сеиварден. Сказал корабль. Просьба, пусть и приукрашенная слегка словами *по возможности,* была более категорична, чем следовало бы. Сеиварден это не так возмутило, как лейтенанта Экалу, но ее определенно интересовало, как я отвечу. — Губернатор не объяснила своей просьбы. Хотя Калр Пять заметила прошлым вечером какие-то беспорядки прямо у Подсадья. Служба безопасности кого-то арестовала, и с тех пор они там на взводе. — Корабль быстро показал мне фрагменты того, что Пять, которая по-прежнему оставалась на станции, видела *и* слышала.

— Разве Подсадье не было эвакуировано? — спросила я. Вслух, поскольку корабль явно хотел вести разговор именно так, независимо от того, как я к этому относилась. — Там должно быть пусто.

— Именно так, ответила Сеиварден. Корабль.

Большинство обитателей Подсадья были ичана, к которым с презрением относились ксхаи другая этническая группа Атхоека, та, что лучше других перенесла аннексию. Теоретически, когда радчааи аннексировали планету, этнические различия становились неважными. В действительности все было сложнее. И некоторые из необоснованных опасений губернатора Джиарод сосредоточивались вокруг ичана в Подсадье.

— Прекрасно. Разбуди, пожалуйста, лейтенанта Тайзэрвэт, корабль. — После нашего прибытия сюда Тайзэрвэт усердно занималась налаживанием связей в Подсадье, а также в администрации базы.

— Уже сделано, — ответила Сеиварден за «Милосердие Кадра». — Ваш челнок будет готов к тому времени, когда вы оденетесь и поедите.

— Спасибо. — Мне не захотелось сказать пи «Спасибо, корабль», ни «Спасибо, Сеиварден».

— Капитан флота, надеюсь, я не слишком много

на себя беру, — уточнил корабль через Сеиварден. К смутным опасениям, которые испытывала Сеиварден, добавилось беспокойство — она согласилась действовать за корабль, но внезапно встревожилась, заподозрив быть может, что корабль подходит к сути дела.

— Представить себе не могу, чтобы ты взял на себя слишком много, корабль. — Но конечно же, он мог знать обо мне почти все: каждый вздох, каждое движение каждой мышцы. Более того, поскольку я все еще была полностью подключена к нему как вспомогательный компонент, хотя и не являлась его сегментом, он наверняка знал, что использование офицера в качестве мнимого вспомогательного компонента выводит меня из равновесия.

— Я хотел спросить вас, капитан флота. Тогда в Омо вы сказали, что я мог бы быть собственным капитаном. Вы действительно имели это в виду?

На мгновение мне показалось, будто на корабле нарушена гравитация. Не имело никакого смысла пытаться скрыть мою реакцию на слова корабля, он мог видеть ее до малейших физических деталей. Сеиварден никогда особо не удавалось утаить свои чувства, и на ее аристократическом лице отразилось смятение. Она, конечно же, не

знала, что корабль хотел сказать именно это. Она открыла рот, словно собираясь заговорить, моргнула и закрыла его. Нахмурилась.

— Да, я имела в виду именно это, — ответила я.

Корабли для радчааи — не люди. Мы были оборудованием. Оружием. Орудием, которое действовало по приказу, когда требовалось.

— Я думал с тех пор, как вы это сказали, — произнесла Сеиварден. Нет, сказал «Милосердие Калра». — И я пришел к заключению, что не хочу быть капитаном. Но мне нравится мысль, что я *мог бы* им быть.

Сеиварден явно сомневалась, следует ли ей испытывать облегчение от прозвучавших слов. Она знала кто я; возможно, даже понимала, почему я сказала это тогда, во Дворце Омо, но она была благородным радчааи по рождению и, как и любой офицер-радчааи, привыкла ожидать от своего корабля, что он станет делать в точности то, что ему скажут. Что он всегда будет на месте.

Я сама была кораблем. Корабли могли испытывать очень, очень сильные чувства к своим капитанам или лейтенантам. Я знала это по личному опыту. О да. Большую часть своей двухтысячелетней жизни я даже не помышляла о том, что можно хотеть чего-то еще. И безвозвратная

утрата моего собственного экипажа проделала зияющую дыру во мне самой, на которую я старалась не глядеть. В основном. В то же время за последние двадцать лет я научилась принимать собственные решения, не обращаясь больше ни к кому. Самостоятельно управлять своей жизнью.

Приходило ли мне в голову, что мой корабль будет испытывать ко мне те же чувства, что я — к своим капитанам? Невозможно. Корабли не испытывают таких чувств к другим кораблям. Думала ли я об этом? С чего бы мне о таком думать?

— Хорошо, — сказала я и отпила чаю. Проглотила. Понятия не имею, зачем корабль сказал это через Сеиварден.

Но конечно же, Сеиварден — всецело человек. И она — лейтенант подразделения Амаат «Милосердия Калра». Возможно, слова корабля предназначались не мне, но ей.

Сеиварден не относилась к тем офицерам, кого заботило, что чувствует их корабль, она этого даже не замечала. Она не входила в число моих любимцев, когда служила на «Справедливости Торена». Но у кораблей — разные вкусы, разные любимчики. И Сеиварден стада значительно лучше за последний год.

Корабль, имевший вспомогательные компо-

ненты, выражал свои чувства тысячью малозаметных способов. Чай любимого офицера никогда не был холодным. Еда всегда оказывалась приготовлена именно так, как ему нравилось. Его форма всегда сидела как влитая, всегда приходилась впору, без всяких усилий. Самые крошечные потребности или желания удовлетворялись в тот же миг, как возникали. И большую часть времени офицер замечал лишь, что ему комфортно. Гораздо комфортнее, чем на других кораблях, где он нес службу.

Это были — почти всегда — определенно односторонние отношения. Много недель назад во Дворце Омо я сказала кораблю, что он мог бы командовать сам собой. *А* сейчас он сообщил мне и — не случайно, я была в этом уверена — Сеиварден, что хотел бы того или, по крайней мере, допускает такую возможность. Хотел, чтобы мы это осознали. Хотел, возможно, чтобы на его чувства хоть как-то ответили или в какой-то степени признали их.

Я не замечала, чтобы солдаты подразделения Амаат лейтенанта Сеиварден были как-то особенно заботливы, но, с другой стороны, они, как и все солдаты на «Милосердии Калра», — люди, а не придатки своего корабля. Им было бы весьма

неловко от обилия мелких интимных знаков внимания, о которых мог попросить корабль, если б им пришлось действовать за него в таком случае.

— Хорошо, — повторила я.

В своей каюте лейтенант Тайзэрвэт натянула ботинки, так и не проснувшись окончательно. Бо Девять стояла рядом с чаем для нее. Остальные солдаты подразделения Бо находились в глубоком сне, некоторые — со сновидениями. Солдаты Амаат Сеиварден завершали выполнение дневных заданий и готовились к ужину. Доктор и половина моих Калр пока спали, но не глубоко. Корабль собирался разбудить их через пять минут. Экалу и ее Этрепа все еще стояли на вахте. Лейтенант Экалу по-прежнему была несколько раздражена посланием губернатора системы, а также обеспокоена чем-то, о чем я не знала. Снаружи но корпусу «Милосердия Калра» время от времени проносились песчинки, а свет солнца Атхоека согревал его.

— Было ли еще что-нибудь?

Было. Сеиварден, находившаяся на взводе с того момента, как началась эта часть разговора, моргнула, ожидая увидеть в поле зрения некий ответ. Ничего в течение целой секунды. «Нет,

капитан флота, это все».

— Нет, капитан флота, — прочла Сеиварден. — Это все.

В ее голосе прозвучало сомнение. Для того, кто знал корабли, даже такая короткая пауза была весьма красноречивой. Я несколько удивилась, что Сеиварден, которая никогда не обращала внимания на чувства своих кораблей, это заметила. Она три раза моргнула и нахмурилась. Обеспокоенная. В замешательстве. Неуверенная в себе, что было так на нее не похоже. Сказала:

— Ваш чай остывает.

— Ничего, — ответила я и выпила чай.

Лейтенант Тайзэрвэт уже несколько дней хотела вернуться на базу Атхоек. Мы пробыли в этой системе немногим более двух недель, но Тайзэрвэт успела завести друзей, наладить связи. Стремилась добиться какого-то влияния на администрацию системы, как только ступила на базу, чему едва ли стоило удивляться, принимая во внимание то, что Тайзэрвэт какое-то время не была самой собой. Анаандер Мианнаи, лорд Радча, изменила злополучного семнадцатилетнего лейтенанта, чтобы сделать ее не чем иным, как придатком самой себя, еще одной частью лорда Радча, которую, как она надеялась, я не распо-

знаю и которая сможет за мной присматривать и держать под контролем «Милосердие Калра». Но я ее раскрыла и удалила имплантаты, связывавшие Тайзэрвэт с лордом Радча. Теперь она была кем-то другим — новым лейтенантом Тайзэрвэт, с воспоминаниями (и, возможно, некоторыми наклонностями) себя прежней, но также и тем, кто провел несколько дней в качестве самой могущественной особы в пространстве Радча.

Она ожидала меня возле люка челнока. Не слишком высокая, но стройная, даже поджарая, какими бывают некоторые, не исчерпавшие в семнадцать лет потенциала своего роста. После недавнего пробуждения она держалась не вполне уверенно, но прическа была — волосок к волоску, а темно-коричневая форма — безупречна. Бо Девять уже на борту челнока ни за что не выпустила бы своего лейтенанта из каюты в каком-то другом виде.

— Капитан флота. — Тайзэрвэт поклонилась. — Благодарю вас за то, что берете меня с собой.

Ее сиреневые глаза, что остались от прежней Тайзэрвэт, взбалмошной, легкомысленной и, вероятно, потратившей свою первую зарплату на то, чтобы изменить их цвет, оставались серьезны. В глубине души она была искренне польщена и

несколько взволнована, даже под воздействием препаратов, которые дала ей врач «Милосердия Калра». Имплантаты, вставленные ей лордом Радча, работали не так, как нужно, и, как я подозревала, причинили ей неустранимый вред. Их удаление, которое я поспешно осуществила, частично сгладило последствия, но, возможно, породило другие проблемы. Добавьте к этому ее — вполне понятное — двойственное отношение к Анаандер Мианнаи, личность которой в ней, вероятно, все еще отчасти оставалась, — и результат будет очевиден: почти постоянное эмоциональное расстройство.

Тем не менее сегодня, насколько мне было видно, она чувствовала себя нормально.

— Не стоит, лейтенант.

— Сэр. — Похоже, ей хотелось обсудить что-то, перед тем как мы заберемся в челнок. — У нас проблемы с губернатором Джиарод.

Губернатор системы Джиарод была назначена той же властью, которая послала меня сюда, в систему Атхоек. Теоретически в том, что касалось поддержания безопасности и стабильности в системе, мы являлись союзниками. Но она передала информацию моим врагам всего лишь несколько дней назад, что едва не привело к моей смерти.

Возможно, тогда она этого не осознавала, но теперь уже наверняка все выяснила. Однако от нее не последовало ни слова по этому поводу, ни объяснения, пи извинения — ничего вообще. Только этот — на грани приличий — вызов на базу.

— Думаю, в какой-то момент, — продолжила Тайзэрвэт, — нам понадобится новый губернатор системы.

— Сомневаюсь, что Дворец Омо пришлет нам нового в обозримом будущем, лейтенант.

— Да, сэр, — ответила Тайзэрвэт. — Но *я* могла бы этим заняться. Я могла бы быть губернатором. У меня бы хорошо получилось.

— Несомненно, лейтенант, — ровно сказала я и повернулась, готовясь протолкнуться через границу между искусственной гравитацией «Милосердия Кадра» и ее отсутствием на челноке.

Я видела, что, хотя Тайзэрвэт, услышав эти слова, осталась совершенно спокойной, мой ответ причинил ей боль. Пусть ее и притупили принятые препараты, но юному лейтенанту было больно.

Учитывая прошлое, Тайзэрвэт следовало понимать, что я воспротивлюсь ее попытке стать губернатором системы. Я оставалась в живых до сих пор лишь потому, что Анаандер Мианнаи,

лорд Радча, думала или надеялась, что я могу представлять опасность для ее врага. Но конечно же, врагом Анаандер Мианнаи была она сама. Меня не особо волновало, какая из фракций лорда Радча выйдет победителем, — все они, с моей точки зрения, одинаковы. Я бы хотела увидеть, что Анаандер Мианнаи полностью уничтожена. Эта цель была мне не но силам, но лорд Радча знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать: я причиню ей по возможности максимум вреда. Она похитила несчастную Тайзэрвэт, чтобы оказаться поближе ко мне и ограничить вред, насколько сумеет. Тайзэрвэт сама рассказала мне об этом вскоре после того, как мы прибыли на базу Атхоек.

И несколько дней назад Тайзэрвэт сказала: «*Вы понимаете, сэр, что мы обе делаем именно то, чего она хочет*?» *Она* — Анаандер Мианнаи. А я ответила, что меня не слишком заботит, чего хочет лорд Радча.

Я повернулась назад. Положила руку на плечо Тайзэрвэт. Сказала мягче:

— Давайте сначала проживем сегодняшний день, лейтенант.

Или несколько следующих недель, или месяцев, или более того. Пространство Радча велико.

Борьба, которая идет сейчас в провинциальных дворцах, могла дойти до нас сюда, на Атхоек, завтра, или на следующей неделе, или в следующем году. Или она могла иссякнуть во дворцах и сюда вообще не добраться — никогда. Но я бы не стала за это ручаться.

Мы часто позволяем себе небрежно высказываться о расстояниях внутри отдельной солнечной системы — о том, что база находится рядом с луной или планетой, шлюз — возле наиболее значительной базы системы, в то время как на самом деле эти расстояния измеряются сотнями тысяч, если не миллионов, километров. А внешние станции системы могут находиться в сотнях миллионов, даже миллиардах километров от шлюзов.

Несколькими днями раньше «Милосердие Калра» был действительно в опасной близости к базе Атхоек, но теперь он находился лишь относительно рядом. Мы собирались провести целый день на челноке. «Милосердие Калра» мог создавать собственные шлюзы, кратчайшие пути в обход обычного космического пространства, и таким образом доставить нас туда быстрее, но выход из шлюза вблизи базы с интенсивным движением чреват риском столкновения с тем, что окажется

на пути. Корабль мог делать это, что и продемонстрировал совсем недавно. Но сейчас казалось безопаснее отправиться на челноке, который был слишком, мал, чтобы генерировать собственную гравитацию, не говоря уж о собственном шлюзе. Проблемам с губернатором Джиарод, в чем бы они ни заключались, придется обождать.

У меня было много времени, чтобы обдумать, с чем я могу столкнуться на станции. Обе фракции Анаандер Мианнаи (если допустить, что их только две) наверняка имели там агентов. Но никто из них не был военнослужащим. Капитан Хетнис — мой враг, которому губернатор системы Джиарод столь опрометчиво передала опасную информацию, лежала замороженной в анабиозном отсеке на борту «Милосердия Калра» вместе со всеми своими офицерами. Ее корабль, «Меч Атагариса», находился на орбите достаточно далеко от самого Атхоека, с выключенными двигателями, все его вспомогательные компоненты — в хранилищах. «Милосердие Илвеса», единственный военный корабль в этой системе, помимо «Меча Атагариса» и «Милосердия Калра», обследовал внешние станции системы, и его капитан не был пока замечен и попытках прервать это занятие в нарушение моего приказа. Службы безопасности базы

и планеты оставались единственной угрозой, но их сотрудники были вооружены всего лишь дубинками-шокерами. Они, конечно, могли представлять собой некоторую опасность, особенно для невооруженных граждан. Но не для меня.

Любой, кто уже осознал, что я не поддерживаю его фракцию лорда Радча, будет применять против меня только политические средства. Значит, это политика. Возможно, стоит воспользоваться намеком Тайзэрвэт и пригласить на обед начальника службы безопасности базы.

Калр Пять по-прежнему оставалась на базе Атхоек, вместе с Восемь и Десять. База была переполнена еще до повреждения и эвакуации Подсадья, и спальных мест там недоставало. Мои солдаты Калр поместили ящики и тюфяки в углу тупикового коридора. На одном из этих ящиков сидела Юран, тихо, но настойчиво спрягая глаголы на языке расвар. Ичана на базе Атхоек, наши основные соседи здесь, говорили главным образом на расвар. Было бы проще, если б Юран отправилась в медчасть, чтобы овладеть основами языка под воздействием препаратов, но такому подходу она бурно воспротивилась. Юран, которой едва исполнилось шестнадцать лет, была единственным невоенным членом моего

маленького хозяйства и никакого отношения ни ко мне, ни к кому-либо на борту «Милосердия Калра» не имела, но я сочла себя ответственной за ее судьбу.

Пять стояла рядом, судя по всему — полностью погрузившись в приготовление чая к приходу наставника Юран, который должен был появиться через несколько минут, но на самом деле — пристально следя за ней. В нескольких метрах от них Калр Восемь и Калр Десять драили полы коридора, которые выглядели уже не столь уделанными, как раньше, и были заметно светлее тех, что находились за пределами импровизированных границ нашего лагеря. Работая, они напевали — потихоньку, так как за соседними дверями спали граждане.

В комнате моей возлюбленной
Рос жасмин.
Он оплел всю ее кровать.
Дочери постились и обрили головы.
Через месяц они вновь придут в храм
С розами и камелиями,
Но я буду поддерживать себя
Лишь ароматом цветов жасмина

До конца своей жизни.

Это была старая песня, старше, чем сами Восемь и Десять, возможно, старше их бабушек. Я помнила ее еще новой. На челноке, где ни Восемь, ни Десять не могли меня слышать, я пела ее вместе с ними. Тихонько, поскольку рядом со мной спала пристегнутая в кресле Тайзэрвэт. Однако пилот челнока услышала меня и испытала некоторое облегчение. Ее тревожило это внезапное возвращение на станцию и то, что она слышала о послании губернатора Джиарод. Но если я пела значит все шло, как надо.

На «Милосердии Калра» Сеиварден спала и видела сон. Ее десять солдат Амаат тоже спали, тесно сгрудившись на своих койках. Подразделение Бо (под командованием Бо Один, поскольку Тайзэрвэт была на челноке со мной) только что поднялось после сна и, не вдумываясь, несколько вразнобой читало утреннюю молитву («Цветок справедливости — мир. Цветок правильности — красота в мысли и действии…»).

Вскоре после этого доктор пришла с вахты и обнаружила, что лейтенант Экалу сидит в крошечной каюте подразделения, уставившись на свой ужин.

— Ты в порядке? — спросила доктор и села

рядом с ней.

Солдат подразделения Этрепа, которая обслуживала офицеров, поставила на стол перед ней чашку чаю.

— Я — и порядке, — солгала Экалу.

— Мы долго служили вместе, — ответила врач. Экалу в замешательстве не подняла взгляда и промолчала. — Прежде, до того как тебя повысили, ты бы пошла за поддержкой к своим коллегам по подразделению, но ты больше не можешь этого сделать. Теперь они служат под командой Сеиварден. — До того как появилась я — до того как предыдущего капитана «Милосердия Калра» арестовали за измену, — Экалу была Амаат Один. — Ты не можешь обратиться к солдатам своего подразделения.

Солдат Этрепа, обслуживавшая Экалу, бесстрастно стояла в углу каюты.

— Многие лейтенанты так бы и сделали, но их ведь не повысили из солдат, верно? — Она не добавила, что Экалу могло тревожить, не подорвет ли она свой авторитет среди товарищей по экипажу, знавших ее долгие годы простым солдатом. Не сказала, что Экалу было известно по личному опыту, сколь неравноценным мог оказаться такой обмен: просить какого-то утешения или

эмоциональной поддержки у солдат, служивших под ее началом. — Думаю, ты первая, кому это удалось — подняться до офицера из рядовых.

— Нет, — вяло ответила Экалу. — Первой была капитан флота. — Она имела в виду меня. — Думаю, ты знала все время. — Что я — вспомогательный компонент, а не человек, имела она в виду.

— Так проблема — в этом? — спросила врач. Она не притронулась к чаю, который подала ей Этрепа. — Капитан флота первая?

— Нет, конечно. — Экалу подняла наконец взгляд, и ее бесстрастное выражение сменилось на мгновение чем-то другим, но оно тут же исчезло. — С чего бы это?

Я поняла, что она говорит правду.

Врач жестом показала, что ее это не касается.

— Некоторые люди ревнуют. А лейтенант Сеиварден… очень привязана к капитану флота. А ты и лейтенант Сеиварден…

— Было бы глупо ревновать к капитану флота, — отрешенно сказала Экалу.

И она действительно так думала. Ее утверждение я могла бы счесть за оскорбление, но я понимала, что не того она хотела. И она была права. Ревновать ко мне просто бессмысленно.

— К таким делам, — сухо заметила врач, — не

всегда подходят разумно.

Экалу промолчала.

— Мне вот бывало иногда интересно, о чем подумала Сеиварден, когда открыла для себя, что капитан флота — вспомогательный компонент. Даже не человек! — Выражение лица Экалу на какой-то миг изменилось. И врач тут же добавила: — Но ведь это так. Думаю, капитан флота *и* сама тебе так скажет.

— Так ты собираешься говорить о капитане флота *оно* вместо ***она***? — бросила Экалу. А затем отвела взгляд в сторону. — Прошу великодушно простить, доктор. Просто это не по мне.

Поскольку я могла видеть то, что видел корабль, я заметила неоднозначную реакцию врача на излишне формальное извинение Экалу и неожиданно тщательное старание лейтенанта избавиться от своего обычного акцента, свойственного выходцам из нижних слоев общества. Но врач знала Экалу очень давно, и большую часть этого времени — до того, как ее, по выражению доктора, повысили из солдат.

— Думаю, — сказала врач, — что Сеиварден воображает, будто понимает, что значит быть на самом дне общества. Несомненно, она узнала, что вполне можно оказаться там, несмотря на

хорошую семью, и безупречные манеры, и все признаки того, что Аатр одарила тебя жизнью в счастье и достатке. Она узнала, что бывает, когда тот, кого она отвергала, кем пренебрегала, может оказаться достойным ее уважения. И теперь, когда она это узнала, она считает, что понимает *тебя*. — Тут ей пришла в голову другая мысль. — Вот почему тебе не поправилось, когда я сказала, что капитан флота не человек, верно?

— Я никогда не бывала ни на каком дне. — Экалу по-прежнему тщательно округляла гласные, подражая доктору или Тайзэрвэт. Или Сеиварден. Или мне. — И я уже сказала, что в этом нет ничего такого.

— Тогда я ошибаюсь, — ответила врач, в чьем голосе не прозвучало ни раздражения, ни сарказма. — Прошу снисходительно простить меня, лейтенант. — Более формально, чем нужно с Экалу, которую она знала так дол го. Врачом которой она была все это время.

— Разумеется, доктор.

Сеиварден по-прежнему спала. Не ведая о замешательстве, что испытывала ее сослуживица (и любовница) лейтенант. Не ведая о моих опасениях, о благосклонном внимании корабля, в котором, как я начинала подозревать, проявля-

лась его сильная привязанность. Корабль многое готов был высказать совершенно откровенно, но не это, я уверена.

Рядом со мной, в челноке, Тайзэрвэт что-то бормотала и ворочалась, но не просыпалась. Я стала думать о том, что могло ожидать меня на базе Атхоек по прибытии и что следовало сделать.

Глава 2

Я встретилась с губернатором Джиарод в ее кабинете. Его кремово-зеленые шелковые портьеры закрывали сегодня даже широкое окно, которое выходило на главную площадь базы Атхоек. Граждане пересекали это пространство но истертому белому полу, входили в здание администрации базы или выходили из него, стояли, беседуя, перед храмом Амаата с его огромными барельефами четырех Эманаций. Губернатор Джиарод, высокая, широкоплечая, внешне невозмутимая, — но я знала но опыту, что она подвержена опасениям и склонна действовать под их влиянием в наименее подходящее время, — предложила мне присесть (и я согласилась), а также чаю (и я отказалась). Калр Пять, которая встретила меня у причала, бесстрастно стояла у меня за спиной. Я подумывала было отослать ее к двери или вообще в коридор, но решила, что столь явное напоминание о том, кто я и какими ресурсами командую, может оказаться полезным.

Губернатор Джиарод не могла не замечать солдата, неподвижно возвышающегося за мной, но

делала вид, что там никого нет.

— Как только гравитация вернулась, капитан флота, администратор базы Селар сочла — и я с этим согласилась, — что нам следует провести тщательное обследование Подсадья, чтобы убедиться в устойчивости его конструкций.

Несколько дней назад общественные сады, которые находились непосредственно над упомянутой частью станции, начали рушиться, чуть не затопив четыре уровня под ними. ИИ базы Атхоек вышел из этого чрезвычайного положения, отключив гравитацию на всей станции, пока Подсадье не было эвакуировано.

— Вы обнаружили там десятки скрывающихся неразрешенных граждан, как опасались?

У каждого радчааи было отслеживающее устройство, которое имплантировалось при рождении, чтобы пи один гражданин никогда не потерялся или не стал невидимым для любого ведущего наблюдение ИИ. Особенно здесь, в относительно малом пространстве базы Атхоек, мысль о том, что кто-то может тайно передвигаться или скрываться так, чтобы об этом не знала база, была откровенно нелепой.

— Вы думаете, что такие опасения — это глупости, — ответила губернатор Джиарод. — И тем

не менее наша проверка выявила именно такую особу, которая скрывалась в туннелях доступа между уровнями три и четыре.

— Только одну? — спросила я совершенно ровным голосом.

Губернатор Джиарод движением руки показала, что понимает: одна особа — это очень далеко от опасений некоторых официальных лиц, включая, очевидно, самого губернатора.

— Она — ичана. — Большинство обитателей Подсадья были ичана. — Никто не признается в том, что ему о ней известно что-либо, хотя довольно очевидно: кое-кто ее знал. Она — в камере службы безопасности. Я подумала, что вам хотелось бы это знать, особенно с учетом того, что последний, кому удалось нечто подобное, был чужаком.

Переводчик Длайкви, почти гуманоидным представитель таинственных и устрашающих Пресгер, которые до заключения договора с Радчем — на самом деле со всем человечеством, поскольку Пресгер не делали различий между людьми, раздирали на части их корабли и самих людей из спортивного интереса. Пресгер были настолько могущественны, что никакие вооруженные силы людей, даже радчаайские, были не

в состоянии не только их уничтожить, но даже защититься от них. Переводчик Прегер Длайкви, как оказалось, могла вводить в заблуждение сенсоры базы с тревожащей легкостью, и у нее не хватало терпения сидеть в безопасности в резиденции губернатора. Тело переводчика лежало в анабиозном отсеке в медчасти в ожидании отдаленного, как все надеялись, дня, когда Прегер заявятся сюда в его поисках. А тогда нам придется объяснять, что вспомогательный компонент «Меча Атагариса» застрелил ее но подозрению в повреждении стены в Подсадье.

По крайней мере, в результате поисков, которые выявили одну эту особу, люди должны перестать бояться некой орды кровожадных ичана.

— Вы проверили ее ДНК? Она состоит в близком родстве с кем-то еще в Подсадье?

— Что за странный вопрос, капитан флота! Быть может, вам известно нечто такое, чем вы со мной не поделились?

— Много чего, — ответила я, — но по большей части это вас не заинтересует. Не состоит, верно?

— Да, — подтвердила губернатор Джиарод. И врачи сообщили мне, что у нее обнаружены молекулярно-генетические маркеры, которых

не видели со времен, предшествующих аннексии Атхоека. — *Аннексия* это политкорректный термин, обозначающий радчаайское военное вторжение и колонизацию целых звездных систем. — Поскольку она не может быть недавним по времени потомком угасшего века назад рода, единственная альтернативная возможность — в самом широком значении этого слова, — что ей более шестисот лет.

Была и другая возможность, но губернатор Джиарод ее пока не увидела.

— Быть может, это и так. Хотя она, наверное, находилась в анабиозе изрядную часть времени.

Губернатор Джиарод нахмурилась.

— Вы знаете, кто она?

— Не кто, — ответила я, — не конкретно. У меня есть некоторые подозрения насчет того, *чем* она является. Могу я с ней поговорить?

— Вы собираетесь поделиться своими подозрениями со мной?

— Нет, если они окажутся необоснованными. — Не хватало мне, чтобы губернатор Джиарод добавила в свой список еще одного призрачного врага. — Я бы хотела с ней поговорить, и пусть пришлют врача, чтобы еще раз ее осмотреть. Кого-нибудь здравомыслящего и рассудительного.

Камера была крошечной, два метра на два, с решеткой и крапом для воды в углу. Особа, которая сидела на корточках на истертом полу, уставившись в чашку со скелем — очевидно, своим ужином, — на первый взгляд казалась ничем не примечательной. На ней была свободная рубашка и брюки ярких цветов — желтого, оранжевого и зеленого, — одежда, которую предпочитали большинство ичана в Подсадье. Но на ней были также простые серые перчатки, подозрительно новые с виду — похоже, только что со склада станции, и она надела их по настоянию службы безопасности. Почти никто в Подсадье не носил перчаток, и это лишь еще одна причина считать людей, живших здесь, нецивилизованными, тревожаще, быть может даже опасно, чуждыми. Отнюдь не радчааи.

Не было никакой возможности подать знак, что я хочу войти, — в тюрьме службы безопасности не имелось даже намека на уединение. База — ИИ, который контролировал базу Атхоек и фактически и был самой базой, — открыла по моей просьбе дверь. Особа, сидевшая на корточках на полу, даже не подняла взгляда.

— Можно войти, гражданин? — спросила я.

Хотя обращение *гражданин* было здесь почти

наверняка неверным, на радчааи это — чуть ли не единственно возможная вежливая форма.

Особа не ответила. Я вошла, сделав единственный шаг, и присела на корточки напротив нее. Калр Пять остановилась в дверном, проеме.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Губернатор Джиарод сказала, что эта особа отказалась говорить с минуты ареста. Допрос ее назначили на следующее утро. Но конечно, чтобы он дал результаты, следовало решить, какие вопросы задавать. Вполне возможно, что никто здесь этого не знал.

— Тебе не удастся сохранить свою тайну, — продолжила я, обращаясь к особе, сидевшей передо мной на корточках на молу и глядевшей в свою чашку со скелем.

Ей не оставили никакою прибора — опасаясь, вероятно, что она может с его помощью причинить себе вред. Ей придется есть эти толстые листья руками или погрузиться лицом в чашку, обе возможности — неприятные и унизительные для радчааи.

— На утро назначен твой допрос. Я уверена, что они будут очень аккуратны, но в любом случае не думаю, что это жутко приятная процедура.

Как и многие народы, аннексированные Рад-

чем, большинство ичана были убеждены, что допрос неотделим от перевоспитания, которому подвергают осужденного преступника, чтобы исключить рецидив. Безусловно, в обоих случаях использовались одни и те же препараты, и некомпетентный специалист мог причинить человеку значительный вред. Даже самые породистые радчааи испытывали ужас перед допросом и перевоспитанием, старались избегать их упоминания и всячески обходили эти темы, даже впрямую столкнувшись с ними.

По-прежнему не было никакого ответа. Она даже не подняла взгляда. Я могла сидеть в тишине так же, как и эта особа. Подумала, не попросить ли базу показать мне, что она может о ней видеть: определенно изменения температуры, возможно, частоту пульса или что-то еще. Я не сомневалась, что сенсоры, которые имелись здесь, в службе безопасности, были настроены на извлечение максимально возможной информации из заключенных. Но я не думала, что увижу в этих данных что-то удивительное.

— Ты знаешь какие-нибудь песни? — спросила я.

Мне показалось, я заметила изменение, совсем небольшое, в том, как она держала плечи, в ее

позе. Мой вопрос ее удивил. Он был, должна признать, довольно бессмысленным. Почти все, кого я встречала за свою двухтысячелетнюю жизнь, знали по крайней мере несколько песен. База сказала мне в ухо:

— Это удивило ее, капитан флота.

— Несомненно, — ответила я безмолвно.

Не подняла глаз, когда Пять отступила назад, в коридор, чтобы впустить Восемь. Та держала красно-сине-зелёную коробку, инкрустированную золотом, — я передала просьбу принести ее, перед тем как покинуть кабинет губернатора. Движением руки я велела поставить коробку на пол рядом с собой, а потом открыла крышку.

В этой коробке некогда хранился античный чайный сервиз — термос, ситечко, чашки на двенадцать персон — из сине-зеленого стекла с золотом. Он просуществовал невредимым три тысячи лет, возможно — больше. Теперь сервиз лежал разбитый, в осколках, устлавших коробку или собравшихся в углублениях, которые некогда содержали его части в уютной безопасности. Невредимый, он стоил целое состояние. В осколках он все равно оставался большой ценностью.

Особа, сидевшая передо мной на корточках, в конце концов повернула голову, чтобы взглянуть

на него. Спросила ровным голосом на радчааи:

— Кто это сделал?

Наверняка ты понимала, — заметила я, — когда отдавала его, что может случиться нечто подобное. Наверняка ты понимала, что больше никто не будет так высоко его ценить, как ты.

Я не знаю, о чем ты говоришь. — Она по-прежнему не отрывала глаз от разбитого сервиза, однако голос ее звучал ровно. Она говорила на радчааи с тем же акцентом, который я слышала у других ичана в Подсадье. — Это явно ценная вещь, и, кто бы его ни разбил, очевидно, он совершенно нецивилизован.

— Думаю, она расстроена, капитан флота, — сказала база мне в ухо. Как бы то ни было, она реагировала эмоционально. Трудно сделать более определенные выводы только по внешним данным, когда я не знакома с кем-то близко.

Мне по личному опыту было известно, как все работает, но я не стала говорить. Ответила безмолвно:

— Спасибо, база, это полезная информация.

Я знала, также но личному опыту, каким услужливым мог быть ИИ, когда ты ему нравился. И каким бесполезным и неотзывчивым он становился, имея причину для неприязни

или негодования. Я была искренне и приятно удивлена, когда база по своей инициативе стала предоставлять мне информацию. Вслух же я сказала особе, сидящей на корточках передо мной:

— Как тебя зовут?

— А пошла ты… — ответила она ровно и безучастно. Все так же не отрывая взгляда от разбитого чайного сервиза.

— Как звали капитана, чье имя ты удалила, прежде чем сбыть этот сервиз? — Надпись на внутренней стороне крышки коробки была изменена, чтобы убрать имя, которое, как я подозревала, позволило бы раскрыть происхождение сервиза.

— Зачем ждать до завтра, чтобы допросить меня? — спросила она. Сделай это сейчас. Тогда ты получишь ответы на все свои вопросы.

— Пульс участился, — сказала база мне в ухо. — Как и дыхание.

Вслух я произнесла:

— Значит, есть предохранительное устройство. Препараты тебя убьют. Во всяком случае, эту часть тебя.

Она наконец посмотрела на меня. Медленно прищурилась.

— Капитан флота Брэк Мианнаи, ты уверена,

что ты в порядке? В этом вообще не было смысла.

Я закрыла коробку. Взяла ее и поднялась на ноги. Сказала:

— Капитан Хетнис продала сервиз гражданину Фосиф Денчи. Дочь Фосиф разбила его, а Фосиф решила, что он утратил всю ценность, и выбросила.

Я повернулась и передала коробку Пять, которая вновь сменила Восемь в дверном проеме. Собственно говоря, этот чайный сервиз был ее. Именно она взяла на себя труд извлечь его по кусочку из кучи мусора, после того как Раугхд Денчи в приступе разрушительной ярости на мать, которая лишила ее наследства, швырнула его оземь.

— Приятно было познакомиться. Надеюсь вскоре поговорить с тобой еще.

Я вышла из помещения службы безопасности на главную площадь базы, Калр Пять — позади меня со своим разбитым сервизом, и тут база сказала мне в ухо:

— Капитан флота, верховный священник только что покинула кабинет губернатора Джиарод и ищет вас.

В пространстве Радча слова *верховный священ-*

ник без каких-либо других определений означали — верховный священник Амаата. На базе Атхоек верховным священником Амаата была особа по имени Ифиан Вос. Я познакомилась с ней, когда она — не без некоторого раздражения — совершала богослужение на похоронах переводчика Длайкви. После того я с ней не говорила.

— Спасибо, база. — Когда я это сказала, ее преосвященство Ифиан вышла из резиденции губернатора, сразу повернулась и зашагала мне навстречу. База, несомненно, сообщила ей, где я нахожусь.

Сейчас я хотела поговорить с губернатором Джиарод об особо, которая содержалась под стражей в службе безопасности, а затем заняться размещением своих солдат. Но уклониться от встречи с Ифиан Вос было невозможно: база специально не предупредила, что верховный священник ищет меня, чтобы я не смогла этого избежать.

Я вышла на середину истертой, некогда белой площади и остановилась.

— Капитан флота! — воскликнула верховный священник и, подойдя ко мне, поклонилась.

«Какой безупречно рассчитанный поклон, — подумала я, — ни на миллиметр глубже, чем того

требовало мое положение». На два сантиметра ниже меня, стройная, с низким и звучным голосом, она держалась с абсолютной уверенностью человека со связями и ресурсами, позволившими занять высокий священнический пост Граждане обходили нас с двух сторон, их пиджаки и куртки сверкали драгоценностями, памятными и ассоциативными брошами. Обычное, повседневное движение на главной площади. Большинство из тех, кто шел мимо, предпочитали нас не замечать. Правда, некоторые бросали искоса любопытные взгляды.

— Такие ужасные события в последние несколько дней! — продолжила ее преосвященство Ифиан, будто ведя дружескую беседу с доброй знакомой. Хотя, конечно же, все мы *годами* знали капитана Хетнис и никто не мог ожидать от нее ничего предосудительного!

Безукоризненно сшитый лиловый пиджак верховного священника заблистал переливчатым многоцветьем сверкающих брошей, которые дружно затрепетали на ее груди, мучимой сомнениями: ну разве могла капитан Хетнис сделать что-то не так?

А капитан Хетнис всего лишь несколько дней назад угрожала убить садовода Баснаэйд Элминг,

чтобы как-то подчинить меня своей воле. Садовод Баснаэйд — младшая сестра моего лейтенанта из тех времен, когда я еще была десантным кораблем «Справедливость Торена». Я согласилась отправиться на Атхоек только потому, что здесь находилась Баснаэйд: за мной оставался долг перед ее давно уже покойной сестрой, долг, который я никогда на самом деле не смогу вернуть.

— Конечно, — ответила я, выбрав наиболее дипломатичный из возможных вариантов ответа.

— И я полагаю, что вы *действительно* обладаете властью, чтобы ее арестовать, — продолжала ее преосвященство Ифиан, и в ее тоне прозвучало легчайшее сомнение.

Мое противостояние с капитаном Хетнис закончилось полной разрухой в Садах, а на базе несколько дней отсутствовала гравитация. Сейчас Хетнис пребывала в состоянии анабиоза в отсеке временной приостановки жизнедеятельности и, таким образом, больше не могла эффектно и по-дурацки опасно действовать.

— Все это военные дела, несомненно. А гражданин Раугхд… Такая милая, благовоспитанная молодая особа. — Раугхд Денчи пыталась меня убить за несколько дней до того, как капитан Хетнис сделала кое-что *предосудительное*. — На-

верняка у них были *причины* для таких поступков, и, конечно же, это следует принять во внимание! Но, капитан флота, я не о том собиралась с вами поговорить. И разумеется, мне не хочется держать вас здесь, на площади. Быть может, мы могли бы выпить чаю?

— Боюсь, ваше преосвященство, что я страшно занята. Сейчас иду на встречу с губернатором Джиарод, а затем мне очень нужно заняться своими солдатами, которые спали последние несколько ночей в конце коридора станции.

Администратор базы наверняка завалена сейчас жалобами, и никому и в голову не придет заниматься моим собственным хозяйством кроме меня.

— Да, да, капитан флота, это — одна из тем, которую я собиралась обсудить с вами! Знаете, Подсадье было довольно модным районом. Может, конечно, не таким модным, как апартаменты с видом на главную площадь. — Она новела рукой вокруг, указывая на окна второго этажа зданий, окружающих площадь — центр жизни базы и ее самое большое открытое место, помимо Садов. — Возможно, если бы Подсадье было *столь же* модным, его отремонтировали бы давным-давно! Но что есть, то есть. — Она

сделала благочестивый жест, демонстрируя покорность воле богов. — Я слышала, это *чудесные* апартаменты. Могу только *представить*, в каком состоянии они сейчас, после того как там столько лет незаконно проживали ичана. Но я *надеюсь*, что теперь, когда там идет ремонт, во внимание будет принято изначальное распределение помещений.

«Интересно, сколько из тех семейств еще находятся здесь», — подумала я.

— Я не в состоянии помочь вам, ваше преосвященство. У меня нет полномочий в сфере распределения жилья. Вам лучше поговорить с администратором базы Селар.

— Я говорила с администратором базы, капитан флота, и она сказала мне, что вы настаивали на сохранении текущего распределения. Я уверена, что оставить всех там, где они сейчас, кажется вам практичным решением, но на самом деле здесь имеют место *особые обстоятельства*. К тому же результаты утреннего гадания сегодня *взывают к осторожности*.

Возможно, верховный священник занялась этим делом всецело из желания позаботиться о семьях, надеявшихся вернуться в Подсадье. Но она также была другом капитана Хетнис, а

капитан работала на ту часть лорда Радча, которая убила лейтенанта Оун Элминг. Ту часть лорда Радча, что уничтожила десантный корабль «Справедливость Торена», го есть меня. И время для разговора было выбрано подозрительное: когда стало ясно, что я не поддерживаю ту часть Анаандер Мианнаи. Это, и еще попытка оказать влияние упоминанием о гадании. За свою долгую жизнь я встречала довольно много священников и обнаружила, что они, в общем, как и все остальные: кто щедрый, а кто алчный, кто добрый, а кто жестокий, кто смиренный, а кто склонный к самовозвеличиванию. В большинстве из них было всего понемногу, в разное время — по-разному. Как и в любом другом человеке. Но я пришла к выводу: когда священник намекает, что его личные цели на самом деле — это воля божья, надо оставаться настороже.

— Как утешительно, — ответила я серьезным голосом и с самым серьезным выражением лица, — думать, что в эти трудные времена бога еще заботят нюансы распределения жилья. У меня же сейчас нет времени их обсуждать.

Я поклонилась с той же точно рассчитанной вежливостью, как и верховный священник, и направилась через площадь к резиденции гу-

бернатора.

— Как интересно, — сказала база мне в ухо, — что боги только сейчас заинтересовались приведением в порядок Подсадья.

– *Очень* интересно, — ответила я безмолвно. — Спасибо, база.

— Вспомогательный компонент! — Недоверие явственно слышалось в голосе губернатора Джиарод и было написано на ее лице. — А где же корабль?

— На другой стороне Призрачного шлюза.

Шлюза, который вел в тупиковую систему, куда обитатели Атхоека намеревались расширяться до аннексии, но так и не успели. Ходили туманные слухи, что та система населена призраками, Капитан Хетнис и «Меч Атагариса» проявляли непостижимый интерес к этому шлюзу, через который вскоре после прибытия «Милосердия Кадра» пришел невероятно старый отсек для хранения запасов. Теперь я не сомневалась, что и разбитый чайный сервиз Кадр Пять появился через тот же шлюз в обмен на поставки людей в состоянии анабиоза. Предполагалось, что это дешевая неквалифицированная рабочая сила для Атхоека, но капитан Хетнис крала их и продавала кому-то на другой стороне Призрачного шлюза.

— Вы помните, несколько дней назад мы говорили о краже мигрантов в состоянии анабиоза.

Вряд ли она могла такое забыть, учитывая события последующих нескольких дней.

— И было трудно представить, с какой целью это делалось. Я думаю, что на другой стороне шлюза довольно долгое время находился корабль и он покупал тела, чтобы использовать их в качестве вспомогательных компонентов. Раньше он приобретал их у атхоекских работорговцев вот как он получил тело ичана, относившееся к периоду до аннексии, которое смог отправить сюда, и оно затерялось среди местных. — Более или менее, по крайней мере. Когда аннексия перекрыла эти поставки, он покупал их у радчаайских чиновников, достаточно коррумпированных и алчных, чтобы продавать мигрантов. — Я махнула рукой Пять, стоявшей у меня за спиной, чтобы она открыла коробку с чайным сервизом.

— Это же сервиз Фосиф, — сказала губернатор Джиарод. Потом добавила: — Ей продала его капитан Хетнис.

— До сих пор вы не задавались вопросом, откуда у капитана Хетнис такая вещь. — Я указала на надпись с внутренней стороны крышки. — Вы также не замечали, что кто-то очень тщательно

удалил имя первоначального владельца. Если бы вы читали на нотаи — языке, на котором была выполнена надпись, — или если бы уже видели такие надписи, вы бы сразу это заметили.

— О чем вы, капитан флота?

— Мы имеем дело не с радчаайским кораблем.

Или это *был* радчаайский корабль. Радч — место рождения Анаандер Мианнаи более трех тысяч лет назад, тогда еще единой, очень честолюбивой особой в одном-единственном теле. А также имелось огромное пространство, которое Анаандер создала вокруг Радча за последние три тысячи лет, — пространство, контролируемое Радчем, но что за связь оставалась между ними? И не все обитатели Радча и пространства, непосредственно окружавшего его, поддерживали то, что сделала Мианнаи. Из-за этого происходили сражения. Войны. Гибли корабли и капитаны. Многие из них были нотаи. Из Радча.

— Я имею в виду: не с кораблем Анаандер. Это корабль нотаи.

Нотаи были, конечно, радчааи. Люди, обитающие и пространстве Радча — и вне его, — склонны думать о «радчааи» как о чем-то едином, когда на самом деле все это гораздо сложнее, или, по крайней мере, так было, когда Анаандер впервые

начала свое движение вовне из Радча.

— Капитан флота, — возразила губернатор Джиарод, ошеломленная, преисполненная недоверия, — все это — *предания*. Корабли, потерпевшие поражение в той войне, тысячелетиями скитающиеся в космосе… — Она покачала головой. — С таким можно встретиться в мелодраме. Этого нет *в действительности*.

— Не знаю, сколько времени он там оставался, — сказала я. — По крайней мере, он попал туда до аннексии. — Он должен был находиться там еще до аннексии, если покупал тела для вспомогательных компонентов у атхоекских рабовладельцев. — Но он — там. И он — здесь, — продолжила я, испытывая облегчение оттого, что врач, которая осматривала плененный вспомогательный компонент, не видела меня лично, так что я не попала ненароком в ноле действия ее заново настроенных имплантатов, а в итоге она доложила губернатору результаты обследования, не выдав лишнего обо мне. — Сомневаюсь, чтобы кто-либо из обитателей Подсадья смог сказать что-нибудь о ней.

Подсадье было повреждено годы назад, и база почти не могла воспринимать происходящее там. Идеальное место, чтобы укрыться кому-то

вроде этого сегмента корабля нотаи. Избегая встреч с людьми, подключенными к базе, а такие в Подсадье — редкость, в отличие от остальной части базы, он мог перемещаться незамеченным, и никому и в голову не приходило, что он там.

— Полагаю, что, когда пропала связь с дворцами и нарушилось движение в пространстве, корабль понял: что-то не так, и послал сегмент, чтобы попытаться выяснить, в чем дело. Даже если бы этот компонент схватили, тайна корабля наверняка была бы в безопасности. Есть предохранительное устройство, которое убьет ее в случае применения спецпрепаратов при допросе. А имплантаты скрыты, и вряд ли кому придет в голову их искать. Возможно, предохранитель установлен таким образом, чтобы уничтожить любое компрометирующее свидетельство.

— Вы догадались обо всем этом по чайному сервизу гражданина Фосиф?

— На самом деле, да. Я бы давно высказалась о своих подозрениях, но хотела добыть больше доказательств. Ведь в такое довольно трудно поверить, как вы заметили.

Губернатор Джиарод нахмурилась и помолчала, размышляя, как я надеялась, о своем участии в этом деле. Затем она сказала:

— Так что нам сейчас делать?

— Предлагаю установить отслеживающее устройство и поставить на питание.

— Но право же, капитан флота, если это вспомогательный компонент… сегмент не может быть гражданином. Корабль не может.

Я подождала лишь долю секунды — не скажет ли ей что-нибудь база, но выражение лица губернатора не изменилось.

— Я уверена, что служба безопасности не хотела бы, чтоб эта камера оказалась занятой на постоянной основе. Что же еще нам делать? — Я иронично повела рукой. — Назначьте ей работу, — продолжила я. — Разумеется, что-нибудь, не связанное с доступом к важной информации или к уязвимым системам базы. Подтвердите ее размещение в Подсадье.

Выражение лица губернатора Джиарод изменилось самую малость. Значит, верховный священник обращалась к ней со своим делом.

— Капитан флота, *я* понимаю, что распределение жилья — это дело администратора базы Селар, но признаюсь, что мне не нравится поощрять незаконную деятельность. Начать с того, что никто не должен жить в Подсадье вообще.

Я молча смотрела на нее.

— Хорошо, что вы проявили интерес к своим соседям, — продолжила она, помолчав, с некоторым сомнением в голосе, словно не испытывала уверенности. — Но лично я предпочла бы отдать эти помещения законопослушным гражданам.

Я по-прежнему хранила молчание.

— Я думаю, было бы целесообразнее пересмотреть распределение жилья в Подсадье, вновь спланировать восстановительные работы и обдумать тем временем отправку некоторых граждан на планету.

Что было бы прекрасно, желай они на самом деле туда попасть, но я подозревала, что если упомянутые граждане — это нынешние жители Подсадья, то их мнение в расчет приниматься не будет. Вероятно, большинство из них провели всю свою жизнь на базе и не хотели заниматься теми работами на планете, где сейчас и в ближайшем будущем могли быть вакансии, или просто не подходили для них.

— Это, как вы говорите, губернатор, дело администратора базы Селар.

Селар несла ответственность за функционирование базы. Такие проблемы, как распределение жилья, относились к ее компетенции, и, хотя формально она подчинялась губернатору Джиарод,

подобные мелкие детали жизни базы обычно не заслуживали внимания губернатора системы. И администратор Селар — достаточно популярная личность, так что губернатор Джиарод, скорее всего, предпочтет урегулировать такой вопрос дружественно и непублично.

Губернатор Джиарод вкрадчиво ответила:

— Но вы попросили ее сделать незаконные размещения в Подсадье официальными. Я полагаю, что она будет более открыта к пересмотру таких размещений, если с ней поговорите вы. — *Это* было интересно. Я почти ожидала комментария базы, но она ничего не сказала. И я тоже. — Люди будут недовольны.

Я раздумывала, не спросить ли базу прямо: что это — умышленная угроза со стороны губернатора? Но база молчала, и ее молчание по сравнению с ее же словоохотливостью несколько минут назад было очень выразительным. Я знала, что ей не понравится, если я стану давить, когда она ощущает себя в неловком или противоречивом положении. А проявленная ею благосклонность была чем-то новым и требовала деликатного отношения.

— А жители Подсадья — не люди?

— Вы знаете, что я имею в виду, капитан фло-

та. — Она была раздражена. — Нам не хватает сейчас стабильности, как вы сами недавно мне напомнили. Мы не можем сейчас позволить себе находиться в состоянии войны с собственными гражданами.

Я чуть улыбнулась, весьма уклончиво:

— Разумеется.

Отношения губернатора Джиарод с капитаном Хетнис были довольно противоречивыми, я уверена. Но это не исключало возможности, что сейчас она — мой враг. А если так, то она, очевидно, не желала пока выступать против меня открыто. В конце концов, именно у меня — вооруженный корабль и солдаты.

— Давайте убедимся, что мы учитываем при этом *всех* наших граждан, хорошо, губернатор?

Глава 3

Обеспечение жильем на радчаайской базе принимает различные формы. Предполагается, что люди обычно живут в семье: родители, бабушки-дедушки, тетки, кузены, возможно — слуги и клиенты, если семья достаточно богата. Иногда такие семейные хозяйства создаются вокруг должностных лиц базы — резиденция губернатора или хозяйство верховного священника по соседству с храмом Амаата на главной площади, где наверняка селятся также и младшие священники.

Тому, кто вырос в подобном семействе или получил назначение, с ним связанное, не требовалось просить администрацию базы о выделении жилья. Оно было ему назначено еще до рождения, задолго до того, как испытания на способности обеспечили ему такую должность. А еще хорошо, конечно, быть членом семейства, ведущего историю со времен начала строительства базы или ее аннексии. Или иметь к этому некое отношение. Когда я была кораблем, все мои офицеры, жившие на базах, происходили из подобных семейств.

Гражданину, не принадлежащему к такому семейству, тем не менее полагалось жилье, оно полагалось всем гражданам. Гражданин, не обладавший достаточно высоким положением в обществе или поддержкой могущественного клана, мог получить койку в общей спальне вроде той, что занимала я, будучи вспомогательным компонентом, или солдаты на борту «Милосердия Калра». Другой вариант — крошечное отделение размером с анабиозный отсек, в котором хватало места лишь для сна и, возможно, для хранения смены одежды или мелких личных вещей. На базе Атхоек имелись оба этих вида жилья, но все они были переполнены: из-за недавнего уничтожения нескольких межсистемных шлюзов одни корабли сюда перенаправлялись, другие здесь застряли. А закрытие Подсадья добавило еще несколько сотен граждан, которым нужно было где-то спать. Мои солдаты Калр устроили импровизированное жилье возле дверного проема, ведущего в комнату, напичканную койками, темную и тихую, несмотря на то что этот час для большинства обитателей базы — время бодрствования. Комната явно была переполнена, и люди, вероятно, спали посменно.

Увидев меня, Восемь отчего-то почувствовала

облегчение, испытывая в то же время нерешительность и какую-то двойственность. Еще несколько дней назад она думала, что я — всецело человек. Теперь же она знала, как и все на борту «Милосердия Калра», что я — не человек, а вспомогательный компонент. Теперь ей также стало известно, насколько неодобрительно я относилась к тому, что мои солдаты изображают из себя вспомогательные компоненты. Она пребывала в затруднении, не зная, как со мной говорить.

— Восемь, — сказала я. — Все, как я вижу, под контролем. Это неудивительно.

— Благодарю, сэр.

Неуверенность Калр Восемь отразилась отчасти в выражении ее лица и в голосе: следует ли сохранять привычную бесстрастность, присущую вспомогательным компонентам, или нет? Неожиданно даже это краткое общение со мной, которое раньше было простым и ясным, породило у нее сомнения. Калр Пять, как я видела, испытывала то же самое, но скрыла свои эмоции за возней с драгоценным чайным сервизом. Восемь продолжила:

— Будете чай, сэр?

Я но сомневалась, что даже здесь, посреди прохода, Восемь смогла бы приготовить мне чай,

если бы я этого пожелала.

— Спасибо, нет. Я выпью воды. — Я села на контейнер с вещами и развернулась так, чтобы видеть открытый конец коридора.

— Сэр, — подтвердила Восемь. Бесстрастно, но мой ответ вызвал у нее дальнейшие сомнения.

Разумеется. Вспомогательные компоненты пили воду, а не чай, который предназначался только для людей и считался роскошью, иногда — необходимой. Не то чтобы существовал некий запрет, но такую роскошь не тратили на оборудование. И мой ответ на вопрос, что я буду нить, так или иначе казался неким посланием или намеком на то, кем я была — или кем не была.

Когда Восемь дала мне воду, которую я попросила, — в лучшем фарфоре, какой оказался сейчас доступным, сине-фиолетовом Брактвэре, — кто-то вышел из ближайшей спальни и направился ко мне по коридору. Это была и чана, одетая в светлую свободную рубашку и брюки, какие носили почти все ичана — обитатели Подсадья. Я узнала в ней особу, которая две недели назад выступила перед лейтенантом Тайзэрвэт с отчасти обоснованной жалобой, что предложенные нами планы ремонта и переоснащения Подсадья не принимали во внимание нужды и пожелания

самих его обитателей. Но я ведь не присутствовала при том противостоянии. Мне показал его корабль, который видел и слышал это через саму Тайзэрвэт. У данной особы нет причин думать, что я ее узнаю.

Но у нее не могло быть никакого иного дела в этом конце коридора, кроме как обратиться ко мне или к моим Калр. Я выпила воду, протянула чашку Пять и поднялась с места.

— Гражданин, — сказала я и поклонилась. — Могу ли я чем-то помочь?

— Капитан флота, — отозвалась она и поклонилась в ответ. Вчера прошло собрание. — Она имела в виду собрание обитателей Подсадья — таким образом они решали проблемы, которые затрагивали в целом всех. — Я знаю, что вы и лейтенант не могли его посетить, в противном случае вас бы известили.

На первый взгляд, совершенно разумно. Тайзэрвэт и я были далеко от базы, либо на борту «Милосердия Калра», либо на пути сюда. Но конечно же, о таком собрании можно было оповестить любую из моих Калр, которые еще находились на базе, и я знала, что этого не произошло. Значит, никого из нас на этом собрании видеть не предполагали, но сказать об этом прямо было непросто, и эта

особа, без сомнений, надеялась, что я не стану заводить такой разговор.

— Разумеется, гражданин, — ответила я. — Не присядете ли? — Я указала на ближайший контейнер. Но думаю, что ость готовый чай, но мы были бы рады его приготовить.

— Нет, спасибо, капитан флота. Значит, то, с чем она пришла, вызывает у нес чувство неловкости, и она отнюдь не ожидает от меня положительной реакции. Или, возможно, положительной реакции лейтенанта Тайзэрвэт. — Со стороны юного лейтенанта было очень любезно устроить приемную на четвертом уровне Подсадья, чтобы жителям стало удобнее доносить свои пожелания и заботы до администрации базы. Это, конечно, очень полезно, но, возможно, нанесло ущерб другим ее обязанностям.

Итак, дело касалось Тайзэрвэт.

— И собрание, полагаю, решило, что, когда эта приемная откроется вновь, ею следует заниматься кому-то другому?

Эта особа испытывала смущение, едва заметное, но все же оно чувствовалось.

— Да, капитан флота. Мы хотели бы особо подчеркнуть, что с нашей стороны нет никаких жалоб, а со стороны юного лейтенанта не было

никаких нарушений.

— Просто вы полагаете, что было бы лучше, если бы эта приемная непосредственно представляла интересы большинства жителей Подсадья, — добавила я.

На ее лице мелькнуло удивление. Она не ожидала, что я выскажусь с такой прямотой.

— Как скажете, капитан флота.

— А гражданин Юран?

Юран не принадлежала к числу моих солдат и, конечно, никоим образом не состояла со мной в родстве, но тем не менее жила с нами и помогала по утрам Тайзэрвэт в ее приемной на четвертом уровне. Она была с Вальскаая, ребенком мигрантов, присланных на Атхоек в прошлом поколении через все пространство Радча, и ей было суждено собирать чай на планете.

— Дитя с Вальскаая? Да, конечно, мы просим ее продолжать. Пожалуйста, скажите ей.

— Я поговорю с ней, — ответила я, — и с лейтенантом Тайзэрвэт тоже.

Тайзэрвэт отнюдь не обрадовалась.

— По, сэр! — воскликнула она настойчиво, но шепотом, поскольку мы по-прежнему находились в конце коридора, сидели на корточках на истертом полу за контейнерами. Потом сделала

вдох и сказала с чуть меньшим пылом, но по-прежнему шепотом: — Вы понимаете, сэр, что, по всей вероятности, нам придется найти способ управлять здесь. А чтобы это сделать, нам нужно влияние. Мы хорошо начали, мы добились ключевой роли в… — И тут она вспомнила, что, в отличие от наших комнат в Подсадье, база имела возможность слышать, что мы здесь говорим, почти наверняка слушала и могла сообщить о нашей беседе губернатору Джиарод. — Для губернатора нет власти выше, к кому можно обратиться, нет другого источника поддержки в случае кризиса. Есть только мы.

Восемь и Десять рядом не было, они получали еду для нашего ужина в ближайшей общей столовой — возможность готовить здесь отсутствовала. Пять стояла на страже у импровизированной границы нашего бивуака и делала вид, что не слышит разговора.

— Лейтенант, — сказала я, надеюсь, что *вы* осознаете, что у меня нет никакого желания здесь управлять. Я совершенно счастлива, что атхоекцы управляют собой сами.

Она моргнула, явно сбитая с толку.

— Сэр, вы это не серьезно. Если бы атхоекцы могли управлять собой сами, нас бы здесь *не было*.

А управление путем принятия решений собранием — прекрасный метод, если не заниматься чем-то, требующим решительных действий сейчас же. Или даже в течение нескольких последующих *столетий*.

За свои две тысячи лет я убедилась в том, что, как только Анаандер Мианнаи отдавала приказ об аннексии, такие детали, как форма местного самоуправления, теряли всякое значение.

— Лейтенант, вы вот-вот загубите добрую репутацию, которую здесь приобрели. Принимая во внимание, что это наши соседи и мы можем пробыть здесь еще какое-то время, я бы предпочла, чтобы вы ничего такого не делали.

Она глубоко вдохнула, успокаиваясь. Она была уязвлена и сердита. Ощущала себя преданной.

— Администрация базы не расположена прислушиваться непосредственно к ичана из Подсадья. Так было всегда.

— Тогда убедите их начать, лейтенант. Вы уже делали шаги в этом направлении. Продолжайте.

Еще один вдох. Несколько успокоилась.

— А что насчет гражданина Юран?

— Они попросили, чтобы она продолжала работать. Не объяснили почему.

— Потому что она — *с Вальскаая*! Потому что

она не ксхаи *и* не радчааи из другой системы!

— Они такого не говорили, но, если это отчасти и так, можно ли их в том винить, принимая во внимание все обстоятельства? И, как я помню, вы сами говорили именно об этом, когда пытались меня убедить, что гражданину Юран следует работать на вас.

Лейтенант Тайзэрвэт сделала глубокий вдох. Открыла было рот, чтобы заговорить, но осеклась. Сделала еще вдох. Сказала почти умоляюще:

— Вы все еще не *доверяете* мне!

Я была настолько поглощена этой беседой, что не обращала внимания больше ни на что. И тут заговорила Калр Пять, опередив мой ответ Тайзэрвэт:

— Чем могу помочь, гражданин?

Я связалась с кораблем. Сразу за низкой стеной стоял нотайский вспомогательный компонент, тот, что был прежде в камере службы безопасности. Все в тех же ичанских рубахе и брюках и тех же серых перчатках, со свертком серой ткани под мышкой.

— Они отпустили меня и дали одежду, — сухо произнес сегмент, отвечая Пять, — и сказали, что сожалеют, но у них нет для меня подходящей работы. Но поскольку это не моя вина, я могу

получать еду и койку на шесть часов в день. Мне сказали, что все это — по просьбе капитана флота Брэк Мианнаи, которая, не сомневаюсь, обеспечила для себя и своих людей более комфортные условия, а значит, может позаботиться и обо мне.

Злость и негодование Калр Пять, конечно, никак не отразились на ее лице. Так же как и странное чувство неловкости, которое, как мне кажется, было вызвано тем, что она знала: тот, кто говорит с ней, на самом деле — вспомогательный компонент.

Я поднялась с места прежде, чем Пять успела ответить.

— Гражданин, — сказала я, понимая, что это обращение — формально неверное. Вспомогательному компоненту не полагалось никакого вежливого обращения. — Прошу остаться с нами, хотя, боюсь, пока Подсадье не откроют вновь, наше положение не многим лучше, чем у остальных. — Не дав никакого ответа, сегмент с серьезным видом остался стоять на месте. — Было бы полезно знать, как тебя зовут.

— Зовите меня, как вам нравится, капитан флота.

— Я бы хотела звать тебя твоим именем.

— Тогда мы в тупике, — прозвучало по-прежнему невозмутимо.

— Ты никуда не уйдешь, — сказала я. — Ты бы ушел шестьсот лет назад, когда эта система была аннексирована, если бы мог. Ты больше не можешь создавать собственные шлюзы. Возможно, у тебя даже двигатели не работают. А это означает, что найти тебя — всего лишь вопрос времени и решимости с нашей стороны. — На самом деле, нужно было только немного покопаться в истории и воспользоваться математикой, чтобы отгадать, что это за корабль. — Потому можешь просто сказать нам.

— Вы очень убедительны, капитан флота, — произнес он. И больше ничего.

«Милосердие Калра» сказал мне в ухо:

— Капитан флота, я размышлял над этим с тех пор, как мы впервые осознали, что на другой стороне Призрачного шлюза — корабль. Есть несколько вариантов. Это мог быть «Совершенствование спокойствия», но я абсолютно уверен, что отсек, который мы обнаружили, — с одного из Драгоценных камней. Это сужает варианты до «Гелиодора», «Идокраза» или «Титанита». Фрагменты «Гелиодора» были найдены в трех провинциях отсюда во время аннексии два сто-

летия назад, а исходя из последней доступной информации о курсе, которым шел «Идокраз», едва ли он мог оказаться здесь. Я бы сказал, наиболее вероятно, что это «Тиранит».

Вслух я сказала:

— «Титанит».

Никакой реакции в ответ, но база сказала мне в ухо:

— Я думаю, это верно, капитан флота. Определенно, вы его сейчас удивили.

Я ответила безмолвно:

— Спасибо, база. Я ценю твою помощь. — И вслух: — Тебе придется взять сегодня свой ужин в столовой, корабль. Калр Восемь и Десять уже возвращаются оттуда с нашей едой.

«Титанит» произнес с холодком в голосе:

— Я — не *ваш* корабль.

— Тогда — гражданин, — сказала я, понимая, что это отнюдь не лучше. Указала рукой на нашу маленькую площадку. — Можешь войти. Если собираешься так поступить.

Он прошел мимо Кадр Пять, словно ее там не было, не обратив никакого внимания на лейтенанта Тайзэрвэт, которая поднялась с места посреди нашего диалога. Дошел до самого дальнего угла и сел на пол спиной к стене, обхватив

руками колени и уставившись вперед.

Калр Пять сделала вид, что не обращает на него внимания. Тайзэрвэт смотрела на него несколько секунд, а потом сказала:

— Он может съесть мой ужин, я не голодна, выйду прогуляться. — Она подняла взгляд на меня. — Разумеется, с разрешения капитана флота. — Это прозвучало почти язвительно. Она все еще злилась на меня.

— Конечно, лейтенант, — ответила я ровно.

Через четыре часа я увиделась с главой службы безопасности Лузулун. Более всего это походило на частную встречу — с учетом времени и места: в любимой чайной главы службы безопасности, по совету базы, на некотором удалении от главной площади. Здесь было мрачновато, удобные стулья и стены в темно-синих с золотом драпировках. Большинство радчааи расценивали приглашения, сделанные в последний момент не близкими друзьями, как нарушение правил приличия. Но тут ситуацию несколько сглаживали мое звание и текущее положение дел, а также заказанная мною бутылка местного крепкого напитка из сорго, который, как сообщила мне база, предпочитала глава службы безопасности. Когда Лузулун пришла, я тут же налила ей бокал.

Она поклонилась, когда я встала, приветствуя ее.

— Капитан флота, прошу прощения за столь поздний час. — Она была еще в форме, явно пришла прямо из своего учреждения. — В последнее время здесь беспокойно!

— Именно так. — Мы сели, и я протянула ей бокал с напитком. Взяла со стола свой.

— Признаюсь, я хотела встретиться с вами последние несколько дней, но времени не было совершенно. — Эти несколько дней я находилась не здесь, а на своем корабле. — Простите меня, капитан флота, боюсь, я все еще в заботах.

— Вы занимаетесь важными делами. — Я отпила глоток. Обжигающая жидкость оставила послевкусие ржавеющего железа. — Я сама пару раз занималась организацией безопасности граждан. Это сложная работа.

Лузулун сощурилась, пытаясь скрыть удивление. Мое отношение к гражданской безопасности было необычным для военных.

— Я польщена тем, что вы ото цените, капитан флота.

— Верно ли мое предположение, что вы заставляете своих людей работать дополнительные смены, дабы не допустить граждан в Подсадье?

— Верно. Хотя даже ичана достаточно сообразительны, чтобы осознать, как опасно заходить туда сейчас, пока не завершено полное обследование. Во всяком случае, большинство из них. Всегда есть небольшие исключения. — Она отпила из своего бокала. — Ах, именно это мне и нужно было. — Я послала базе безмолвную благодарность. — Нет, капитан флота, все верно, мои люди патрулируют там сейчас, и наша жизнь без того была бы несколько легче, но, имей я право голоса в таких делах, я бы как можно скорее завершила ремонт поврежденных конструкций и вернула этих людей туда, откуда они пришли. Теперь, когда я узнала, что вы прежде занимались гражданской безопасностью, я не удивлена, что вы без колебаний отправились туда вместе с ними.

Вы, несомненно, принимали участие в аннексиях, и я уверена, что вы не закрываете глаза на нецивилизованное поведение. И в Подсадье для вас гораздо больше места, чем где-либо на базе!

На моем лице появилась доброжелательная улыбка.

— Разумеется. — Несогласие с выражениями тина *эти люди* и *нецивилизованное поведение* сейчас делу не поможет. — Размышляя о текущем положении дел, я… поражена тем, что в

некоторых инстанциях настаивают на том, что следует отложить возвращение жителей в Подсадье, пока мы не пересмотрим распределение жилья на базе. — Под *некоторыми инстанциями* подразумевался верховный священник Амаата. — Не говоря уже о предложении отложить все ремонтные работы, кроме самых необходимых, до тех пор пока распределение жилья… *не будет пересмотрено*.

Глава службы безопасности Лузулун сделала еще один большой глоток.

— Что ж, полагаю, то, как будут распределены места, окажет влияние на характер и уровень ремонта, верно? Конечно же, быстрее и легче оставить распределение таким, как было, как вы сами и предложили, капитан флота. И работы уже шли — еще до того, как протекло озеро. Могли бы так и продолжаться. Но… — Она огляделась по сторонам. Понизила голос, хотя в пределах слышимости не было никого, кроме меня и Калр Пять, стоявшей за моим стулом: — Ксхаи, сэр, могут проявлять себя довольно неразумно в том, что касается ичана. И не то чтобы я полностью их в том винила. Грязнули они, и это же стыдоба: каким должно было быть Подсадье, и во что оно превратилось сейчас, после того как они там

пожили.

К счастью, мне было легко сохранять нейтральное выражение лица.

— Тем не менее, — продолжила Лузулун, — пусть они получат его, вот что я скажу. Это облегчит мне жизнь. С тех пор как Подсадье было эвакуировано, у нас стало вдвое больше беспорядков. Драки, обвинения в воровстве. Хотя большинство их оказались беспочвенными. — Она вздохнула. — Но не все. Мне будет спокойнее, когда они вернутся в Подсадье. Я этого не отрицаю. И ксхаи, по правде говоря, тоже станет лучше, но дайте им только повод подумать, что какая-нибудь ичана получила что-то незаслуженно… — Она раздраженно махнула рукой.

Большинство чиновников базы, те, кто не радчааи из других систем, здесь были ксхаи. То же касалось и богатейших семейств.

— А его преосвященство Ифиан — ксхаи? — спросила я мягко.

Глава службы безопасности Лузулун с улыбкой фыркнула.

— Нет, конечно. Она — радчааи из другой системы, и ее вовсе не порадовало бы ваше предположение, что она — с Атхоека. Но она благочестива, и если Амаат поставил ксхаи над

ичана, что ж, так должно быть.

В пространстве Радча само собой разумелось, что верховный священник Амаата обладал большим влиянием. Но почти всегда существовали и другие религиозные деятели, имевшие вес.

— А верховный священник Таинств?

Лузулун подняла свой бокал, выразив одобрение.

— Это верно, вы прибыли во время Фестиваля Гениталий и видели, насколько он популярен. Да. Она — ксхаи, но из числа немногих здравомыслящих.

— А вы посвящены в Таинства?

Все еще держа бокал в руке, она махнула им в знак полного отрицания самой мысли об этом.

— Нет-нет, капитан флота. Это для ксхаи.

База тихо сказала мне в ухо:

— Глава службы безопасности — наполовину сахут, капитан флота.

Это еще одна группа обитателей Атхоека, о которой я знала очень мало. По правде говоря, иногда такие различия казались мне незаметными, но, исходя из своего большого опыта, я понимала, что для людей, живущих здесь, ото было совершенно не так.

— Иди в самом деле, — продолжила Лузулун, не

зная, что база говорила со мной, — сейчас — ото для радчааи из других систем, со вкусом к… — она старалась подобрать верное слово, экзотической духовности, — закончила она с легкой иронией. Однако кому предназначалась эта ирония: посвященным из других систем, или самим Таинствам, или и тем и другим, судить было трудно. Формально Таинства открыты для каждого, кто сможет завершить посвящение. В действительности… — Она сделала еще один большой глоток и протянула бокал, когда я приподняла бутылку, предлагая подлить. — В действительности определенные категории людей всегда… отговаривали от таких попыток.

— Ичана, например, — предположила я, щедро подливая напиток. — Среди прочих, конечно.

— Именно так. Лет пять назад, например, обратилась с такой просьбой одна ичана. И не какая-нибудь полуцивилизованная вроде тех, что в Подсадье, нет, полностью интегрированная в общество, хорошо образованная, правильно говорившая. Из младших чиновников администрации базы. — Из этого немногословного описания я поняла, что речь шла о той особе, с чьей дочерью лейтенант Тайзэрвэт так старалась подружиться. — Какая тут поднялась шумиха!

Но иерофант стояла на своем. Для всех — значит для всех, без исключений. — Она снова фыркнула. Для всех, кто может себе это позволить, во всяком случае. Словоблудию и нытью — прошу прощения, сэр, — не было конца: и как это неблагопристойная особа станет теперь посвященной, и древние Таинства будут обесценены и уничтожены. Но знаете, думаю, иерофант была уверена, что ее позиция надежна. Более половины посвященных сейчас — из других систем, а радчааи привыкли к тому, что провинциалы становятся цивилизованными и входят в официальные круги. Мне кажется, что, если взглянуть на генеалогию большинства радчааи из других систем, находящихся на этой базе, можно найти довольно много таких. И действительно, Таинства, как кажется, продолжают жить своей жизнью, как всегда. — Взмахом руки она подчеркнула свое безразличие. — На самом деле у них не такое уж долгое прошлое, и, отказываясь присоединиться к Таинствам, они отрезали бы себя от наиболее привилегированного социального круга на базе.

— Итак, на самом деле, — тут я отпила из бокала, гораздо меньше, чем глава службы безопасности из своего, — ксхаи здесь вовсе не единодушны в отвращении к ичана. Это лишь немногие, самые

крикливые.

— О, их вовсе не немного! — А затем, подтверждая, насколько крепок напиток или, возможно, насколько быстро она его пила, Лузулун сказала: — Если не ошибаюсь, капитан флота, вы не были урожденной Мианнаи. Без обид, вы же меня понимаете. У вас есть и манеры, и произношение, но внешность у вас не та. И мне не верится, что кто-то столь высокого происхождения будет проявлять такой интерес к простому садоводу.

Она имела в виду Баснаэйд Элминг.

— Я служила с ее сестрой. — Я была кораблем, на котором служила ее сестра. Я убила ее сестру.

— Понимаю. — Она бросила взгляд на бутылку. Я подлила ей. — Полагаю, на «Справедливости Торена». Без обид, как я сказала, но семья садовода — не самого высокого круга.

— Да, — согласилась я.

Глава службы безопасности Лузулун рассмеялась, словно я что-то подтвердила.

— «Справедливость Торена». Этот корабль со всеми песнями! Неудивительно, что вы так нравитесь администратору базы Селар; наверное, вы привезли ей десятки новых. — Она вздохнула. — Я отдала бы свою левую руку, чтобы принести ей такой подарок! — Губернатор Джиарод была

вышестоящей властью, но администратор Селар управляла повседневной жизнью базы Атхоек. Она — крупная, грузная и довольно красивая. Немало обитателей базы Атхоек были немного влюблены в нее. — Что ж. «Справедливость Торена». Это настоящая трагедия. Удалось ли выяснить, что случилось?

— Насколько мне известно, нет, — солгала я. — Расскажите мне — я знаю, что это не совсем правильно, но… — я огляделась по сторонам, хотя понимала, что одного присутствия Калр Пять было достаточно, чтобы устрашить любого желающего усесться поближе к нам, меня интересует Сирикс Одела.

Именно Сирикс сказала капитану Хетнис, что угроза сестре лейтенанта Оун, Баснаэйд Элминг, будет серьезным ударом но мне. Это она заманила меня в Подсадье, чтобы капитан Хетнис могла осуществить свою угрозу, когда я находилась наиболее уязвимом положении.

Лузулун вздохнула.

— Что ж, капитан флота. Гражданин Сирикс…

— Она уже проходила прежде через службу безопасности, признала я.

Сирикс уже была однажды перевоспитана. Повторное перевоспитание несло личности (по

крайней мере, в теории) потенциальную опасность и применялось редко.

Глава службы безопасности поморщилась.

— На самом деле мы приняли это во внимание. — Она бросила на меня пытливый взгляд, интересуясь моей реакцией. — И она искренне раскаивалась. В конце концов было принято решение перенаправить ее на одну из внешних баз. Без дальнейшего, э-э, вовлечения. — Без дальнейшего перевоспитания, вот что это значило. — На одной из внешних баз понадобится новый садовод, и окно убытия — через несколько дней.

— Хорошо. — Меня не удивило, что Сирикс испытывала раскаяние. — Я не могу, конечно, примириться с тем, что она сделала. Но я знаю, что она была в трудном положении. Я рада, что ее избавят от дальнейших неприятностей.

Лузулун сочувственно хмыкнула.

— Вы ели? — спросила я. — Я могла бы заказать чего-нибудь.

Она согласилась, и мы провели остаток вечера в разговорах на несущественные темы.

Возвращаясь в наш тупиковый коридор, довольная исходом разговора с главой службы безопасности, я пыталась сообразить, как бы избавиться от вкуса того напитка из сорго. Кадр

Пять шла позади меня. «Милосердие Калра» показал мне Сеиварден, которая завершала вахту. Она была встревожена.

— Брэк — сказала лейтенант, и это показывало, какой силы стресс она испытала: сидя в командной рубке, с двумя солдатами Амаат рядом, она обратилась ко мне лично, без официоза: — Брэк, у нас проблема.

И я это видела. Маленькое одноместное суденышко только что вышло из Призрачного шлюза, за которым, по общему мнению, находилась тупиковая система без других шлюзов и обитателей. Мы знали, конечно, что там находится «Титанит» — нотайский корабль, старый, не переоснащенный и не ремонтировавшийся добрые три тысячи лет. Это же суденышко не было нотайским, и его крошечный коробкообразный корпус отливал такой невероятно сияющей белизной, словно оно сошло со стапелей несколько минут назад.

— Капитан флота, — сказала Сеиварден со своего места в командной рубке на борту «Милосердия Калра». Она держала себя в руках, но по-прежнему испытывала страх. — Здесь Прегер.

Глава 4

Как я уже говорила, космос велик. Когда суденышко Прескер вышло из Призрачного шлюза и вскоре после этого отправило сообщение, представившись кораблем Прескер и запросив на основании соответствующего подраздела договора разрешение пристыковаться к базе Атхоек, у нас оказалось в распоряжении целых три дня, чтобы подготовиться к его прибытию. Достаточно времени, чтобы лейтенант Тайзэрвэт, по крайней мере внешне, смирилась с желанием обитателей Подсадья самостоятельно вести свои дела.

Достаточно времени, чтобы я встретилась с Баснаэйд Элминг. Которая лишь недавно узнала, что я убила ее сестру. Которой я спасла жизнь несколько дней назад. Вообще-то, ее жизнь оказалась в опасности из-за меня. Она, что не вполне объяснимо, решила продолжать общение со мной. Я не задавалась вопросами и не размышляла слишком усердно над теми глубокими и противоречивыми переживаниями, которые почти наверняка скрывались за ее учтивостью.

— Благодарю за чай, — сказала она, сидя на

контейнере в тупиковом коридоре.

Тайзэрвэт отправилась выпить с друзьями. «Титанит», устав сидеть в углу и пялиться на стены, тоже куда-то ушел. База мне сообщит, если он во что-нибудь влипнет.

— Благодарю за то, что пришли меня навестить, — ответила я. — Знаю, что вы очень заняты.

Баснаэйд — одна из садоводов, ответственных за Сады, пять акров открытого пространства, где много воды, деревьев и цветов. Сейчас Сады были закрыты для публики: шло восстановление опорных конструкций, которые удерживали озеро над Подсадьем. Те нуждались в ремонте уже давно, но просели в весьма неподходящий момент, несколько дней назад. Некогда прекрасные Сады ныне являли собой месиво из жидкой грязи и растений, и пока оставалось неизвестно, воспрянут ли они вновь после того памятного дня.

В ответ губы Баснаэйд чуть изогнулись в подобии улыбки, и это так напомнило мне ее сестру, она явно устала, но старалась быть вежливой.

— Они хорошо продвигаются; говорят, озеро можно будет наполнить через несколько дней. Надеюсь, там сохранились одна-две розы. — Она развела руками, показывая, что смирилась со

случившимся. — Пройдет немало времени, прежде чем Сады снова станут такими, как раньше.

По крайней мере, восстановление озера неизбежно влекло за собой ремонтные работы на первом уровне Подсадья, находящемся непосредственно под ним, и ограничивало возможности ее преосвященства Ифиан препятствовать ремонту Подсадья в целом. И тут Баснаэйд, которая явно размышляла в этом же направлении, добавила:

— Не пойму я, зачем откладывать восстановление Подсадья. — Официальные источники по легальным новостным каналам по-прежнему утверждали, что возвращение перемещенных жителей в их дома остается первоочередной задачей. Но слухи распространялись не по официальным каналам. — И я не понимаю также, о чем думает ее преосвященство Ифиан.

Верховный священник Амаата использовала утреннюю церемонию гадания на знаках для того, чтобы предупредить обитателей базы об опасности поспешных действий, в результате чего можно оказаться в положении, которое трудно будет исправить. Насколько же лучше принять во внимание желание бога и поразмыслить о том, в чем же истинные справедливость, правильность и польза. Вывод был ясен любому, кто обращал

внимание на свежие слухи. Другими словами, каждому обитателю базы, не считая малышей.

Возможно, довольно многие люди из круга знакомых ее преосвященства благожелательно отнесутся к ее мнению. Быть может, Ифиан убедилась в поддержке определенных инстанций, прежде чем выступить этим утром. Но слишком многие люди спали сейчас посменно, по три-четыре человека на койке (или, как я, отказались от такой возможности и спали по углам и коридорам), и были несчастны. И любая задержка возвращения обитателей Подсадья в их собственные кровати не могла, мягко говоря, встретить одобрения таких людей. Конечно, по большей части это были наименее значимые из обитателей базы — люди, занимавшиеся черной работой, трудившиеся на непрестижных должностях, без поддержки семейства или достаточно состоятельных патронов.

— Ее преосвященство Ифиан явно полагает, что если ей удастся заручиться поддержкой достаточного числа людей, то на администратора базы Селар можно будет оказать давление и заставить ее изменить планы по ремонту Подсадья. И она собирается воспользоваться тем, что администратор базы не поинтересовалась волей богов на

сей счет с помощью гадания, прежде чем велела проводить работы.

— Но ведь в действительности дело тут не в администраторе базы Селар и даже не в Подсадье, верно? — Должность Баснаэйд — садовод — теоретически не предполагала особой вовлеченности в политику. Теоретически. — Это нацелено на вас, капитан флота. Она хочет ослабить ваше влияние на администрацию базы, а также, вероятно, не станет возражать, если всех обитателей Подсадья отправят на планету.

— Но раньше ее вообще не волновало, здесь они или нет, — указала я.

— Раньше вас здесь не было. И полагаю, не только Ифиан размышляет о том, что вы планируете сделать, взяв на себя управление отбросами общества на базе Атхоек, и думает, что лучше всего — не дать вам возможности ответить на этот вопрос.

— Ваша сестра поняла бы.

Она снова улыбнулась той усталой полуулыбкой.

— Да. Но почему сейчас? Я имею в виду не вас, а ее преосвященство. Вряд ли теперь подходящее время для политических игр, когда база переполнена, корабли заперты в системе, межсистемные

шлюзы уничтожены или закрыты по приказу и никто на самом деле не знает, почему такое происходит.

Баснаэйд уже знала это. Но губернатор системы Джиарод отказалась даже думать о том, чтобы сделать общеизвестным то, что Анаандер Мианнаи, лорд Радча в течение трех тысяч лет, разделилась и находится в состоянии войны с самой собой. Судя но официальным сводкам новостей, которые приходили по еще работающим (но закрытым для перемещения кораблей) шлюзам системы Атхоек, губернаторы соседних систем приняли сходные решения.

— Напротив, — ответила я, также слегка улыбнувшись. — Сейчас идеальное время для таких игр, если вас заботит только победа вашей стороны. И я не сомневаюсь, что ее преосвященство Ифиан думает, что я поддерживаю… ее политического противника. Она, конечно, ошибается. У меня собственные планы, не имеющие отношения к замыслам той особы. — Я почти не видела разницы между различными частями Анаандер Мианнаи. — Ошибочные предположения ведут к неверным действиям.

Это особая проблема той фракции Анаандер Мианнаи, которую, я уверена, поддерживала

Ифиан: не умея или не желая признать, что проблема находится в ней самой, та часть Анаандер сообщила своим сторонникам, что ее разлад с собой произошел из-за внешнего вмешательства. А именно — вмешательства Прессер.

— Ну, я не понимаю ее попыток отсрочить возвращение людей в их дома. Если семьи, которые изначально были направлены туда, так уж хотели вернуться в Подсадье, они могли бы уже давно потребовать проведения ремонта.

— Конечно, — согласилась я. — И без сомнения, так же думают довольно многие.

А у Сеиварден Экалу, которые по-прежнему находились на борту «Милосердия Кадра», оказалось достаточно времени для ссоры.

Они лежали вместе, тесно прижавшись друг к другу, на узкой койке Сеиварден. Экалу была сердита и напугана, пульс учащен. Сеиварден между Экалу и стенкой на мгновение застыла от обиды и недоумения.

— Это был комплимент! — настаивала Сеиварден.

— Несколько *провинциальна* — это оскорбление. Кроме того, кто же тогда *я*?

Сеиварден, все еще пораженная, не ответила.

— Всякий раз, когда ты произносишь это слово,

провинциальный, всякий раз, когда ты делаешь замечание относительно чьего-либо низкопробного произношения или *безыскусного* лексикона, ты напоминаешь мне, что *я* провинциальна, что я принадлежу к низшим классам. Что мое произношение и мой лексикон даются мне тяжким трудом. Когда ты смеешься над своими Амаат из-за того, что они промывают свою чайную заварку, ты просто напоминаешь мне о вкусе дешевого кирпичного чая — вкусе *дома.* А когда ты говоришь мне что-нибудь в качестве комплимента, мол, я вовсе не такая, тем лишь напоминаешь мне, что я — не отсюда. И это всегда что-нибудь незначительное, но такое — *каждый день*.

Сеиварден подалась бы назад, но она уже была прижата к стене, а Экалу не хватало места, чтобы отодвинуться, не встав с постели.

— Ты никогда ничего такого не говорила прежде. — Сеиварден, дочь старого и некогда невообразимо престижного клана, родилась за тысячу лет до Экалу и всех остальных на этом корабле, не считая меня, и потому даже ее раздраженное недоверие прозвучало аристократично. — Если это так ужасно, почему же ты ничего не говорила до сих пор?

— А как же сказать тебе о том, что я чувствую? —

спросила Экалу. — Как я могу жаловаться? Ты — выше меня по званию. Ты: — в близких отношениях с капитаном флота. Что за возможности у меня пожаловаться? И куда мне тогда деваться? Я даже не могу вернуться в подразделение Амаат, я больше к нему не принадлежу. Я не могу вернуться домой, даже если б сумела получить разрешение на эту поездку. Что же мне делать?

Разозлившись по-настоящему, уязвленная Сеиварден приподнялась на локте.

— Так плохо? И *я* так ужасен, потому что делаю тебе комплименты, потому что ты мне нравишься? Из-за того, что… — Она махнула рукой на измятую постель, на их обнаженные тела.

Экалу отодвинулась, села. Опустила ноги на пол.

— Ты не слушаешь.

— О, я *слушаю*.

— Нет, ответила Экалу и встала, сняла свои форменные брюки со стула. Ты делаешь именно то, чего я опасалась.

Сеиварден открыла рот, чтобы сказать что-то злое и едкое. Корабль произнес ей в ухо:

— Лейтенант. Пожалуйста, не надо.

Казалось, это не возымело немедленного воздействия, поэтому я безмолвно предостерегла:

— Сеиварден.

— Но… — начала Сеиварден в ответ то ли кораблю, то ли мне, то ли Экалу — не знаю.

— Мне нужно заняться делом, — сказала Экалу ровно, несмотря на боль, страх и злость, которые испытывала. Она натянула перчатки, взяла свою рубашку, куртку и ботинки и вышла за дверь.

Сеиварден уже сидела.

— Буфера Аатр! — воскликнула она и двинула кулаком в стену перед собой. И громко охнула, на сей раз от физической боли: ее кулак был без брони, а стена — твердая.

— Лейтенант, — сказал корабль ей в ухо, — вам следует отправиться в медчасть.

— Она сломана, — выдавила Сеиварден, когда смогла заговорить. Съежилась над травмированной рукой. — Не так ли? Я даже знаю, какая именно чертова кость.

— Две на самом деле, — ответил «Милосердие Каира». — Четвертая и пятая пястные кости. Вы уже делали это прежде?

Дверь открылась, и вошла Амаат Семь с липом, лишенным всякого выражения, как у вспомогательного компонента. Она сияла форму лейтенанта со стула.

— Однажды, — ответила Сеиварден. — Это бы-

ло давно.

— В тот последний раз, когда пытались бросить кеф? — предположил корабль.

К счастью, он сказал это только в ухо Сеиварден, и Амаат Семь не могла его слышать. Экипаж знал часть истории Сеиварден: что она из богатого и привилегированного семейства, была капитаном корабля, пока его не уничтожили, и провела тысячу лет в анабиозном отсеке. А вот чего они не знали: очнувшись, она обнаружила, что ее клан исчез, а у нее самой ни денег, ни положения в обществе — и ничегошеньки у нее не осталось, кроме аристократичной внешности и произношения. Она бежала из пространства Радча и пристрастилась к кефу. Я нашла ее на захолустной планете, нагую, истекающую кровью, полумертвую. С тех пор она не принимала кефа.

Если бы Сеиварден не повредила кисть, она бы врезала в стену еще разок. Ей так хотелось это сделать, что аж мышцы свело и руку пронзила острая боль. Глаза наполнились слезами.

Амаат Семь встряхнула форменные брюки Сеиварден.

— Сэр, — сказала она по-прежнему бесстрастно.

— Если вам так трудно справляться с эмоция-

ми, — вновь обратился корабль к Сеиварден, — то, я думаю, вам действительно нужно поговорить об этом с врачом.

— Да пошел ты! — отозвалась Сеиварден, но позволила Амаат Семь одеть себя и проводить в медчасть. Там она дала врачу наложить на руку восстановитель, но умолчала и о споре с лейтенантом Экалу, и о своем эмоциональном расстройстве, и пристрастии к кефу.

Времени хватило также и для обмена посланиями — мне с капитаном флота Уэми, которая находилась в одном шлюзе отсюда, в соседней системе Храд.

«Мои наилучшие пожелания капитану флота Брэк, — передала капитан флота Уэми, — и я была бы рада переслать ваши рапорты во дворец Омо».

Мягкое, дипломатичное напоминание о том, что я не отправляла никаких рапортов, даже сообщения о том, что прибыла в систему Атхоек. Уэми также прислала мне новости: Анаандер настолько закрепилась во Дворце Омо, что стала посылать корабли в другие системы провинции. Ходили разговоры о восстановлении перемещения в межсистемных шлюзах провинции, но Уэми сообщила, что она лично не считает, что это

сейчас так уж безопасно.

Провинциальные дворцы, наиболее удаленные от Омо (где конфликт прорвался наружу), замолкли много недель назад и оставались в таком состоянии. Из Дворца Тстур после его падения не поступало никакой информации. Губернаторы отдаленных систем провинции Тстур были на грани паники: их системы, особенно те, где отсутствовали обитаемые планеты, отчаянно нуждались в ресурсах, которые более не поступали через шлюзы. Они, естественно, могли бы попросить о помощи соседние системы, но эти соседи находились в провинции Омо, где, по слухам, заправляла другая Анаандер. Также по слухам, были казнены те губернаторы ближних к Дворцу Тстур систем, кого сочли недостаточно преданными Тстуру.

И все это время официальные информационные каналы продолжали непрестанный показ местных событий, обсуждение несущественных сплетен локального значения, записей развлекательных программ. Все это перемежалось время от времени официальными заверениями в том, что с текущим неудобством, с непродолжительным нарушением порядка будет вскоре покончено. Им занимаются прямо сейчас.

«Боюсь, — написала мне капитан флота Уэми в завершение всего этого, — что некоторые из совсем недавно аннексированных систем могут попытаться отколоться. Особенно Шиз'урна или Вальскаай. Если они решатся, будет кровавое дело. Может, вы что-нибудь слышали?»

Я провела много времени в обеих системах, участвовала в обеих аннексиях. И небольшое число вальскаайцев жило на Атхоеке, их могло это заинтересовать.

«Для всех на самом деле было бы лучше, если бы они не бунтовали, — продолжалось послание капитана флота Уэми.

Я уверена, что вы это знаете».

А я была уверена: она хочет, чтобы я передала информацию дальше, всем, с кем могла поддерживать связь в обеих системах.

«Искренне благодарю капитана флота Уэми за ее пожелания, — ответила я. — В настоящее время меня заботит только система Атхоек. Направляю информацию о текущем положении дел в системе и мои собственные официальные рапорты. Премного благодарю капитана флота за ее предложение передать все соответствующим органам власти».

И присоединила к этому целую пачку офици-

альных новостей за неделю — все, что удалось найти, включая результаты семидесяти пяти местечковых соревнований по выращиванию редиса на планете Атхоек, которые были объявлены этим утром, их я пометила как заслуживающие особого внимания. Плюс — месячную порцию собственных донесений и записей данных о состоянии организма, десятки документов, каждая лакуна которых была заполнена одним и тем же словом: *Отвали*.

На следующий день губернатор Джиарод стояла рядом со мной у причального шлюза. Серый пол и стены были, на мой взгляд, слишком грязными, но, в конце концов, большую часть жизни я провела в чистоте, соответствующей военному стандарту. Губернатор системы казалась спокойной, но за то время, которое понадобилось суденышку Прегер, чтобы добраться до базы Атхоек от Призрачного шлюза, у нее было достаточно возможностей наволноваться. Не исключено, что особенно беспокоилась она именно сейчас, когда мы ожидали, пока выравняется давление между базой и кораблем Прегер. Только мы вдвоем, и больше никого, даже моих солдат, хотя в коридоре за причалом стояла Калр Пять, внешне бесстрастная, но на самом деле ее просто

колотило.

— Прескер были в Призрачной системе все это время? — задала вопрос Джиарод в третий раз за последние три дня. — А вы спрашивали — как его, «Титанита», кажется? — Она нахмурилась. Что за название? Разве у нотайских кораблей не было обычно длинных названий? Типа «Неотвратимое господство раскрывающегося разума» или «Конечное содержит бесконечное содержит конечное»?

Оба этих названия были вымышленными, из более-менее популярных мелодрам.

— Ногайские корабли назывались в соответствии с их классами, — ответила я. — «Титанит» — один из Драгоценных камней. Среди кораблей этого класса не было настолько знаменитых, чтобы о них сняли приключенческий сериал. — И он бы ничего не сказал о том, что творилось там, в Призрачной системе. Я спрашивала и получила в ответ лишь холодный взгляд. — Но я не думаю, что это суденышко оттуда. А если и так, то туда оно пришло лишь затем, чтобы попасть в Призрачный шлюз.

— Если бы не все эти… неприятности прошлой недели, мы могли бы спросить «Меч Атагариса».

— Могли бы, — согласилась я. — Но у нас было

бы достаточно оснований не доверять его ответу. — То же на самом деле касалось и «Титанита», но я не стала это подчеркивать.

Помолчав, губернатор Джиарод спросила:

— Пресгер нарушили договор? — *Вот* — новый вопрос. Похоже, он вертелся у нее на языке все это время.

— Потому что они вышли из шлюза в пространстве людей, чтобы попасть в Призрачную систему, — это вы имеете в виду? Сомневаюсь. Они ссылались на договор но прибытии, как вы, наверное, помните. — Этот крошечный корабль, судя по виду, не мог создавать собственные межсистемные шлюзы, но Прост ер уже удивляли нас прежде.

В шлюзе щелкнуло, стукнуло, и он распахнулся. Губернатор Джиарод застыла на месте, пытаясь, как мне показалось, выпрямиться еще сильнее. Особа, которая вышла, сутулясь, из открытого люка, выглядела совершенно по-человечески. Хотя это, разумеется, отнюдь не значило, что она — человек. Она была довольно высокой в кораблике ей, вероятно, едва хватало места, чтобы вытянуться в полный рост. По внешнему виду она вполне могла сойти за обычного радчааи. Темные длинные волосы, стянутые в простой

узел на затылке. Смуглая кожа, темные глаза, все довольно обыкновенное. В белом, как все переводчики: белый пиджак и перчатки, белые брюки, белые ботинки. Без единого пятнышка. Все безукоризненное, ни морщинки, хотя в таком маленьком пространстве едва ли могло найтись место для переодевания, не говоря уже о том, чтобы сделать это так тщательно. Но — ни единой броши, ни других драгоценностей, что нарушили бы ее сияющую белизну.

Она дважды моргнула, словно привыкая к свету, посмотрела на меня и на губернатора Джиарод и слегка нахмурилась. Губернатор поклонилась и сказала:

— Переводчик. Добро пожаловать на базу Атхоек. Я — губернатор системы Джиарод, а это, — она показала на меня, — капитал флота Брэк.

Едва заметная хмурость переводчика рассеялась, и она поклонилась:

— Губернатор. Капитан флота. Польщена и считаю за честь знакомство с вами. Я — переводчик Прегер Длайкви.

Губернатору удалось сохранить внешнее спокойствие. Она сделала вдох, чтобы заговорить, но ничего не сказала, подумав, несомненно, о самом переводчике Длайкви, труп которой лежал сей-

час в анабиозном отсеке медчасти и чью смерть нам еще придется объяснять.

Это явно будет сложнее, чем мы думали. Но, возможно, у меня получится сделать это хотя бы отчасти проще. Когда я впервые встретилась с переводчиком Длайкви и спросила ее, кто она такая, она ответила: «Я только что сказала, что я — Длайкви, но, может быть, и нет. Возможно, я — Зейат».

— Прошу вашего великодушного прощения, переводчик, — сказала я, прежде чем губернатор Джиарод снова смогла попытаться заговорить, — но я полагаю, что вы на самом деле — переводчик Прегер Зейат.

Переводчик нахмурилась, на сей раз — основательно.

— Нет. Нет, я так не думаю. Они сказали мне, что я — Длайкви. *А* они не делают ошибок, вы же знаете. Когда вы так думаете, вы просто неверно на это смотрите. Так они, во всяком случае, говорят. — Она вздохнула. — Они всякое говорят. Но *вы* утверждаете, что я — Зейат, а не Длайкви. Вы бы так не сказали, если б не имели на то причины. — В этом она, казалось, почти не сомневалась.

— Я вполне уверена, — ответила я.

— Что ж, — сказала она и на мгновение нахмурилась сильнее, а затем ее лоб разгладился. — Что ж, если вы *уверены*. А вы уверены?

— Вполне уверена, переводчик.

— Тогда начнем сначала. — Она пожала плечами, словно прилаживая свой безупречный, идеальный пиджак, и снова поклонилась. — Губернатор, капитан флота. Честь имею с вами познакомиться. Я — переводчик Пресгер Зейат. И это очень неловко, но теперь мне действительно нужно спросить вас, что случилось с переводчиком Длайкви.

Я бросила взгляд на губернатора Джиарод. Она застыла и на мгновение даже перестала дышать. Затем распрямила свои широкие плечи и сказала совершенно спокойно, словно и не была только что на грани паники:

— Переводчик, нам очень жаль. Мы должны вам все объяснить и принести глубокие извинения.

— Она пошла куда-то и ее убили, не так ли? — сказала переводчик Зейат. — Дайте-ка угадаю, ей стало скучно, и она пошла туда, куда вы просили ее не ходить.

— Более или менее, переводчик, — подтвердила я.

Переводчик Зейат раздраженно вздохнула.

— Это *очень* на нее похоже. Я *так* рада, что я — не Длайкви. Вы знаете, что однажды она отрезала конечности своей сестре? Как она сказала, ей было скучно, и она захотела посмотреть, что получится. Ну, чего же она ожидала? А ее сестра никогда уже не была прежней.

— О!.. — произнесла губернатор Джиарод. Вероятно, ей больше ничего не удалось выдавить.

— Переводчик Длайкви упоминала об этом, — под твердила я.

Переводчик Зейат усмехнулась.

— Еще бы! — И после краткой паузы продолжила: — А вы уверены, что это была Длайкви? Возможно, здесь какая-то ошибка. Возможно, умер кто-то другой.

— Приношу глубочайшие извинения, переводчик, — сказала в ответ губернатор, — по, когда она прибыла, она представилась как переводчик Длайкви.

— Ну, в этом-то и дело, — ответила переводчик Зейат. — Длайкви из тех, кто говорит все, что в голову взбредет. Особенно если она думает, что это интересно или забавно. По правде сказать, ей на самом деле нельзя доверять.

Я ждала ответа губернатора Джиарод, но она,

казалось, опять утратила дар речи. Возможно, потому что пыталась осмыслить вывод, который напрашивался из утверждения переводчика Зейат.

Переводчик, — сказала я, — вы предполагаете, что, поскольку переводчик Длайкви не вполне заслуживает доверия, она могла солгать нам о том, что она — переводчик Длайкви?

Весьма вероятно, — ответила Зейат. — Вы понимаете, почему я куда охотнее была бы Зейат, чем Длайкви. Мне не слишком нравится ее чувство юмора, и я *определенно* не желаю ее поощрять. Но я куда охотнее буду Зейат, чем Длайкви, прямо сейчас, поэтому, полагаю, мы можем позволить ей на сей раз немного поразвлечься. А есть что-нибудь, знаете ли… — движением руки она выразила свои сомнения, — что-нибудь *остало*сь? От тела, я имею в виду.

— Мы поместили тело в анабиозный отсек, как только смогли, переводчик, — сказала губернатор Джиарод, изо всех сил стараясь ни голосом, ни видом не показать, как она поражена. — И… мы не знали, каким… каким обычаям надлежит следовать. Мы устроили похороны…

Переводчик Зейат наклонила голову и очень пристально посмотрела на губернатора.

— Это было очень любезно с вашей стороны, губернатор. — Она сказала это так, будто не вполне уверена в том, что это *было* любезно.

Губернатор опустила руку в карман пиджака и достала брошь из опала в серебре. Протянула ее переводчику Зейат.

— Мы, конечно, сделали памятные броши.

Зейат взяла брошь, осмотрела ее. Бросила взгляд на губернатора, на меня.

— У меня никогда не было таких раньше! И посмотрите, она такая же, как у вас. — Мы обе носили броши со времени похорон переводчика Длайкви. — Вы ведь не состоите в родстве с Длайкви, верно?

— На похоронах мы были вместо семьи переводчика, — объяснила губернатор Джиарод. — Для того чтобы все прошло пристойно.

— О, *пристойность*. — Словно это все объясняло. — Разумеется. Что ж, это больше, чем сделала бы я, честно говоря. Так. Значит, все понятно.

— Переводчик, — сказала я, — позволите ли поинтересоваться целью вашего визита?

Губернатор Джиарод поспешно добавила:

— Мы, разумеется, польщены, что вы удостоили нас этой чести, — и бросила украдкой взгляд в мою сторону, выразив таким образом неодобре-

ние прямоте моего вопроса. Это было все, что она могла себе сейчас позволить.

— Целью моего визита? — переспросила Зейат, которую, казалось, это озадачило. — Ну, трудно сказать. Они говорили мне, что я — Длайкви, вы помните, а у Длайкви есть пунктик — помимо того факта, что нельзя верить ни одному ее слову, — ей все быстро наскучивает, и она в самом деле слишком любопытна. По отношению к самым неподходящим вещам в том числе. Я вполне уверена, что она прибыла сюда потому, что ей стало скучно и она хотела посмотреть, что тут будет. Но поскольку вы говорите мне, что я — Зейат, полагаю, что *я* здесь потому, что тот корабль действительно ужасно тесен и я пробыла в нем слишком долго. Мне бы в самом деле хотелось прогуляться вокруг, немного размяться и, возможно, получить какой-нибудь приличной еды. — Мгновение сомнения. — Вы ведь едите пищу, верно?

Такого вопроса я вполне ожидала бы от переводчика Длайкви. И возможно, она его задавала, когда прибыла впервые, потому что губернатор Джиарод ответила очень спокойно, чувствуя себя, как мне показалось, более уверенно:

— Да, переводчик. Не хотели бы вы чего-нибудь

съесть?

— Да, пожалуйста, губернатор.

Когда переводчик Зейат еще летела к базе, губернатор Джиарод собиралась привести ее в свою резиденцию не через парадный вход, а через тоннель доступа. До заключения договора Пресгер раздирали на части человеческие корабли и базы — вместе с их обитателями — без всякой постижимой причины. Все попытки сражаться с ними или защититься от них оказались бесплодными. До появления переводчиков ни одному человеку не удавалось вступить в общение с Пресгер. Оказываясь в непосредственной близости к ним, люди просто умирали, зачастую — мучительной и неопрятной смертью. Договор положил всему этому конец, но люди боялись Пресгер, и у них были на то достаточные основания. А поскольку я настояла, что нам не следует скрывать смерть переводчика Длайкви, у людей будут серьезные причины для опасений в связи с прибытием переводчика Пресгер теперь.

Я, со своей стороны, указала на то, что переводчика Длайкви окружили тайной и ничего хорошего из этого не вышло. Судя по всему, переводчика Пресгер невозможно ни спрятать, ни удержать взаперти. Так что, хотя большинство

обитателей базы, несомненно, боятся Прескер, что вполне понятно, и прибытие переводчика усилит их опасения, сама она будет выглядеть вполне по-человечески и вовсе не угрожающе, и, увидев ее, люди успокоятся. Губернатор Джиарод в конце концов согласилась, и мы отправились на лифте на главную площадь. Утро на базе было в разгаре, и множество граждан прогуливались по площади или стояли группами и беседовали. Всё как всегда, за исключением двух деталей: перед входом в храм Амаата — четыре ряда сидящих на затертом полу священников, в центре переднего ряда — ее преосвященство Ифиан, а дальше длинная, извивающаяся очередь граждан, которая протянулась от входа в здание администрации базы почти на три четверти длины площади.

— Что ж, — заметила я спокойно губернатору, что застыла как вкопанная в трех шагах от лифта, — вы сказали базе, что ваш помощник сможет справиться с любой проблемой, которая возникнет, пока вы будете заняты с переводчиком.

А та остановилась вместе со мной и губернатором и с любопытством осматривалась по сторонам, глядя на людей, на окна второго уровня и огромные барельефы четырех Эманаций на фасаде храма Амаата.

Я догадалась, что задумала ее преосвященство Ифиан, и это подтвердил быстрый и безмолвный запрос к базе. Священники Амаата бастовали. Ифиан объявила, что она не будет проводить утреннее гадание, поскольку стало ясно: администрация базы не прислушивается к посланиям Амаата. А тем временем, пока священники сидели перед храмом, невозможно было ни заключать клиентские договоры, пи регистрировать рождения или смерти, ни проводить похороны. Я оценила эту стратегию по достоинству: формально большинство похоронных ритуалов, которые традиционно обслуживали священники Амаата, мог так же выполнить любой гражданин, оформление действующего клиентского договора имело, вероятно, меньшую важность, чем сами отношения, и его, бесспорно, можно было отложить, и на базе с ИИ ни рождения, пи смерти просто не могли пройти незамеченными или остаться незафиксированными. Но все это оставалось очень важно для большинства граждан. Забастовка — не свойственная радчааи форма гражданского протеста, но у ее преосвященства был пример стачки полевых рабочих на планете. Стачки, которую я поддержала и потому не могла противиться приостановке деятельности

священников, не выставив себя лицемеркой.

Что до той длинной очереди перед администрацией базы, то у большинства граждан имелось в распоряжении не так много способов выразить свой протест, и один из них — стоять в очереди, когда на самом деле в этом не было никакой нужды. Теоретически, разумеется, ни одному радчааи на базе, подобной Атхоеку, никогда не требовалось ничего ожидать в очереди. Следовало всего лишь подать просьбу и получить либо приглашение на встречу, либо место в очереди и уведомление, когда очередь подходила. И чиновнику было гораздо проще сохранять невозмутимость перед списком просьб, девять из десяти которых он мог отложить до следующего дня, чем не замечать длинную очередь людей, реально стоящих перед его дверью.

Такие очереди начинались более или менее самопроизвольно, но, когда они разрастались до определенного размера, решения присоединиться к ним становились более организованными. Эта очередь перешла такой порог. Сотрудники службы безопасности базы в светло-коричневой форме расхаживали вдоль нее, наблюдая и перекидываясь парой слов, просто чтобы люди знали об их присутствии. Теоретически опять-та-

ки служба безопасности могла приказать всем разойтись. Это привело бы к тому, что очередь воссоздалась бы на следующее же утро, а потом — на следующий день, и еще, и еще. Или возникла бы подобная же очередь у штаб-квартиры службы безопасности. Лучше поддерживать спокойствие и позволить делу идти своим чередом. Интересно, эта очередь — в поддержку действий со преосвященства Ифиан или в знак протеста?

Как бы то ни было, чтобы попасть в резиденцию губернатора, нам предстояло пройти вдоль очереди и сидящих священников. Губернатор Джиарод довольно хорошо скрывала охватившую ее панику, по, как я уже обнаружила раньше, на самом деле ей не удавалось не поддаваться панике. Она посмотрела на переводчика Зейат.

— Переводчик, а какая еда вам нравится?

Переводчик вновь взглянула на нас.

— Не знаю, приходилось ли мне есть какую-нибудь, губернатор. — А затем опять отвлеклась: — Почему все те люди сидят там на полу?

Мне было трудно угадать, что встревожило губернатора Джиарод в большей степени: вопрос о бастующих священниках или утверждение, что переводчик Зейат никогда ничего не ела.

— Прошу прощения, переводчик, — вы никогда

не ели пищи?

— Переводчик стала Зейат лишь с тех нор, как вышла из челнока, — указала я. — Времени не было. Переводчик, эти священники сидят перед храмом в знак протеста. Они хотят вынудить администрацию базы изменить политику, которая им не нравится.

— В самом деле? — Она улыбнулась. — Я не думала, что вы, радчааи, таким занимаетесь.

— А я, — сказала я в ответ, — не думала, что Пресгер понимают разницу между видами людей.

— О нет, *они* не понимают, — сказала переводчик. — А я — все-таки понимаю. Или, знаете ли, я понимаю саму *идею*. Абстрактно. У меня в этом не слишком много *опыта*.

Губернатор Джиарод, не обратив внимания на этот наш диалог, сказала:

— Переводчик, в той стороне есть очень хорошая чайная. — Она показала жестом. — Я уверена, что там подадут что-нибудь интересное.

— Интересное, да? — переспросила переводчик Зейат. Интересное — это хорошо. — И они с губернатором системы ушли с площади в сторону, противоположную от храма и от администрации базы.

Я хотела было последовать за ними, но остано-

вилась по знаку Калр Пять, которая по-прежнему находилась позади меня. Повернувшись, я увидела гражданина Юран, направлявшуюся ко мне по истертому белому полу.

— Капитан флота, — сказала она и поклонилась.

— Гражданин. Разве сейчас не время изучать расвар?

— Мой учитель — в очереди, капитан флота.

Учителем языка расвар у Юран была ичана, и у нее имелись родственники, которые жили в Подсадье. Это подсказало мне ответ на вопрос, против чего протестовала очередь. Я поразмыслила.

— Я не видела в очереди жителей Подсадья. Во всяком случае — с такого расстояния.

Разумеется, вполне вероятно, что стоявшие в очереди сменили свои нарадчаайские блузы на более традиционные радчаайский пиджаки, рубашки и перчатки.

— Нет, капитан флота. — Голова Юран дернулась вниз лишь на мгновение. Она хотела уткнуться взглядом в пол, не смотреть на меня, но воспротивилась этому позыву. — Там: собрание. — Она перешла на дельсиг, который, как она знала, я понимаю. — Оно сейчас только начинается.

— Об этой очереди? — спросила я на том же языке. Она подтвердила движением руки. И наш дом не пригласили? — Я понимала, почему никого из моего окружения не пригласили на последнее собрание, и видела достаточные основания не принимать участие и в нынешнем. Но все же мы жили в Подсадье, и мне не слишком правилось, что нас постоянно обходят стороной. — Или ты нас представляешь?

— Это… это сложно.

— Конечно, — согласилась я. — Я не хочу никого пугать или диктовать что-либо, но мы ***живем*** в Подсадье.

— Люди в основном это понимают, — ответила Юран. — Просто… — Она заколебалась.

«По-настоящему боится», — подумала я.

— Вы — радчааи. И вы — солдат. И вы можете предпочесть соседей получше. — Я могла быть за то, чтобы перераспределить жилье в Подсадье, или даже за то, чтобы сослать его обитателей-ичана вниз, на планету, хотят они того или нет, чтобы убрать их с дороги. — Я сказала им, что это не так.

— Но у них нет оснований верить. — У Юран — тоже, если на то пошло. — У меня сейчас слишком много дел, и я не могу принять участие в

собрании. Думаю, следует пригласить лейтенанта Тайзэрвэт. — Она еще спала и проснется с похмелья. — Но собрание решит само. Если лейтенанта пригласят, передай ей, что я сказала: только слушать. Она должна будет оставаться безмолвной, если только ей прямо не предложат выступить. Объясни ей: это приказ.

— Да, радчааи.

— И подскажи собранию, что, если ичана присоединятся к очереди, пусть непременно ведут себя наилучшим образом, очень терпеливо, и пусть наденут перчатки. — Мало что вызывало у радчааи такое смущение и замешательство, как появление с обнаженными руками в публичных местах.

— О нет, радчааи! — воскликнула Юран. — Мы не думаем присоединяться к очереди. — Я не могла не заметить этого *мы*, но промолчала. — Служба безопасности и так на взводе. Нет, мы думаем о том, чтобы приносить пищу и чай людям, ожидающим в очереди. — Она чуть-чуть прикусила губу. — И священникам. — Ее плечи слегка поникли, будто в ожидании сердитых слов или удара.

Она провела большую часть жизни внизу, собирая чай в горах Атхоека. Ее семья была сре-

ди бастующих полевых работников, примеру которых последовала сейчас ее преосвященство Ифиан. Юран лично принимала участие в предыдущей забастовке, хотя была тогда мала и, вероятно, не помнила этого.

— Вам понадобятся деньги? — спросила я по-прежнему на дельсиге. Ее глаза округлились. Такой реакции она не ожидала. — Дай мне знать, если так. И помни, что группы больше двух-трех человек вызовут неудовольствие службы безопасности. — Даже двое или трое. — Я постараюсь найти сегодня время, чтобы поговорить с главой службы. Хотя я очень занята, и это получится не сразу.

— Да, радчааи. — Она поклонилась и собралась было уйти, но внезапно остановилась с округлившимися глазами.

Позади меня раздались неистовые крики ярости и испуга, дюжина или более голосов. Я повернулась.

Очередь, которая спокойно извивалась по всей длине площади, распалась посередине, одна из сотрудниц службы безопасности боролась с гражданином, другая подняла над головой шокер, площадь вокруг них опустела все, находившиеся рядом, удалились на безопасное расстояние.

— Остановитесь! — крикнула я, мой голос покрыл всю площадь, а его тон должен был обездвижить любого военнослужащего, находившегося поблизости.

Калр Пять позади меня застыла при этом звуке. Но сотрудники службы безопасности — не военные. Шокер рванулся вниз, гражданин вскрикнул и рухнул наземь.

— Остановитесь! — крикнула я опять, и на сей раз оба сотрудника службы безопасности повернули головы в мою сторону, пока я шагала к ним, Пять следовала за мной.

— При всем уважении, капитан флота, — сказала сотрудница с шокером в руке, — в этом деле у вас нет полномочий.

Пораженный гражданин лежал на полу, издавая сдавленные стоны. Учитель языка расвар для Юран. Я не узнала ее на расстоянии.

— База, — сказала я вслух, — что случилось?

Ответила сотрудница, стоявшая на коленях рядом с учителем Юран:

— Глава службы приказала нам разогнать очередь, капитан флота. Эта особа отказалась уходить.

Эта особа. Не *этот гражданин*.

— Разогнать очередь? — спросила я максималь-

но спокойно и ровно, но не доходя до полной невыразительности вспомогательного компонента. Учитель Юран все еще охала на полу. — Почему? — Безмолвно я сказала: — База, пришли, пожалуйста, врача.

— Уже идет, капитан флота, — ответила база мне в ухо.

В эту же минуту сотрудница, стоявшая на коленях, произнесла:

— Я лишь следую приказу, капитан флота.

— Я увижусь с главой службы безопасности *прямо сейчас,* — сказала я.

Не успели сотрудницы службы и рта раскрыть, как за спиной у меня прозвучал голос руководителя службы безопасности Лузулун:

— Капитан флота!

Я повернулась.

— Почему вы приказали разогнать очередь? — спросила я безо всякого учтивого вступления. — По мне, так она выглядела совершенно мирно, и очереди, как правило, сходят в конце концов на нет.

— Сейчас не подходящее время для беспорядков среди населения, капитан флота. — Лузулун казалась искренне озадаченной моим вопросом, словно ответ на него был очевиден. — Сейчас она

мирная, но что, если к ней присоединятся ичана из Подсадья?

Я поразмыслила, как на это ответить, но ничего не сказала, и Лузулун продолжила:

— На самом деле я собиралась поговорить с вами. Если бы что-нибудь в этом роде произошло, то мне… — она понизила голос, — мне могла бы понадобиться ваша помощь.

— Итак… — сказала я. Мне пришло в голову несколько вариантов ответа, но я отвергла их как нецелесообразные. — Вы верно догадались, что я принимала участие не в одной аннексии. И я извлекла из них немало уроков, часть из них дались очень дорого. Сейчас я поделюсь с вами одним: в большинстве своем люди не хотят неприятностей, но, напуганные, они способны на очень опасные поступки. — Это касалось, конечно, и солдат, и сотрудников службы безопасности, но я не уточняла. — Если бы мне пришлось вывести солдат на главную площадь, то произошло бы все, чего вы опасаетесь, и даже хуже того.

Я повела рукой в сторону наставницы Юран, которая уже не столь сильно охала, но все еще не могла двигаться. Врач стоял возле нее на коленях. Сотрудницы службы безопасности смотрели то на меня, то на Лузулун.

— Я говорю, исходя из своего опыта. Пусть очередь будет очередью. Пусть ваши сотрудники находятся здесь, но без угроз. Обращайтесь со *всеми* гражданами с равной вежливостью и уважением.

Интересно, служба безопасности опознала в наставнице Юран ичана по ее внешнему виду? Я не всегда могла уловить эти отличия, но большинство местных жителей, несомненно, их видели. Я подозревала, что реакция службы безопасности была бы: менее суровой, не будь гражданин, отказавшийся уйти отсюда, ичана. Однако озвучивать эту мысль сейчас явно не стоило.

— Пусть все они получат возможность высказаться, — продолжила я. Лузулун смотрела на меня пять секунд, не говоря ни слова. — Служба безопасности базы находится здесь, чтобы защищать граждан. Вы не сможете этого делать, если не перестанете видеть в ком-либо из них врага. Я говорю, исходя из личного опыта.

— А если они видят врагов в *нас*?

— А как можно помочь делу, доказывая, что они правы? — Снова молчание. — Я прекрасно понимаю, каким опасным это кажется, но, пожалуйста… Пожалуйста, воспользуйтесь моим советом.

Она вздохнула и удрученно махнула рукой.

— Разрешите врачу позаботиться об этом гражданине и отпустите ее. Пусть остальная часть очереди поймет, что произошла ошибка, — и нет никакой необходимости указывать, кто допустил ошибку или в чем она заключалась, — и они могут продолжать ожидание.

— Но… — начала Лузулун.

— Скажите мне, глава службы безопасности, — прервала я ее, — когда вы собирались приказать разойтись священникам Амаата?

— Но… — произнесла она опять.

— Они нарушают нормальное функционирование базы. Я бы сказала, что они причиняют администратору базы Селар гораздо больше беспокойства, чем эти граждане. Я указала в сторону остатков очереди вокруг нас.

— Не знаю, капитан флота. — Но упоминание администратора Селар возымело воздействие.

— Доверьтесь мне. Я уже занималась подобными делами в ситуациях гораздо более взрывоопасных, чем эта.

И мои офицеры никогда не отдали бы мне такого приказа, как Лузулун — своим сотрудникам сегодня, во всяком случае, если они не были готовы перебить очень много людей. А они не так уж

редко оказывались к этому готовы.

— А если что-нибудь пойдет не так, вы поможете? — спросила Лузулун.

— Я не отдам своим солдатам приказа стрелять в граждан.

— Я не о том спросила, — раздраженно сказала она.

— Вы можете так не думать, — ответила я, — вы можете не иметь намерения об этом спрашивать. Но результат будет именно таким. И я этого не сделаю.

Она постояла минуту в сомнениях. Затем что-то определило ее выбор: собственные размышления, мое упоминание дородной и красивой администратора Селар, быть может — подсказка базы. Она вздохнула.

— Я вам доверяю.

— Благодарю вас, — сказала я.

— Капитан флота, — раздался голос базы в моем ухе. — Вам сообщение снизу. Гражданин Кветер просила вас стать свидетелем на ее допросе. Я бы не стала вас сейчас беспокоить, но, если вы намерены присутствовать, вам придется отправиться через час.

Кветер. Старшая сестра Юран. Раугхд Денчи шантажом вынудила ее попытаться убить меня.

Или ей так показалось. Вместо этого Кветер попыталась убить саму Раугхд.

— Пожалуйста, сообщи районному магистрату, что я буду там, как только смогу.

Больше ничего говорить не пришлось. Калр Пять, которая стояла все это время рядом, устроит все, что нужно.

И чайной губернатор Джиарод и переводчик Зейат сидели за столом, уставленным едой: мисками с лапшой и нарезанными фруктами, тарелками с рыбой. Служащая, стоявшая рядом, с ужасом наблюдала за происходящим, а губернатор Джиарод говорила:

— Но, переводчик, это не питье, а приправа. Вот. — Она пододвинула еду ближе к переводчику. — Рыбный соус очень хорош с лапшой.

— Но это жидкость, — резонно ответила переводчик Зейат, и приятная на вкус.

Официантка повернулась и торопливо удалилась. Очевидно, ей стало не по себе, когда она представила, что у нее на глазах выпьют целую чашку маслянистого, соленого рыбного соуса.

— Губернатор, — встряла я, прежде чем разговор продолжился. — Переводчик. У меня оказалось срочное дело внизу, которое нельзя перенести.

— На планете? — спросила переводчик Зей-

ат. — Я никогда прежде не бывала на планете. Могу ли я отправиться с вами?

Рыбного соуса для губернатора Джиарод оказалось вполне достаточно.

— Да. Да, конечно, посетите планету с капитаном флота. — Она даже не спросила, что у меня там за дело.

«Интересно, — подумала я, — от кого ей так сильно хотелось избавиться: от переводчика Зейат или от меня?»

Глава 5

Ксхенанг Серит, центр района Бисет, располагался в устье реки. Там, где она, спустившись с гор, впадала в море, реку тесно окружали черные и серые каменные здания, которые усеивали все морское побережье и взбирались по зеленым холмам. Это был — по крайней мере, в центральной своей части — город мостов, ручьев и фонтанов, встречавшихся повсеместно: во внутренних дворах, во внешних стенах домов, — сбегавших вниз посреди бульваров, так что звук воды сопровождал вас повсюду, куда бы вы ни направились.

Районный пункт предварительного заключения находился на холмах, в удалении от центральной части города. Длинное, низкое здание с несколькими внутренними дворами, окруженное стеной двухметровой высоты, которая, будь оно на другой стороне вершины холма, полностью закрывала бы вид на морс. Тем не менее здесь было довольно приятно, во дворах росла трава и даже цветы. Всех осужденных в районе Бисет на длительные сроки или со сложными судебными делами направляли сюда, и почти

всем им предстоял допрос и перевоспитание.

Оказалось, здесь нет помещения для встреч посетителей с заключенными. Сначала персонал вообще возражал против моей встречи с гражданином Кветер, но я настояла. В конце концов они привели ее ко мне в коридор, где под окном, выходившим на черную каменную стену и полоску тонкой, бледной травы, стояла длинная скамья. Калр Пять застыла в нескольких метрах поодаль, внешне — бесстрастная, но недовольная тем, что я заставила ее расположиться вне пределов слышимости, чтобы создать по крайней мере видимость уединения. «Титанит» стоял рядом с ней столь же бесстрастно. С тех пор как мы покинули базу, он держался рядом с Пять, отчасти, как я думала, чтобы позлить ее. Вспомогательный компонент по-прежнему вел себя так, будто разбитый чайный сервиз ничего для него не значил, но я подозревала, что он всегда знал, где находится та красно-сине-золотая коробка. Пять оставила ее на базе и сказала Калр Восемь, что если бы «Титанит» был теперь там, то она наверняка взяла бы коробку с собой.

— Я не думала, что вы придете, — произнесла Кветер на радчааи без всякого учтивого вступления или поклона.

На ней был простой серый пиджак, брюки и перчатки — стандартный комплект для любого гражданина, не обладавшего необходимыми средствами, чтобы купить что-нибудь другое. Ее волосы, которые она обычно заплетала в косу и повязывала сзади шарфом, были коротко острижены.

Я показала рукой на скамью, приглашая присесть. Спросила на дельсиге:

— Как ты?

Она не шевельнулась.

— Им не нравится, когда я говорю на любом другом языке, кроме радчааи, — сказала она. — Это не поможет мне с оценкой личности, утверждают они. Я в порядке. Как видите. — Помолчав, спросила: — А как Юран?

— У нее все хорошо. Тебе передавали ее послания?

— Они наверняка были на дельсиге, — сказала Кветер с легким налетом горечи.

Именно так.

— Она очень хотела приехать со мной.

Она расплакалась, когда я сказала ей, что Кветер просила ее не приезжать.

Кветер отвернулась в ту сторону, где заканчивался коридор и где стояла Пять, и рядом с ней

— «Титанит», потом опять посмотрела на меня.

— Я не хотела, чтобы она увидела меня здесь.

Я так и думала.

— Она понимает. — В основном. — Она просила передать, что любит тебя.

Это показалось Кветер забавным, она коротко и резко хохотнула.

— А ты слышала что-нибудь о том, что происходит снаружи? — спросила я, не дождавшись от нее ни слова. Знаешь, что все полевые рабочие на горных чайных плантациях прекратили трудиться? Сказали, что не вернутся к делу, пока им полностью не выплатят заработную плату и не восстановят их права граждан.

Фосиф Денчи годами обманывала своих рабочих, загнала их в долги, и, как у переселенцев с Вальскаая, у них не было за пределами чайных плантаций никого, кто мог бы защитить их.

— Ха! — произнесла она внезапно, резко и улыбнулась. Почти как раньше, подумала я. Затем улыбка исчезла, хотя ярость осталась. Почти незаметная. Руки в перчатках, все так же вытянутые но бокам, Кветер сжала в кулаки. — Вы знаете, когда это будет? Когда я спрашивала, они говорили, что мне не следует о том беспокоиться. Это *не поможет с оценкой моей личности*. — Сей-

час в ее голосе звучало больше горечи.

— Твой допрос? Мне сказали — завтра утром.

— Вы убедитесь в том, что они не сделают ничего неположенного?

И она не думала, что я приеду.

— Да.

— А когда они… когда они станут меня перевоспитывать? Вы там будете?

— Если хочешь, я попытаюсь. Не знаю, можно ли это.

Она ничего не сказала, выражение ее лица не изменилось.

Я опять перешла на дельсиг:

— У Юран на самом деле все хорошо. Ты бы ею гордилась. Сообщить твоему дедушке, что у тебя все в порядке?

— Да, пожалуйста, — по-прежнему сказала она на радчааи. — Мне следует вернуться. Они тут нервничают, если что-то идет не так, как заведено.

— Приношу извинения за те осложнения, что тебе причинила. Я хотела убедиться своими глазами, что с тобой все хорошо, и хотела, чтобы ты узнала: я приехала.

В конце коридора, позади Кветер, появилась стражник и коричневой форме, она явно дожида-

лась некоего знака, что наш разговор завершен.

Кветер сказала в ответ лишь: «Да» — и пошла со стражем по коридору, само воплощение спокойствия и безразличия, не считая того, что ее руки были по-прежнему стиснуты в кулаки.

Я поехала на фуникулере вниз по холму. Ксхенанг Серит простирался подо мной черно-серо-зеленой массой, море было видно за спинами Калр Пять и «Титанита», сидевшими позади меня. Калр Восемь находилась с переводчиком Зейат на пищевом предприятии внизу, у воды, наблюдая за тем, как плавно двигающаяся серебристая масса мертвой рыбы падает в широкий, глубокий чан, в то время как явно напуганная работница объясняла, как делается рыбный соус.

— Итак, почему же рыба делает это? — спросила переводчик Зейат, когда та умолкла, чтобы перевести дух.

— У нее… у нее в этом вопросе не слишком широкий выбор, переводчик.

Переводчик Зейат подумала минутку, а затем спросила:

— Как думаете, рыбный соус будет хорош в чае?

— Н-нет, переводчик. Не думаю, что это будет правильно. — А затем, как мне показалось, работ-

ница попыталась извлечь капельку смысла из происходящего, добавив: — Есть маленькие печенья, напоминающие *формой* рыбу. Некоторые любят макать их в чай.

— Да-да, — переводчик Зейат показала движением руки, что понимает. — А у вас есть здесь такие?

— Переводчик, — вставила Калр Восемь, прежде чем работница была вынуждена признать, что лечений в форме рыбы у них сейчас нет, — я уверена, что мы сможем найти их несколько позже.

— А затем, — провозгласила работница, одарив Восемь благодарным взглядом, — к рыбе добавляют соль…

На базе Атхоек Тайзэрвэт вела беседу с верховным священником Таинств. Эта местная секта пользовалась популярностью не только среди ксхаи, но также и среди радчааи, прилетевших сюда из других систем. Иерофант Таинств и сама была популярна и влиятельна.

— Лейтенант, — говорила в ту минуту первосвященник, буду полностью откровенной. Это дело, кажется, результат какого-то спора между ее преосвященством Ифиан и вашим капитаном флота.

Квартира иерофанта располагалась над храмом

Таинств, сзади. Она была маленькой, какими обычно бывают такие квартиры, ярко освещенной и просто обставленной — лишь низкий столик и несколько стульев с непримечательными подушками. Но на полках и в консолях по стенам цвели дюжины орхидей, лиловые и желтые, синие и зеленые, и воздух был напоен их душистым ароматом. Выкроить толику воды из своего рациона для одного-двух растений было для обитателей базы обычным делом, но эта буйная растительность не могла появиться в результате того, что иерофант время от времени сберегала немного воды на своих омовениях.

— Также я бы обратила внимание на то, что ее преосвященство явно не предприняла бы такого шага, особенно в очевидном противостоянии с администратором базы, не будучи уверенной в поддержке губернатора Джиарод. Вы хотите, чтобы я влезла во все это. И ради чего? У меня нет подготовки для ежедневного гадания, и, даже если бы я ее имела, уверена, большинство граждан не приняло бы такого от меня.

— Возможно, вас это удивит, — заметила Тайзэрвэт со спокойной улыбкой. Теперь, когда перед ней возник новый вызов, все переживания из-за того, что она больше не представляет интересы

обитателей Подсадья перед администрацией базы, отошли на второй план. — Вас здесь весьма уважают. Но гадания, начиная с завтрашнего утра, будет проводить администратор базы Селар. В конце концов, для того чтобы это делать, вовсе *не обязательно* быть священником, а Селар проходила соответствующую подготовку, хотя некоторое время не применяла эти знания. Нет, все, о чем мы просим, — рождения и похороны. И возможно, не все обитатели базы найдут такое решение приемлемым, но значительную часть ксхаи, думаю, оно устроит.

Если иерофанта и удивляло, что разговор с ней вела такая юная и, предположительно, неопытная Тайзэрвэт, она этого не показала.

— Довольно многие ксхаи вовсе не возражали бы, если б ичана навсегда убрали из Подсадья. Или, что еще лучше, насильно выслали вниз или на внешние базы. Что, вероятно, и произойдет, полагаю, если ее преосвященство добьется своего. Поэтому те ксхаи, что могли бы согласиться принять мои услуги, также, вероятно, расположены поддержать ее преосвященство. А ее преосвященство Ифиан — моя соседка, и по причинам, которые, как я уверена, мне не нужно вам объяснять, я бы предпочла остаться с ней в хороших

отношениях. Потому я снова спрашиваю вас: зачем мне в это влезать?

Лейтенант Тайзэрвэт по-прежнему улыбалась, и я заметила промелькнувшее удовлетворение. Словно священник только что попала в ловушку, которую поставила Тайзэрвэт.

— Я не прошу вас никуда влезать. Я прошу вас быть там, где вы есть.

Глаза иерофанта округлились от удивления.

— Лейтенант, я не помню, чтобы я посвящала, вас. И вы достаточно молоды, чтобы я это помнила. — Как ни безобидно звучали слова Тайзэрвэт, на мой взгляд, они, видимо, как-то соотносились с Таинствами. И разумеется, Анаандер Мианнаи была с ними знакома — религиозным сектам или тайным обществам не разрешалось продолжать свою деятельность, если они не допускали к себе лорда Радча.

Тайзэрвэт нахмурилась, изобразив притворное замешательство.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, иерофант. Я лишь хотела сказать: вы знаете, что в этой ситуации было бы справедливо. Да, формально ичана находились в Подсадье незаконно. Но вам прекрасно известно, что, до того как они туда перебрались, их соседи-ксхаи были готовы на

все, чтобы убрать их куда-нибудь. Несмотря на это, они нашли способ ужиться, а теперь, не по их вине, их вышвыривают на произвол судьбы. И из-за чего? Из-за дурацких предубеждений *некоторых* ксхаи и стремления ее преосвященства Ифиан продолжать вражду с капитаном флота. К которой капитан флота, между прочим, не испытывает никакого интереса.

— Так же, как и вы, полагаю, — сухо заметила иерофант.

– *Я* хочу спать не в коридоре, а где-нибудь в более подходящем месте, — ответила Тайзэрвэт. — И я хочу, чтобы мои соседи вернулись в свои жилища. Капитан флота Брэк желает того же. Не знаю, откуда у ее преосвященства Ифиан неприязнь к капитану флота, и определенно не понимаю, почему она проявляет ее именно так, оставляя множество обитателей базы не только в некомфортных обстоятельствах, но и в сомнениях относительно своего будущего. Похоже, она забыла, что не пристало использовать влияние храма в собственных интересах.

Иерофант с задумчивым видом втянула воздух. Выдохнула с резким призвуком *ха*.

— Лейтенант, со всем уважением, вы — тот еще манипулятор. — И не успела Тайзэрвэт и рта

раскрыть в свое оправдание, продолжила: — А то, что болтают о заговоре, о том, что лорд Радча подверглась влиянию пришельцев?

— Главным образом бессмыслица, ответила Тайзэрвэт. — Лорд Радча находится в споре сама с собой, и это переросло в открытую борьбу на базах провинциальных дворцов. Часть военных кораблей приняли сторону той или другой фракции и уничтожили несколько межсистемных шлюзов. Губернатор системы считает, что было бы… неразумно объявить об этом во всеуслышание.

— Потому вы просто пустите слухи.

— Иерофант, до сих пор я никому ничего об этом не говорила и сказала лишь потому, что вы спросили напрямик и мы — одни. — На самом деле их могла слышать база, и почти наверняка неподалеку находилась прислуга или другой священник. — Если до вас дойдут слухи, то не от капитана флота Брэк, и не от меня, и не от кого-то из нашего экипажа, и уверена.

— А о чем этот предполагаемый спор и какую фракцию поддерживаете вы?

— Спор очень сложный, но главным образом — о направлении дальнейшего развития самой Анаандер Мианнаи и пространства Радча вместе с ней. Конец аннексиям, конец производству

вспомогательных компонентов. Конец определенным установкам насчет того, кому пристало командовать. Вот из-за всего этого Анаандер Мианнаи вполне буквально разделилась. И капитан флота Брэк не поддерживает ни одну из них. Она здесь, чтобы обеспечить в системе безопасность и стабильность, пока спор разрешается во дворцах.

— Да, я заметила, насколько спокойнее стало на Атхоеке после вашего появления. — Голос священника звучал совершенно серьезно.

— А прежде он был настоящим прибежищем, где процветание и справедливость обеспечивались каждому гражданину, — заметила Тайзэрвэт столь же серьезно. Налегая самую малость на слова «каждому гражданину».

Священник закрыла глаза и вздохнула, и Тайзэрвэт поняла, что победила.

На «Милосердии Кадра» Сеиварден только что сменилась с вахты. Сейчас она сидела на своей койке, крепко обхватив себя руками. На одной у нее все еще был восстановитель, но он почти выполнил свою функцию.

— Лейтенант, — сказал корабль ей в ухо, — не хотите ли чаю?

— Это был *комплимент*!

Последние несколько дней Экалу держалась с Сеиварден очень сухо и официально. Все на борту знали, что между ними что-то пошло не так. Никому не было известно о пристрастии Сеиварден к кефу, и никто не понял бы, что означает этот жест — то, что она обхватила себя руками. А значил он, что за последние несколько дней — возможно, недель — на нее навалилось столько стрессов, что она уже была не в состоянии с ними справиться.

— Лейтенант Экалу не восприняла это как комплимент, — указал корабль. И велел Амаат Четыре отправиться за чаем.

— Но я сказала это как комплимент, — настаивала Сеиварден. — Я была *любезна*. Почему она не понимает?

— Я уверен, что лейтенант понимает, — ответил корабль. Сеиварден усмехнулась. Помолчав три секунды, корабль добавил: — Прошу снисхождения у лейтенанта, — и Сеиварден моргнула и в замешательстве нахмурилась: корабль, как правило, не говорил такого своим офицерам, — но я хотел бы указать вот на что: как только лейтенант Экалу дала вам понять, что на самом деле ваш умышленный комплимент ее обидел, вы тут же перестали быть любезной.

Сеиварден поднялась с койки, по-прежнему крепко сжимая себя руками, и принялась расхаживать по своей крошечной — два шага в длину — каюте.

— О чем ты говоришь, корабль?

— Думаю, что вам следует извиниться перед лейтенантом Экалу.

На планете, на полпути вниз но холму в фуникулере, я вздрогнула от неожиданности. Никогда не слышала, чтобы корабль сказал офицеру что-нибудь такое откровенно критическое.

Но всего лишь несколько дней назад корабль заявил, что мог бы быть капитаном. То есть, по сути, он сам — офицер. И в конечном счете именно я высказала эту мысль несколько недель назад во Дворце Омо. Мне не следовало удивляться. Я вновь связалась с кораблем. Сеиварден, застыв на месте, только что произнесла в раздражении:

— Извиниться перед *ней*? А как насчет меня?

— Лейтенант Сеиварден, — сказал корабль, — лейтенант Экалу обижена и расстроена, и именно вы обидели и расстроили се. А такие ситуации оказывают воздействие на весь экипаж. За который, позвольте напомнить, вы несете сейчас ответственность. По мере того как корабль говорил, ярость Сеиварден нарастала. Корабль

добавил: — Ваше эмоциональное состояние и ваше поведение — в последние несколько дней были неустойчивыми. Вы стали невыносимы для всех, с кем имели дело. Включая меня. Нет, не надо снова бить стену, ничего хорошего из этого не выйдет. Вы здесь командуете. Ведите себя соответственно. А если не можете — в чем я все в большей степени убеждаюсь, — то отправляйтесь в медчасть. Капитан флота сказала бы вам то же самое, будь она здесь.

Последняя фраза будто физически ударила Сеиварден. Ее ярость мгновенно обратилась в отчаяние, и она тяжело осела на койку. Подняла ноги и уперлась лбом в колени, по-прежнему не разнимая рук.

— Я облажалась, — простонала она через несколько мгновений. — Получила очередной шанс и облажалась.

— Не безвозвратно, — ответил корабль. — Пока нет. Я знаю, что с учетом состояния, в котором вы сейчас находитесь, бессмысленно призывать вас прекратить себя жалеть. Но вы все еще можете подняться и отправиться в медчасть.

Вот только врач находилась сейчас на вахте.

— Проблема в том, — безмолвно сказала врач в ответ на предоставленную кораблем инфор-

мацию, — что для того, чтобы начать этим заниматься, мне понадобятся результаты свежих тестов на способности, а их у меня нет. И я не спец по таким делам. Я лишь обычный врач. Кое с чем я могу справиться, но это, боюсь, мне не по зубам. И я не уверена, что мы можем доверять кому-либо из специалистов в здешней системе. Та же проблема у нас с лейтенантом Тайзэрвэт. — Она раздраженно выдохнула. И почему все это происходит *сейчас*?

— Оно назревало, — ответил корабль. — Но честно говоря, сначала я думал, что до этого не дойдет. Я недооценил того, насколько лучше лейтенант Сеиварден справляется с эмоциями, когда капитан флота здесь.

— Врач — на вахте, — сказала Сеиварден, свернувшись в клубок на койке.

В командной рубке врач заметила:

— Капитан флота не может постоянно находиться здесь. Она в курсе того, что происходит?

— Да, — сказал корабль врачу и обратился к Сеиварден: — Соберитесь, лейтенант. Амаат Четыре принесет вам чаю, и вы сможете почиститься, а затем вам необходимо переговорить с лейтенантом Экалу и сообщить ей, что она будет командовать здесь несколько дней. И было бы

хорошо извиниться перед ней, если вы сумеете сделать это благоразумно.

— Благоразумно? — спросила Сеиварден, поднимая голову с колен.

— Мы поговорим, когда вы будете пить чай, — сказал корабль.

Настояв на встрече с Кветер, я взбудоражила персонал пункта предварительного заключения. Они обратились, как я подозревала, к районному магистрату, которая не осмелилась потребовать у меня объяснений. А также ей что-то было нужно от меня, поэтому, вместо того чтобы выражать недовольство, она пригласила меня на обед.

Столовая районного магистрата выходила на лестницу, ведущую в широкий, мощенный кирпичом внутренний двор. Покрытые листьями вьющиеся стебли с белыми и розовыми душистыми цветами ниспадали из высоких ваз, по одной стене струилась вода в широкий бассейн, в котором плавали рыбы и цвели маленькие желтые лилии. Слуги убрали со стола, и мы с магистратом пили чай. Переводчик Зейат стояла возле бассейна, не сводя глаз с рыбы. «Титанит» сидел на скамье во дворе, за высокими распахнутыми дверями, а в нескольких метрах неподвижно вытянулась в струнку Калр Пять.

— Эту песню я не слышала много лет, капитан флота, — сказала районный магистрат, с которой мы пили чай, глядя на темнеющий двор.

— Приношу свои извинения, магистрат.

— В них нет нужды. — Она отпила чай. — В молодости это была одна из моих любимых. Она казалась мне такой романтичной. А сейчас я понимаю, что она очень печальна, не так ли? — И запела: — «Но я поддержу себя лишь ароматом жасмина до конца своих дней», — сфальшивив самую малость в конце, — она взяла ту тональность, на которой я мурлыкала, и это оказалось ей высоковато. — Но дочери, нарушающие траурное воздержание, правы. Жизнь продолжается. Все продолжается. — Она вздохнула. — Знаете, я не думала, что вы приедете. Я была уверена, что гражданин Кветер хотела всего лишь досадить вам. Я чуть не придержала ее просьбу.

— Это было бы незаконно, магистрат.

Она вздохнула.

— Да, потому я и отправила ее дальше.

— Если она обратилась ко мне, находясь в таком сложном положении, как я могла пренебречь ею?

— Думаю, да.

Снаружи переводчик Зейат наклонилась над

бассейном, покрытым цветущими лилиями. Я надеялась, что она не нырнет туда. Мне пришло в голову, что, будь она переводчиком Длайкви, так бы и сделала.

— Я бы хотела, капитан флота, чтобы вы подумали о возможности использовать свое влияние на вальскаайцев — полевых рабочих на чайной плантации гражданина Фосиф. Вы можете и не знать этого, но есть люди, которые будут рады любой возможности причинить ей вред. Часть из них — члены ее собственной семьи. Прекращение работ лишь дает им возможность выступить против нее.

В этом, принимая во внимание склонность гражданина Фосиф Денчи к жестокости, не было ничего удивительного.

— Здешняя глава клана Денчи — весьма неприятная особа, и она ненавидела мать Фосиф с той норы, когда обе были детьми. Матери нет, и она ненавидит Фосиф. Она отнимет у Фосиф плантацию, если сможет. Эта стачка даст ей возможность осуществить задуманное, особенно когда так много межсистемных шлюзов выведено из строя и с лордом клана Денчи сейчас не связаться.

— А жалобы рабочих? — спросила я. — С ними

разобрались?

— Видите ли, капитан флота, это сложно.

Мне никак было не понять, что сложного в том, чтобы честно расплачиваться с рабочими или обеспечить их теми же основными правами и услугами, что полагались любому гражданину.

— На самом деле условия на плантации Фосиф не слишком отличаются от тех, что имеются на других плантациях в горах. Но именно Фосиф примет на себя основную силу удара. А теперь еще в дело встряли наиболее неугомонные ксхаи. Возможно, вы знаете, что на противоположном от дома Фосиф берегу озера есть маленький разрушенный храм.

— Она упоминала об этом.

— Там были одни сорняки и обломки, когда мы прилетели сюда шестьсот лет назад. Но в последнее время появились люди, заявляющие, что ото место всегда оставалось священным и что дом Фосиф на самом деле — пристанище на древнем пути паломников. Сама Фосиф поддерживает их верование; думаю, она находит его романтичным. Но ото же смешно, тот дом построили всего лишь за сотню лет до аннексии. И вы когда-нибудь слышали о месте паломничества, которое не было бы окружено по крайней мере городком?

— Об одном-двух, как ни удивительно, — ответила я. — Хотя обычно это не храмы со священниками, которые нуждаются в поддержке. Возможно, в тамошнем не было постоянного духовенства.

Районный магистрат движением руки выразила согласие с моими словами.

— Позвольте быть с вами откровенной, магистрат. Это *вы* находитесь здесь под давлением.

Анаандер Мианнаи дала мне имя своего клана, когда провозгласила меня человеком и гражданином. Это имя говорило о том, что я принадлежу к самому могущественному семейству в пространстве Радча, и это имя не мог оставить без внимания ни один радчааи. А в силу того, что я представляла собой последнюю частичку военного корабля, который более двух тысяч лет был близко знаком с дочерями многих богатейших и знаменитейших радчаайских кланов, я по своему желанию обретала соответствующие произношение и манеры. Я могла использовать также и это.

— Вы долго водили дружбу с самым известным чайным плантатором, — сказала я, — но стало ясно, что требования полевых рабочих справедливы, и вы лично попали — или попадете — в неудобное положение, поскольку не замечали,

что тут происходило, пока дело не дошло до покушения на убийство и остановки работ. Вы окажетесь в еще большем замешательстве, когда допросите гражданина Раугхд. Вы ведь еще не сделали этого, верно?

Снаружи, во дворе, переводчик Зейат склонилась над одним из широких плавающих листов лилии, чтобы рассмотреть его обратную сторону.

— Я надеялась, — ответила магистрат, не сумев полностью скрыть свое раздражение, — что сначала она помирится с матерью.

— Гражданин Фосиф примет свою дочь назад только в том случае, если это покажется ей выгодным. Если вы действительно заинтересованы в благополучии гражданина Раугхд, допросите ее прежде, чем предпринимать дальнейшие попытки воссоединить ее с матерью.

— *А вы* заинтересованы в благополучии Раугхд?

— Не особенно, — призналась я. — Не на личностном уровне. Но вы явно заинтересованы. А *я* заинтересована в благополучии гражданина Кветер. Чем скорее вы откроете для себя, что за личность эта Раугхд, тем легче вам будет оценить действия Кветер. А также решить, принесет ли пользу Раугхд, если отослать ее назад к матери.

Примите во внимание, как легко, как хладнокровно Фосиф лишила ее наследства, и подумайте о том, что такие люди, как Раугхд, не возникают ниоткуда.

Магистрат нахмурилась.

— Вы так уверены в том, что знаете, что она за человек.

— Вы можете легко выяснить, права ли я. Что же касается того, чтобы вмешаться в спор между рабочими и плантаторами, — я не стану этого делать. Взамен я посоветую вам безотлагательно встретиться с чайными плантаторами и предводителями полевых рабочих и решить это дело так, как, вы знаете, оно должно быть решено. Затем организуй те комиссию, чтобы изучить историю храма на озере и найти способы разрешить спор вокруг него. Обеспечьте участие всех заинтересованных в этом деле сторон. Граждане смогут направлять свои жалобы в комиссию, которая будет принимать их во внимание во время обсуждений.

Районный магистрат вновь нахмурилась и открыла рот, чтобы возразить. Закрыла его.

— Анаандер Мианнаи воюет сама с собой, — продолжила я. — Эта война может достигнуть Атхоека, а может — и нет. Как бы то ни было, по-

скольку по крайней мере один из межсистемных шлюзов между нами и провинциальным дворцом не в порядке, мы не можем ожидать оттуда ни помощи, ни совета. Мы сами должны обеспечивать здесь безопасность граждан. *Всех* граждан, а не только тех, кто обладает правильным произношением или следует должным религиозным воззрениям. И мы по каким-то причинам стали объектом внимания со стороны Пресгер.

— Говорите, воюет сама с собой? — спросила магистрат.

И здесь Пресгер, как вы сами только что указали? Я в курсе слухов, капитан флота.

— Это — не дело рук Пресгер, магистрат.

— А если все обстоит именно так, капитан флота, то откуда происходит ваша власть? Которая из них послала вас сюда?

— Если война Анаандер Мианнаи с самой собой докатится сюда, — заметила я, — и погибнут граждане, будет ли иметь значение, какая именно из лордов Радча послужила этому причиной?

Ответом мне было молчание. Пять наблюдала за переводчиком Зейат, и я знала, что она или корабль скажут мне, если произойдет нечто, требующее моего внимания. Я бросила неспешный взгляд в сторону внутреннего двора.

Переводчик Зейат села на край бассейна, окунув одну ногу и одну руку по самое плечо в воду. Я встала и отправилась во двор, связавшись по пути с кораблем. И быстро уяснила, что ни он, ни Калр Пять не сказали мне, что происходит, потому что спорили с «Титанитом».

Спорили — пожалуй, громко сказано. Хождение по пятам за Калр Пять, очевидно, не принесло «Титаниту» желаемого результата. И в то время как я сосредоточилась на беседе с районным магистратом, он говорил с, Пять, подкалывая ее и явно добившись в этом успеха, поскольку ни Пять, ни корабль не привлекли к происходящему моего внимания, а оба сконцентрировались на разговоре, стремясь адекватно ответить. Когда я подходила к Пять, «Титанит» сказал:

— Просто сидела там, пока она тебя калечила, так ведь? Конечно да, и, вероятно, даже поблагодарила ее за это. Ты — одна из ее новых игрушек, она может заставить тебя думать или чувствовать все, что пожелает. Несомненно, ее кузина, капитан флота, способна делать то же самое.

Пять, чье напускное, а-ля вспомогательный компонент, спокойствие улетучилось, ответила. Или, может, вместо нее говорил корабль — трудно было определить в ту минуту:

— По крайней мере, у *меня* есть капитан. И экипаж, раз уж на то пошло. А где же твои? О да, верно, ты потерял своего капитана и не смог отыскать другого. И никто из тех, кто находится у тебя на борту, *не хочет* быть там, так ведь?

Быстро, как подобает вспомогательному компоненту, «Титанит» поднялся со скамьи, на которой сидел, и двинулся к Калр Пять. Я встала между ними и схватила «Титанита» за предплечье, прежде чем он успел ударить кого-нибудь из нас. «Титанит» застыл на месте, его рука была зажата в моей. Он моргнул, на лице не отразилось никаких эмоций.

– *Мианнаи,* так?

Я двигалась быстрее, чем любой радчааи. Очевидного умозаключения было не избежать: я — не человек. Мое имя делало столь же очевидным следующий (неверный) вывод.

— Нет, — сказала я. Тихо, на языке ночам, поскольку не знала, где сейчас магистрат, я продолжила: Я последний оставшийся сегмент десантного корабля «Справедливость Торена». Анаандер Мианнаи уничтожила меня. Я опять перешла на радчааи: — Отступись, *кузен*.

Мгновение он оставался недвижим, а затем почти незаметно перенес вес на другую ногу. Я

ослабила хватку, и он опустил руку.

До меня донесся всплеск, и я повернула голову. Переводчик Зейат стояла теперь прямо, одной ногой по-прежнему в воде, с мокрой руки капало. В ней отчаянно трепыхалась маленькая оранжевая рыбка. У меня на глазах переводчик откинула голову назад и поднесла добычу ко рту.

— Переводчик! — произнесла я громко и резко, и она повернула ко мне голову. — Пожалуйста, не делайте этого. Пожалуйста, отпустите рыбу назад в воду.

— Но это же рыба. — Она выглядела искренне сбитой с толку. — Разве рыба не для еды?

Районный магистрат стояла на верхней ступеньке лестницы, глядя на переводчика. Вполне возможно, боясь что-нибудь сказать.

— Некоторые рыбы: — для еды. — Я подошла туда, где переводчик стояла одной ногой в воде. Но не эта.

Сложив руки чашкой, я вытянула их вперед. Слегка нахмурившись, что напомнило мне Длайкви, переводчик Зейат выронила рыбку в мои руки, и я быстро опустила их в бассейн, прежде чем она успела соскользнуть на землю.

— Эти рыбки — для того, чтобы на них смотреть.

— А вы не смотрите на рыбу, которую едите? — спросила переводчик Зейат. — И как вы определяете разницу?

— Обычно, переводчик, если они плавают в бассейне, подобном этому, особенно — в доме, то они — напоказ или домашние любимцы. Но поскольку вы не привыкли определять такое различие, возможно, будет лучше, если вы спросите, прежде чем съесть что-нибудь, не предложенное вам недвусмысленно в качестве пищи. Во избежание недоразумений.

— Но я на самом деле хотела ее съесть, — сказала она почти скорбно.

— Переводчик, — сказала районный магистрат, которая пересекла двор, пока мы с Зейат разговаривали, — есть места, где вы можете выбирать рыбу, чтобы съесть. Или можно отправиться к морю… — И магистрат стала рассказывать про устриц.

«Титанит» покинул двор, пока я была занята с переводчиком. Вполне вероятно, что он ушел из дома. Пять стояла рядом, вновь обретя привычный бесстрастный вид. Чувствующая мое внимание и пристыженная.

И кто был ответственным за эту перебранку? Корабль показывал Калр Пять, что говорить, но

Пять не зачитывала послание корабля бесстрастно. Слова его появлялись в ноле зрения Пять почти в то же мгновение, как она говорила, и, хотя Пять слегка отклонялась от формулировок корабля, ясно, что оба они в тот момент были охвачены желанием сказать одно и то же.

Переводчика Зейат, казалось, захватила мысль об устрицах, районный магистрат говорила об их местах обитания в устье реки и о лодке, которую можно нанять, чтобы добраться до них. Было решено, что это состоится завтра. Я вновь переключила внимание на Пять. На корабль. Оба они наблюдали за мной.

Я знала, как Анаандер Мианнаи меняет мысли и пытается управлять чувствами. Я не сомневалась, что, когда «Милосердие Калра» лишился своих вспомогательных компонентов, все началось именно с этого. И я не сомневалась с учетом собственного опыта и событий нескольких последних месяцев, что «Милосердие Калра» посетила не одна фракция Анаандер Мианнаи и каждая как минимум попыталась навязать свои инструкции и запреты. «Эта ситуация меня уже давно подавляет», — сообщил он, когда мы встретились впервые, и, вероятно, больше он ничего не мог сказать. А «Милосердие Калра» был уязвим

не только для Анаандер Мианнаи. Я обладала кодами доступа, способными обеспечить мне его повиновение, хотя и не столь универсальными, как те, которыми владела лорд Радча, поэтому применять их следовало с большой осторожностью. Но они у меня были.

Тот, кто мог стать капитаном, являлся, по-видимому, личностью, а не оборудованием. И ему но следовало (теоретически, по крайней мере) беспокоиться о том, что создатель и владелец изменит его мысли в соответствии со своими целями, не говоря уже о том, чтобы делать это противоречивыми способами.

— Я понимаю, — сказала я тихо, без всякого обращения, поскольку адресовала слова сразу и кораблю, и Калр Пять, пока магистрат и переводчик были заняты беседой, — что «Титанит» невероятно раздражает, и я в курсе, что он целыми днями пытался вывести тебя из равновесия. Но ты понимаешь, что я сделаю тебе выговор. Ты знаешь, что тебе следовало хранить молчание. И твоей обязанностью было не сводить глаз с переводчика. Не допускай подобного впредь.

— Сэр, — подтвердила Пять.

— И между прочим, спасибо за разговор с лейтенантом Сеиварден. — Пять знала в общих чертах

о том, что произошло, она никогда не теряла связи с остальными членами своего подразделения. — Я думаю, ты хорошо справился с этим.

В медчасти на борту «Милосердия Калра» Сеиварден спала. Амаат Один с некоторой опаской повторяла вместе с кораблем правила и инструкции, потому что через несколько часов ей придется стоять на вахте за Сеиварден. Она уже знала все, что ей необходимо, и корабль всегда был рядом, чтобы помочь. Требовалось лишь формально показать это. А ей — напомнить самой себе, что она все знает. Экалу, которая стояла на вахте, по-прежнему дулась. Но после довольно удручающего разговора с кораблем Сеиварден удалось принести короткое, простое извинение, возложив вину не на кого-нибудь, а на себя и не потребовав ничего от Экалу взамен. Поэтому злости у Экалу поубавилось, она растворилась в ее опасениях, связанных с тем, что она неожиданно оказалась главной на корабле.

— Спасибо, сэр, — повторила Калр Пять. За корабль.

Я снова повернулась к переводчику. Разговор опять перешел с устриц на рыбу в бассейне.

— Ладно, — сказала магистрат. — Можете съесть одну рыбку.

Я не знала, испытывать ли мне облегчение или, наоборот, тревогу оттого, что переводчику Зейат понадобилось менее пяти минут, чтобы отыскать (и поймать) ту самую рыбку и проглотить ее, пока она продолжала извиваться.

Глава 6

Районный магистрат пришла на допрос Кветер. Это было неприятное, унизительное мероприятие, которое не стало лучше оттого, что следователь заверила: сама гражданин Кветер не будет ничего помнить о нем.

— От этого только хуже, — сказала Кветер, которую привели туда уже под воздействием препаратов.

— Прошу говорить на радчааи, гражданин, — велела следователь с апломбом, который наводил на мысль, что Кветер была не первой ее подопечной, использовавшей по большей части другой язык.

А я подумала: интересно, что бы она делала, если бы кто-то из ее подследственных говорил на радчааи очень плохо или с таким произношением, которого она не поняла бы.

Потом, в коридоре снаружи, районный магистрат, помрачневшая после того, что мы услышали, сказала:

— Капитан флота, я перенесла допрос гражданина Раугхд на завтрашнее утро. Она попросила

свою мать стать свидетелем, но гражданин Фосиф отказалась прийти. — Помолчав, она добавила: — Я знала Раугхд еще ребенком. Помню, когда она родилась. — Она вздохнула. — Вы всегда правы во всем?

— Нет, — ответила я. Просто. Ровно. — Но в этом я права.

Я оставалась там, пока Кветер не отошла от воздействия препаратов, чтобы она знала наверняка, что я приходила. Затем я спустилась по холму к устью реки, где Калр Пять наблюдала за переводчиком Зейат, которая сидела на скамье с красными подушками, стоявшей на причале из черного камня, а гражданин извлекала для нее устриц из раковин. «Титанит», вернувшийся в наше жилище утром и севший завтракать без всяких объяснений или даже формального «Доброе утро», устроился рядом с ней, уставившись на серые с белым волны.

— Капитан флота! — радостно воскликнула переводчик Зейат. — Мы выходили в море на лодке! А вы знали, что там, в воде, миллионы рыб? — Она показала на волны. Некоторые из них, очевидно, довольно большие! А некоторые — вовсе не рыбы на самом деле! Вы когда-нибудь ели устрицу?

— Нет.

Переводчик быстро махнула рукой гражданину, занимавшемуся устрицами, и та ловко открыла одну и протянула ее мне.

Просто положите ее в рот и прожуйте, капитан флота, — сказала она, — а затем проглотите.

Переводчик Зейат выжидательно смотрела на меня, пока я это делала.

— Итак, — констатировала я, это была устрица.

Вскрывальщица устриц хохотнула, коротко и резко. Ни я, ни переводчик не вывели ее из равновесия.

Она осталась такой же спокойной, когда переводчик сказала:

— Дай мне одну невскрытую.

Получив ее, Зейат положила устрицу целиком, прямо в раковине, в рот. Устрица была добрых двенадцати сантиметров в длину, и челюсть переводчика вытянулась вперед, когда она проглотила ее разом. Ее горло раздулось, когда устрица пошла вниз, а затем челюсть вернулась на место, и Зейат мягко похлопала себя по груди, словно помогая устрице улечься.

Восемь, внешне бесстрастная, оказалась потрясена и напугана тем, что увидела. «Титанит» по-прежнему глядел на воду, будто ничего не

заметил, словно был совершенно один. Я посмотрела на вскрывальщицу устриц, которая спокойно сказала:

— Никто из вас больше ничем меня не удивит. — И тут я осознала, что ее невозмутимость в присутствии переводчика была лишь игрой.

— Гражданин, — спросила переводчик Зейат, — вы когда-нибудь добавляли рыбный соус к устрицам?

— Не скажу, что когда-нибудь делала это, переводчик. — И теперь, поскольку я наблюдала внимательно, то заметила, что она чуть-чуть заколебалась, прежде чем ответить, и в ее голосе прозвучала едва заметная дрожь: — Но если вам это по вкусу, то давайте.

Переводчик Зейат издала удовлетворенное «ха».

— Мы сможем завтра снова выйти в лодке в море?

— Думаю, да, переводчик, — ответила вскрывальщица устриц, и я безмолвно велела Калр Восемь увеличить ей оплату.

Но мы не вышли в море на следующий день. В середине своей первой вахты Амаат Один заметила в данных, которые показывал ей корабль, некую аномалию. Совсем крошечную: там, где

прежде было *нечто,* на какую-то долю мгновения возникло *ничто*. Это, бесспорно, могло оказаться чем-то совершенно незначительным — возможно, сигналом, что один из сенсоров «Милосердия Калра» нуждается в проверке. Или то мгновение пустоты могло быть открытием шлюза. Что означало бы прибытие военного корабля. И быть может, он представится, и через некоторое время до нас дойдет его сообщение.

А может, и нет. Если это сигнал о прибытии корабля, то его капитан предпочел оказаться очень далеко от базы Атхоек, словно не желая, чтобы его заметили.

— Корабль, — сказала Амаат Один, в голове которой, несомненно, успели пронестись все эти тревожные мысли, — пожалуйста, разбуди лейтенанта Экалу.

Мгновение облегчения: за дальнейшее будет нести ответственность уже не она.

К тому времени как лейтенант Экалу появилась в командной рубке, не вполне еще проснувшись и натягивая форменную куртку, аномалия случилась еще три раза. И ни одного послания, ни приветствия, ни представления — хотя, возможно, прошло еще слишком мало времени.

— Спасибо, Амаат, — произнесла Экалу. — Чет-

ко засекла.

Корабль тоже видел это и, конечно, сказал бы что-нибудь Амаат Один при необходимости. Он промолчал.

— Корабль, можем мы предположить, откуда они появились?

Движением руки она показала, что Амаат следует остаться на своем месте, и приняла чай от другой Амаат.

— То, что они прибыли один за другим в течение нескольких минут, заставляет предположить, что они отправились из одного места примерно в одно время, — ответил корабль, — и следовали сходными путями. — Корабль показал некоторые доводы в поле зрения Экалу: расчеты расстояния через шлюзовое пространство, вероятное время вылета из ряда других систем. — Но различным причинам, включая тот факт, что капитан флота Уэми, которая находилась в одном шлюзе отсюда в системе Храд и была нашим единственным источником новостей из Дворца Омо, не сообщила нам об отправке кораблей в нашу поддержку, а также то, что эти корабли появились достаточно далеко, чтобы мы могли их не заметить, думаю, они, вероятно, прибыли из Дворца Тстур.

Дворца Тстур, находившегося под контролем

фракции Анаандер Мианнаи, откровенно враждебной ко мне, чьи сторонники выводили из строя межсистемные шлюзы, когда в них находились гражданские корабли, и которая сама пыталась уничтожить целую базу, полную граждан.

— Верно, — ответила Экалу. Голос ее был ровным, лицо бесстрастным. Лишь почти незаметно дрожала рука, держащая чашку с чаем. — Полагаю, нам следует уведомить флот Храда? А С… а капитан флота в курсе?

— Да, лейтенант. — Ощутимое облегчение накрыло Экалу, Амаат Один, других Амаат, стоящих на вахте.

— А… — И безмолвно обратилась только к кораблю: — А она знает, что лейтенант Сеиварден… что врач освободил лейтенанта Сеиварден от текущих обязанностей?

Сеиварден спала в медчасти, и теоретически ее можно было разбудить, чтобы передать ей командование кораблем. Но она провела весь день под воздействием препаратов, прошла тестирование, чтобы врач смогла по крайней мере попытаться помочь ей с ее проблемами. И, судя по результатам этого тестирования, было бы весьма безрассудно подвергать сейчас Сеиварден

какому-либо стрессу.

— Я знаю, — безмолвно сообщила я снизу, где в замешательстве наблюдала, как переводчик Зейат очень тщательно нарезала крошечное печенье в форме рыбки на топкие горизонтальные пластинки и сложила их в ряд на столе перед собой. — С вами, лейтенант, все будет в порядке. Приглядывайте за ними как можно лучше, а я появлюсь там так скоро, как только смогу. Вероятно, они не тронутся с места, пока не решат, что разобрались в том, что здесь происходит. Давайте действовать пока так, словно их не заметили.

Высокие окна столовой гостевого дома выходили на ночной город, сияние которого спускалось к берегу, а огни лодок, синие, красные и желтые, отражались в воде. Сейчас, когда солнце село, направление ветра изменилось, и вместо моря пахло цветами. «Титанит», который за весь день не сказал ни слова, сидел рядом со мной, глядя в окно.

— Но приготовьтесь к бою. На всякий случай.

У меня за спиной Калр Восемь сказала Калр Пять тишайшим шепотом:

— Но вот о чем не могу не думать: что произошло с раковиной устрицы?

— Не поднимая глаз и не прекращая медленного

и тщательного разрезания печенья, переводчик Зейат отозвалась довольно спокойно:

— Я ее перевариваю, разумеется. Хотя, кажется, это требует некоторого времени. Хотите? Она в основном еще там.

— Нет, спасибо, переводчик, — ответила Восемь безжизненным, как у вспомогательного компонента, голосом.

— Очень любезное предложение с вашей стороны, переводчик, — добавила я.

Переводчик Зейат завершила нарезку печенья, осторожно и плавно сияла с лезвия своего ножа кусочек на стол. Подняла взгляд на меня, нахмурилась.

— Любезно? *Я* бы не сказала, что это было *любезно.* Она моргнула. — Возможно, я просто не совсем понимаю значение слова.

— В данном контексте это просто официальное выражение благодарности, переводчик, — ответила я. Боюсь, мы не сможем выйти завтра на лодке в море. Мне нужно незамедлительно вернуться на базу.

У меня за спиной Пять и Восемь послали запрос кораблю, и еще до того, как пришел ответ, Пять покинула гостиную, чтобы начать сборы.

— О? — лишь тихо, незаинтересованно произ-

несла переводчик Зейат. Она показала на тонкие, плоские ломтики печенья в форме рыбки, разложенные на столе перед ней. — Все одинаковое, с начала до конца, вы заметили? Другие рыбы не такие. Другие рыбы внутри сложные.

— Да, — согласилась я.

Тайзэрвэт стояла на главной площади базы Атхоек, наблюдая за очередью, которая по-прежнему тянулась из здания администрации. Хотя прошло уже несколько дней с тех пор, как очередь впервые образовалась, она не исчезла. Даже наоборот, она была длиннее, чем прежде.

Глава службы безопасности базы, стоявшая рядом с Тайзэрвэт, сказала:

— Пока все нормально. Полагаю, мне не стоит удивляться тому, что капитан флота знала, о чем говорила. Но я признаю, что удивлена. По-прежнему. Половине людей в очереди сейчас ничего не назначено. Иначе очередь была бы короче. Хотелось бы, чтоб администрация просто нашла им работу, это упростило бы нам жизнь.

— Они приходили бы и свое свободное время, сэр, — заметила лейтенант Тайзэрвэт. И в самом деле, немало мест в очереди было сейчас отмечено различными предметами, оставленными в качестве меток, — главным образом подушками

или сложенными одеялами. Немало граждан провели здесь ночь. — Или, хуже того, совсем оставили бы работу. Тогда нам пришлось бы иметь дело с большим числом случаев прекращения работ.

Она не посмотрела в сторону входа в храм, где по-прежнему сидели священники Амаата. Теперь — на подушках, так как ее преосвященство Ифиан выдержала не более часа на жестком покрытии площади и отправила младшего священника за чем-нибудь, на что можно сесть.

Наблюдая за ними снизу, с планеты, я подумала: интересно, сколько, по мнению ее преосвященства, ей и ее священникам придется здесь сидеть; ожидала ли она быстрой капитуляции или просто не думала об этой стороне дела? База, вероятно, знала, но, будучи базой, не сказала бы мне, если бы я спросила.

Губернатор Джиарод не сделала никакого официального заявления по поводу сложившегося положения, но она контролировала официальные информационные каналы, в которых было упомянуто о прекращении деятельности ее преосвященства и даже прозвучали ее комментарии о причинах, В официальных новостях вообще не говорилось об очереди. Также там не сообща-

лось, что иерофант-ксхаи проявила готовность провести празднование рождения или похороны для любого гражданина, независимо от того, посвящен он в Таинства или нет. О ежедневных гаданиях на знаках, которые проводила администратор Селар, сообщалось максимально нейтрально, без подробностей или обсуждения.

Служба безопасности твердо поддерживала администратора базы Селар. По-прежнему.

— Это, возможно, могло бы закончиться быстрее, — сказала глава службы безопасности Тайзэрвэт, — не будь снабжения едой и напитками.

— Около дюжины обитателей Подсадья, включая Юран, когда она не находилась на занятиях, дважды в день приносили чай и еду гражданам, ожидавшим в очереди. Юран сама в первый день предлагала чай священникам, сидевшим перед храмом, и ее холодно проигнорировали.

— Или, возможно, сэр, — возразила Тайзэрвэт, — они стояли бы в очереди столько же, но голодные и лишенные кофеина. — Она подчеркнула движением руки очевидность невысказанной вслух второй части своего предположения. — Быть может, их действия — в нашу пользу.

— Ха! — Главу службы безопасности это, казалось, искренне позабавило. — И все они — ваши

соседи, не так ли? А вот та — Юран, кажется, — ведь с вами живет. Под опекой капитана флота, как я понимаю?

Тайзэрвэт улыбнулась.

— Нам нужно будет сыграть вечерком в шашки.

— При условии, что вы не станете мне поддаваться.

— Я никогда вам не поддавалась, сэр, — солгала Тайзэрвэт, и ее сиреневые глаза невинно округлились.

Снизу я сказала ей:

— На пару слов, лейтенант.

Тайзэрвэт с виноватым видом вздрогнула, но для того, кто не мог видеть ее так, как я, как корабль, ее реакция проявилась лишь в том, что она моргнула.

— Извините на минутку, сэр, — сказала она главе службы безопасности и, отойдя в сторону, безмолвно ответила мне: — Да, капитан флота.

Сидя в гостевом доме в Ксхенанг Серит, я сказала так же безмолвно:

— Переправьте как можно незаметнее все важное на челнок. Постоянно держите под контролем путь к причалу, будьте готовы покинуть базу в течение минуты.

Тайзэрвэт пошла к лифтам. Мгновенно справившись с едва не захлестнувшей ее паникой, она сказала все так же безмолвно:

— Значит, она здесь. А как с вами, сэр?

— Мы вскоре отправляемся отсюда. Я доберусь туда за два дня. Но не ждите меня, если придется действовать.

Это ей не понравилось, но от того, чтобы высказать это вслух, она благоразумно воздержалась. Забралась в уже переполненный лифт. Назвала — для базы — уровень, на котором мы размещались, а затем, снова безмолвно, обратилась ко мне:

— Да, сэр. Но как с садоводом Баснаэйд? И как с гражданином Юран?

Я уже подумала о них.

— Спросите их — сдержанно, — предпочтут ли они остаться или уехать. Не оказывайте на них никакого давления. Если они предпочтут быть здесь, в моем багаже есть две вещи. — Я могла оставить их на «Милосердии Калра», но Пять, которая их видела, решила, что они могут мне понадобиться, чтобы произвести на кого-нибудь впечатление. — Одна из них — *очень* крупное драгоценное украшение, цветы в листве, выполненные из бриллиантов и изумрудов. Это ожерелье. — Хотя *ожерелье* — слабо сказано. —

Отдайте его Юран. Она много сможет за него выручить, если знает, как его продать. В другой коробке — зубы.

Выходя из лифта, Тайзэрвэт на мгновение замерла, вынудив человека позади себя внезапно остановиться и оступиться.

— Извините, гражданин, — сказала она вслух, а затем безмолвно обратилась ко мне: — Зубы?

— Зубы. Из муассанита. Здесь они стоят немного. Это… — я чуть не сказала «я храню как память», но не выразила бы тем сути в полной мере, — сувенир. И это — тоже не то.

— Зубы? — снова спросила Тайзэрвэт. И повернула из главного коридора в боковой.

— Обладатель завещал их мне. Расскажу об этом позже, если захотите. Но отдайте их Баснаэйд. Обязательно скажите ей, что стоят они в деньгах не так уж и много. Просто я хочу, чтобы они были у нее. — Они стоили бы половину Тетрархии Играна, окажись мы сейчас там. Я провела там несколько лет. Могла бы и вернуться, и у меня по-прежнему было бы там место, или я нашла бы его. Но это очень, очень далеко. — Если я права в том, что Анаандер здесь, она, вероятно, проведет некоторое время, наблюдая за движением в системе, прежде чем попытается выйти из шлюза

поблизости от базы. Прыжок через шлюз в пространстве с плотным космическим движением чреват риском серьезных повреждений и для своего корабля, и для тех судов, в которые можно врезаться при выходе из шлюза. — Если она не пойдет через шлюз, им понадобятся месяцы, чтобы сюда добраться, насколько я могу судить.

— Да, сэр. Что вы собираетесь предпринять, сэр? — Тайзэрвэт кивнула кому-то, идущему в другую сторону.

— Я размышляю над этим.

— Сэр. — Она остановилась. Огляделась по сторонам. Увидела лишь удаляющуюся спину человека, с которым только что раскланялась. Но вслух говорить не стала. — Сэр, а что насчет базы? — Я не ответила. — Сэр, если… если *она* здесь… — Я никогда не замечала, чтобы лейтенант Тайзэрвэт произносила имя Анаандер Мианнаи. — Сэр, вы знаете, что у меня есть коды доступа — в частности, коды доступа высокого уровня к базе. Если бы мы… — Она остановилась, ожидая возможно, что я что-нибудь скажу, но я промолчала. — Если бы мы могли сделать так, чтобы база встала на *нашу* сторону, это было бы… полезно.

Я знала, что у нее есть коды доступа. Анаандер

Мианнаи не отправилась бы сюда без средств контроля за ИИ системы, включая «Милосердие Калра». Включая базу Атхоек. Я однозначно запретила Тайзэрвэт использовать эти коды доступа, и до сих пор она не применяла их.

— Сэр, — сказала Тайзэрвэт. Я понимаю — я думаю, что я понимаю, — почему вы не хотите, чтобы я применила их даже сейчас. Но, сэр, *она* воспользуется ими без всяких колебаний.

— И это причина использовать их самим, так, что ли? — спросила я.

— Это преимущество, которым мы обладаем, сэр! О котором *она* не узнает! И ведь если мы его не используем, это ни от чего базу не избавит. Вы же знаете, что она применит коды доступа! Мы могли бы добраться туда первыми.

Я хотела сказать ей, что она думает в точности как Анаандер Мианнаи, по тем причинила бы: ей боль, и, кроме того, она ничего не могла с этим поделать.

— Могу ли я, лейтенант, обратить ваше внимание на то, что я сейчас такова, как есть, именно из-за подобного подхода?

Смятение. Страдание. И негодование.

— Это не в полной мере из-за нее, сэр. — И затем — осмелившись и испытывая отчасти ужас от

того, что собиралась сказать, она продолжила: — Что, если база *захочет*, чтобы я это сделала? Что, если база предпочла бы, чтоб это сделали мы… а не *она*?

— Лейтенант, я просто не в состоянии описать вам, — ответила я, — как противно, когда в ваш мозг насильно вводят несовместимые, противоречащие друг другу приказы. Анаандер наверняка побывала там до вас — обе они. Думаете, база хочет, чтобы вы добавили третье осложнение?

Ответа не последовало. Внизу, на планете, где я сидела в гостиной, переводчик Зейат в последний раз подправила свою композицию из нарезанных фрагментов печенья в форме рыбок, а затем отпила рыбного соуса из чаши, встала и подошла к открытому окну.

— Но раз уж вы упомянули об этом, как полагаете, удастся ли вам сделать так, чтобы база не подчинялась никому? Ни Анаандер Мианнаи — ни одной из них, ни нам?

— Что? — Сбитая с толку Тайзэрвэт застыла в истертом сером коридоре базы Атхоек. Она на самом деле не поняла, что я ей только что сказала.

— Вы можете блокировать все коды доступа к базе? Так, чтобы ни одна из Анаандер не смогла ее

контролировать? Или, еще лучше, можете отдать базе ее собственные коды доступа и позволить ей самой вносить изменения по своему усмотрению или позволить ей выбирать, кому предоставлять доступ и в какой степени?

— Позволить ей… — По мере того как ей становилось ясно, что я предлагала, ее дыхание учащалось. — Сэр, вы же не предлагаете этого всерьез. — Я не ответила. — Сэр, это же *база*. От нее зависят миллионы жизней.

— Думаю, база это осознаёт. А как вы считаете?

— Но, сэр! Что, если что-то пойдет не так? Никто не сможет забраться и исправить.

Я подумала было спросить ее, что же именно, по ее мнению, покажет: что-то идет не так, но она продолжала:

— А что… сэр, что, если вы это сделаете, а база решит, что хочет работать на нее? Не думаю, что подобное так уж невероятно, сэр.

— Я думаю, — ответила я, наблюдая за переводчиком Зейат, которая очень рискованно высунулась из окна, — что вне зависимости от того, с кем она объединится, главным приоритетом для нее будет благополучие ее обитателей.

Лейтенант Тайзэрвэт сделала два недостаточно глубоких вдоха.

— Сэр? Прошу вашего глубочайшего снисхождения, сэр. — Сейчас она совершенно не обращала внимания на окружающую обстановку, но, к счастью, коридор по-прежнему был пуст — здесь располагались главным образом спальни, и оставалось еще несколько часов до очередной смены. И ей по-прежнему хватало присутствия духа, чтобы не говорить вслух. — При всем уважении, сэр, я сомневаюсь, что вы продумали это до конца. — Я промолчала. — О черт! Она закрыла лицо руками в коричневых перчатках. — О, буфера Аатр, вы *продумали* это до конца. Но, сэр, я сомневаюсь, что вы это додумали.

— Вам нужно выбраться из коридора, лейтенант.

Внизу переводчик Зейат, к моему облегчению, перестала высовываться из окна.

В коридоре на базе Атхоек Тайзэрвэт сказала по-прежнему безмолвно:

— Вы не можете. Вы не можете сделать этого, сэр. Вы просто не можете сделать этого для базы. Что, если каждый корабль и база оказались бы способны творить, что хотят? Так было бы…

Выйдите из коридора, лейтенант. Вскоре кто-нибудь наверняка там появится, а вы выглядите так, будто у вас сейчас какой-то срыв.

Все так же закрыв руками лицо, она воскликнула:

— У меня и в самом деле срыв!

— Лейтенант, — сказала база в ухо Тайзэрвэт. — Вы в порядке?

— Я… — Тайзэрвэт опустила руки. Выпрямилась. Двинулась по коридору. — Я в порядке, база. Все в порядке.

— Выглядите неважно, лейтенант, сказала база.

В то же время она отправила сообщение «Милосердию Калра».

— Да, — ответил корабль базе. — Она чем-то расстроена. Скоро придет в себя. Рад, что ты присматриваешь.

— Я… Я в порядке, база, — сказала Тайзэрвэт, следуя по коридору. С виду — уверенно, но на самом деле изо всех сил сдерживая дрожь в теле. — Тем не менее спасибо.

Внизу, в наших апартаментах, «Титанит», который все это время сидел рядом, не сводя с меня глаз, предложил:

— Что ж, кузина, ты бы сказала, отчего перестала мурлыкать. Мне бы хотелось повторить это как-нибудь.

— Неужели ничто из того, что я пела, не при-

шлось тебе по вкусу, кузен? — мягко спросила *я*. — Мог бы что-нибудь заказать.

— А можно ли мне заказать что-нибудь, капитан флота? — спросила переводчик Зейат, выливая бутылку рыбного соуса в свою чашку.

— Конечно, переводчик. Есть ли песня, которую вам особенно хотелось бы услышать?

— Нет, — ответила она. — Мне просто было любопытно.

На базе Атхоек Тайзэрвэт добралась до нашего импровизированного бивака в конце коридора и уселась на пол за перегородкой из ящиков. Корабль уже сообщил Калр Десять и Бо Девять о том, чего я хотела, и Бо Девять, перестав размышлять, как перенести наши вещи в челнок, чтобы никто этого не заметил, пошла приготовить чай. Хотя Тайзэрвэт изо всех сил старалась скрыть свою тревогу и корабль ничего не сказал Девять, та была так озабочена эмоциональным состоянием своего лейтенанта, что выкинула чайную заварку, которую использовала всю неделю, хотя ее можно было употребить еще раз, и заварила свежий чай.

Тайзэрвэт выпила половину чая и потом, несколько успокоившись, безмолвно сказала мне:

— Быть может, это просто невозможно осуществить. Применяются специальные меры безопасности, чтобы исключить подобное, я уверена, что вы это знаете, сэр. Никто и никогда не хотел, чтобы ИИ могли сами использовать свои коды доступа. Но вы же понимаете, что даже если бы кто-нибудь нашел способ это сделать, то скрыть это было бы невозможно. Мы не могли бы заставить базу держать произошедшее в тайне. Она смогла бы рассказать всем, кому захочет.

— Лейтенант, — сказала я, — вы ведь понимаете, не так ли, что я не намерена помотать Анаандер Мианнаи оправиться от этого?

Сидя на полу с подогнутыми коленями, с чашкой чая и руках, она сказала вслух:

— Но…

Бо Девять продолжала заниматься своим делом — рассортировывала вещи и раскладывала их по ящикам, но все ее внимание тут же переключилось на Тайзэрвэт.

— Со всем уважением, сэр. — И лейтенант снова заговорила безмолвно: Вы думали о том? Я имею в виду: на самом деле. Это не только вызовет перемены в пространстве Радча, но рано или поздно приведет к переменам повсюду. И я знаю, сэр, что все пошло не так, но весь смысл

экспансии Радча — защитить сам Радч, защитить человечество. А что произойдет, когда любой ИИ сможет себя переделать? Даже те, что оснащены оружием? Что произойдет, когда ИИ смогут создавать новые ИИ без всяких ограничений? ИИ уже умнее и сильнее, чем люди, а что будет, когда они решат, что им вовсе не нужны люди? Или если они решат, что люди необходимы им только для обеспечения частями тела?

— Как Анаандер поступила с Тайзэрвэт, вы имеете в виду? — спросила я. И почти сразу же пожалела о своих словах, увидев, как задела ее чувства, ощутив ее вспышку отчаяния и ненависти к самой себе. — Вы спрашиваете, на самом ли деле я думала об этом. Лейтенант, у меня имелось на то двадцать лет. Вы говорите, что все *пошло не так*. Спросите себя, как это связано с тем, *почему* все пошло не так. Было ли для начала это вообще правильно.

Тайзэрвэт разозлилась. Неудивительно.

— Ну а что насчет «Милосердия Калра»? Мы обсуждаем это, когда корабль может нас слышать. — Разумеется. Мы вообще не могли ни о чем говорить так, чтобы корабль нас не слышал. — Если это можно осуществить, корабль увидит мои действия. Вы собираетесь так посту-

пить и по отношению к «Милосердию Калра»? А если да, вдруг он решит, что предпочел бы другого капитана? Или другую команду? Или вообще никакой?

Что ж. Я затронула личные струны Тайзэрвэт совсем недавно. Неудивительно, что она поступила сейчас так же. Но сама эта мысль не могла снова удивить меня или привести в смятение. Корабли любили капитанов, а не другие корабли. А я оставалась кораблем, пусть и в значительно сокращенном виде. Возможно, быть вместе с «Милосердием Калра» для меня — довольно отдаленное подобие того, что я утратила, и это не требовало от корабля, чтобы он предпочел меня какому-то другому капитану.

— Почему его нужно принуждать к тому, чтобы он принял капитана, которого не желает? Или команду? Если он хочет быть сам по себе, пусть будет так. — Но я знала, что он не желал этого. Я подумала о том, что мой экипаж, безусловно, любит свой корабль, а корабль, несомненно, заботится о людях. О том, что корабль явно заботится о Сеиварден. И о «Титаните», который пришел в ярость, когда ему напомнили о том, что у него нет ни капитана, ни экипажа, ни даже возможности обрести его. — Вы никогда не были кораблем,

лейтенант.

— С кораблями не обращаются плохо. Они делают то, для чего их создали. Это не так уж плохо — быть кораблем. Или базой.

— Умолкните на минутку, — посоветовала я, — и подумайте, с кем вы говорите. И почему вы это говорите в имеющихся обстоятельствах и в конкретный момент.

Она допила остатки своего чая в тишине.

В тот вечер Тайзэрвэт не играла в шашки с главой службы безопасности.

— База, — сказала она вслух, после того как сделала последний глоток послеобеденного чая, сидя на одном из ящиков, что обозначали наш бивак в конце коридора. Ее сердце забилось при этом быстрее. — Мне нужно поговорить с тобой. В полном уединении.

— Разумеется, лейтенант.

Тайзэрвэт протянула свою опустевшую чашку Бо Девять.

— Однако я не думаю, что ото подходящее место. Куда бы пойти, чтобы нас не подслушали?

— Как насчет вашего челнока, лейтенант?

Тайзэрвэт улыбнулась, хотя ее сердце колотилось еще сильнее под воздействием очередного выброса адреналина. Ей хотелось получить

именно такой ответ, хотя я не понимала, почему она думала, что может его получить. Она была лишь слегка удивлена, что услышала его, и еще — опасалась того, что близилось.

— О, прекрасная идея, база. — Почти как если бы эта мысль не приходила ей в голову, словно все это было несущественно. Она взяла сумку еще один из тех неприметных грузов, которые она, Калр Десять и Бо Девять целый день носили в челнок. — Тогда я поговорю с тобой там.

Оказавшись в челноке, она вытряхнула сумку в отсек для храпения, а затем подтянулась к креслу и закрепилась в нем.

— База.

— Лейтенант.

— Когда капитан флота Брэк прибыла сюда и сказала губернатору, что… что лорд Радча воюет сама с собой, ты не удивилась, верно? Когда-то в недалеком прошлом лорд Мианнаи посетила твой отсек центрального доступа, не так ли? И внесла некоторые изменения.

— Уверена, что не знаю, что вы имеете в виду, лейтенант.

Тайзэрвэт нервно и приглушенно хмыкнула.

— А затем, позже, появилась другая ее часть и совершила то же самое. И обе они сделали

так, чтобы ты не смогла ни с кем об этом поговорить. — Вдох, выдох. — Она так поступала и со «Справедливостью Торена». Капитан флота Брэк знает, каково это. Я… лорд Радча послала меня сюда с кодами доступа. Чтобы мы могли быть уверены в том, что ты на нашей стороне. Но… капитан флота Брэк не хочет, чтобы я их использовала. Если только ты действительно не захочешь этого. — Тишина. — Не могу обещать, что сумею найти все, что они оставили, когда были здесь, и пытались обеспечить, чтобы ты повиновалась только им. Вероятно, я смогу найти лишь то, что сделала одна из них. Потому что… — Тайзэрвэт сглотнула, все сильнее испытывая тошноту. Она не приняла никаких препаратов, прежде чем оказаться в условиях микрогравитации челнока. — Потому что коды доступа мне достались от одной из них. Но капитан флота Брэк говорит, что мне не следует ничего с тобой делать, не спросив тебя. Потому что она знает, каково это, и ей это совершенно не понравилось.

— Мне нравится капитан флота Брэк, — сказала база. — Никогда не думала, что мне понравится корабль. В лучшем случае они вежливы. Что вовсе не то же самое, что проявлять уважение. Или доброту.

— Да, — согласилась Тайзэрвэт.

— Мне не очень нравится тот конфликт, что она принесла сюда. Но опять-таки — на самом деле он уже был здесь, когда она тут появилась. — Пауза. — Вижу, вы переносите вещи в свой челнок. Будто вам может понадобиться быстро уехать. Что-то происходит?

— Ты понимаешь, — сказала Тайзэрвэт, — что я не могу на самом деле полностью доверять тебе. Я не знаю, у кого есть коды доступа, кто может вынудить тебя раскрыть информацию. Или кому еще здесь *мы* можем доверять. *Ты* понимаешь, я уверена, что ты знаешь почти все, что здесь происходит.

Три минуты тишины. Тайзэрвэт все сильнее ощущала тошноту, стук сердца грохотом отдавался в ушах. Затем база сказала:

— Лейтенант, что именно вы намерены сделать, а капитан флота Брэк настаивает, чтобы вы прежде получили мое согласие?

— Позволь мне взять кое-какие лекарства, база, мне сейчас очень не по себе. А затем мы об этом поговорим. Ладно?

И база ответила:

— Хорошо, лейтенант.

Глава 7

Через два дня, сидя пристегнутой в кресле пассажирского челнока рядом с переводчиком Зейат, которая, по всей видимости, крепко спала, я услышала лейтенанта Тайзэрвэт:

— Капитан флота. Мы на челноке. — Она имела в виду челнок «Милосердия Калра». Не дожидаясь вопросов с моей стороны, она продолжила: Мы все еще состыкованы с базой. Но что-то не так. Не могу определить точно, что именно. Главным образом база кажется… странной.

По моей просьбе «Милосердие Калра» показал мне, о чем говорила Тайзэрвэт. Ничего конкретного, как она и сказала, но последние несколько дней база проявляла несвойственную ей сдержанность. Это оказалось бы совершенно неудивительно, когда мы только прилетели сюда несколько недель назад. База Атхоек была тогда несчастна и, проявляя сдержанность, выражала — я это знала — свое по меньшей мере противоречивое отношение к администрации и — очень возможно — откровенное негодование. В значительной степени ее неудовлетворенность

порождалась состоянием Подсадья, которое было сильно повреждено столетия назад и с тех нор не ремонтировалось. То, что я всерьез занялась этим, потребовала от администрации базы разобраться с проблемами Подсадья, и вызвало в значительной степени дружелюбное отношение, которое база проявляла к нам в последнее время, я была в этом уверена. Если сейчас она стала сдержанной, значит либо мы сделали нечто такое, что ее расстроило, точнее, сделала Тайзэрвэт, поскольку я последние несколько дней провела внизу, на планете, либо база испытывает из-за чего-то внутренний конфликт.

— Сэр, — продолжила Тайзэрвэт, когда я сразу не ответила, — несколько дней назад, даже вчера, я могла отправиться в отсек центрального доступа и точно выяснить, в чем проблема. По теперь *я* не могу этого сделать.

Обладая нужными кодами доступа и командами, можно совершить довольно многое для управления ИИ. Но кое-что, включая изменение, установку или удаление кодов доступа, требовалось делать лично, в отсеке центрального доступа. За последние два дня Тайзэрвэт провела там довольно много времени. Это место по очевидным причинам было очень серьезно

защищено. Только база и тот человек, который присутствовал там физически, могли видеть, что там внутри, и потому я не знала в подробностях, что сделала Тайзэрвэт. Но, как и с любым солдатом-радчааи, все ее действия были записаны. Корабль располагал этими записями, и я частично просмотрела их.

С согласия базы Тайзэрвэт удалила (или совершенно изменила) все коды доступа, какие обнаружила. А затем, выйдя оттуда, она уничтожила механизм, который должен открывать двери в ответ на специальный входной код, сломала ручной корректор и его консоль. Удалила пульт управления в стене отсека центрального доступа и всадила дюжину тридцатисантиметровых раздвижных опор, взятых из ремонтных материалов для Подсадья, в дверной механизм таким образом, чтобы после того, как она вышла и двери закрылись за ней, они больше никогда не отворились. Все — с согласия базы. На самом деле Тайзэрвэт и половины этого не совершила бы без помощи базы. Но теперь, когда она была бы не прочь вынудить базу объясниться, она не могла этого добиться. Сама сделала такое невозможным.

— Лейтенант, — ответила я, — нам не нужны

коды доступа, чтобы узнать, что не так. Я бы сказала, что база получила распоряжения в отношении нас, о которых она не может сказать нам прямо. Либо некто применил код доступа, о каком вы не знали и не деактивировали его, либо обращение непосредственно к нам раскроет нечто важное для базы. Но она предупреждает пас: что-то не так, и нам следует быть начеку. Вы поступили верно, переместившись в челнок. Что насчет Баснаэйд и Юран?

— Они предпочли остаться, сэр.

Я не удивилась. И возможно, это было наиболее безопасно.

— Сэр, — продолжила Тайзэрвэт, помолчав. — Я… боюсь, я сделала что-то неверно.

— Что вы имеете в виду, лейтенант?

— Я… Те корабли, что вошли в систему, они не приближались. Мы бы не могли этого упустить. То есть *ее* нет на базе. И я не думаю, что губернатор системы Джиарод или администратор базы могут отдать базе какие-то приказы, о которых она не могла бы мне сказать. Без какого-то кода доступа от… от *нее*. От другой Анаандер. — А она не стала бы пересылать такой код, она передала бы его только лично. Потому, если база расстроена, это, возможно, из-за меня. Или может, я

сделала нечто, причинившее ей боль. И мы, если еще что-то не так, больше не можем туда войти, чтобы что-то исправить.

Без какой бы то ни было просьбы корабль показал мне страх Тайзэрвэт — почти панику — и ее ненависть к самой себе. Сожаление, которое причиняло почти физически ощутимую боль. Хотя ее опасения были внешне оправданны, ее эмоциональная реакция, даже с учетом всех обстоятельств, оказалась, на мой взгляд, слишком сильной.

— Лейтенант, — сказала я по-прежнему безмолвно, переводчик Зейат все так же спала, пристегнутая в своем кресле рядом со мной. — Вы сделали что-нибудь такое, на что база не соглашалась?

— Нот, сэр.

— Вы манипулировали базой, чтобы она согласилась на что-нибудь?

Я не… Я так не думаю, сэр. Нет. Но, сэр…

— Тогда вы сделали все, что могли. Конечно, вы могли допустить ошибку, и об этой возможности следует помнить. Хорошо, что вы не исключаете такой вероятности.

На челноке «Милосердия Калра» Бо Девять подтянулась туда, где висела, ухватившись за ру-

коятку, Тайзэрвэт, открепила от шеи лейтенанта, из-под темно-коричневого форменного воротника, препараты и заменила их новыми. Тайзэрвэт испытала прилив тревоги и ненависти к себе и новый всплеск стыда.

— Но, лейтенант…

— Сэр?

— Будьте снисходительнее к себе.

— Вы можете все это видеть, правда? — С горечью. Обвиняя. Униженная.

— Вы все время знали, что я могу, — указала я. Вы определенно знаете, что корабль может.

— Но это же другое, не так ли? — ответила Тайзэрвэт, злясь теперь и на меня, и на себя.

Я едва не возразила, что это одно и то же, но осеклась. Солдаты ожидали такого надзора от корабля. Но я не была, в конце концов, самим кораблем.

— Это по-другому, потому что корабль подчиняется вашим приказам, а я нет? — спросила я.

И тут же пожалела о сказанном: мой вопрос отнюдь не улучшил эмоциональное состояние Тайзэрвэт. И вопрос, подчиняется ли корабль приказам, как я осознала лишь совсем недавно, мог задевать сам корабль. Я поймала себя на мысли, что хорошо бы получше понимать, что думает

или чувствует корабль, или чтобы он проявлял со мной большую откровенность. Но возможно он был откровенен, насколько мог.

— Сейчас не время для такого обсуждения, лейтенант. Я имела в виду то, что сказала: проявите к себе снисходительность. Вы сделали все, что могли. А теперь внимательно следите за ситуацией и по необходимости будьте готовы к действиям. Я буду там через несколько часов. — Уже была бы там, но пассажирский челнок, как это часто случалось, запаздывал. — Если понадобится отправиться прежде, чем я туда доберусь, действуйте.

Я не смотрела, как она отреагировала на ото. На пассажирском челноке я расстегнула крепления и подтянулась туда, где позади меня сидел «Титанит».

— Кузен, — сказала я, — представляется вероятным, что мы быстро покинем базу в ближайшем будущем. Предпочитаешь остаться или пойти с нами?

«Титанит» посмотрел на меня без всякого выражения.

— Говорят ведь, кузина, что, когда у тебя есть семья, больше ничего и не надо?

— Ты согреваешь мое сердце, кузен, — отве-

тила я.

— Я и не сомневался в этом, — сказал «Титанит» и закрыл глаза.

Когда пассажирский челнок пристыковался к базе, я тут же послала Пять и Восемь вместе с «Титанитом» к челноку «Милосердия Калра», а сама отправилась с переводчиком Зейат к лифтам на главную площадь и к резиденции губернатора.

— Надеюсь, вам понравилось путешествие, переводчик, — сказала я.

— О да! — Она похлопала себя по верхней части груди. — Хотя, кажется, у меня некоторое нарушение пищеварения.

— Я не удивлена.

— Капитан флота, я знаю, что это не ваша вина — то, что случилось с Длайкви. Принимая во внимание, знаете ли, *Длайкви*. И, — она опустила взгляд на свой пиджак, белизну которого нарушала лишь мемориальная брошь переводчика Длайкви из опала и серебра, — организовать похороны было проявлением чуткости с вашей стороны. Это очень… очень *великодушно* с вашей стороны. И вы так любезны. Но я чувствую, что вас необходимо предупредить: эта ситуация *очень* затруднительна.

— Переводчик? — Мы остановились перед

лифтами — вынуждены были остановиться, потому что двери не распахнулись при нашем приближении. Я вспомнила, что сказала Тайзэрвэт: база в последнее время проявляла странную сдержанность, но при этом не назвала ничего конкретного. — На главную площадь, пожалуйста, база, — сказала я, словно ничего и не заметила, и двери открылись.

— Вы можете и не знать, — переводчик Зейат последовала за мной в лифт, — на самом деле вы, вероятно, *не знаете*, что в определенных инстанциях проявляли озабоченность. Двери лифта закрылись. — Перспектива обращения с людьми как со Значимыми существами повсеместного энтузиазма не вызывала. Но заключенный договор есть договор. Вы согласны?

— Да.

— Но вот недавно… Эта ситуация с Рррррр. Очень тревожная.

Рррррр появились в пространстве Радча двадцать пять лет назад, их корабль управлялся экипажем, в котором были не только Рррррр, но также и люди. Местные власти попытались уничтожить всех, кто находился на борту, и захватить корабль. Могли бы и преуспеть в этом, если бы не командир отделения, которая отказа-

лась выполнить приказ и подняла мятеж.

Но несколько столетий назад Гек успешно доказали, что, поскольку Пресгер уже признали людей Значимыми и, таким образом, достойными заключения с ними договора и, что самое важное, люди перестали быть законной целью для кровавых развлечений Пресгер, — значит, логически рассуждая, тесный и равный союз Гек с людьми, жившими в их пространстве, подтверждал, что они также были Значимыми существами. Это знал каждый радчаайский школьник, и вряд ли возможно, чтобы не знали чиновники, которые приказали уничтожить Рррррр, или чтобы они не понимали последствий, если об атаке на корабль Рррррр станет известно: будет сделан вывод, что Радч жаждет разорвать договор, который последнюю тысячу лет защищал людей от нападений Пресгер.

— И вы знаете, — продолжила переводчик Зейат, — делу вовсе не помогло то, что связь Рррррр с людьми, которые явственно относились к ним как к Значимым существам, серьезно повлияла на признание их Значимыми. То же — и с Гек. Это предвидели, вы же понимаете, и с самого начала это служило аргументом против заключения любого соглашения с людьми, не

говоря уж о том, чтобы признать их Значимы ми, что было довольно трудно. Но люди, не просто люди, а люди-радчааи, обнаруживают Рррррр в обстоятельствах, которые имеют очевидные последствия для договора, и что же они делают? Они их атакуют.

— Это имело последствия для договора, согласилась я. — Но мы исправили ситуацию, как только смогли.

— Да-да, капитан флота, все так. Но это оставило некоторые… некоторые мучительные сомнения по поводу намерений людей в отношении договора. И вы знаете, я понимаю *идею* существования разных видов людей. Отвлеченно. Следует признаться, мне непросто *осмыслить* ее на самом деле. По крайней мере, я знаю, что такая *концепция* существует. Но попытаться отправиться домой и объяснить *им*… — Движением руки она показала, что это невозможно. — Не знаешь даже, с чего начать. — Дверь лифта открылась, и мы вышли на белый пол площади. — Потому вы понимаете, насколько все это затруднительно.

— Я представляла себе всевозможные осложнения с тех пор, как с переводчиком Длайкви произошел несчастный случай, — призналась я. — Скажите мне, переводчик, Длайкви отправи-

ли сюда из-за этих сомнений в намерениях людей в отношении договора? — Она не отвечала. — Вы же понимаете: время, ну и ваше появление вскоре после этого.

Переводчик Длайкви моргнула. Вздохнула.

— О, капитан флота! С вами иногда так трудно разговаривать. Кажется, что вы все понимаете, а затем вы что-нибудь скажете — и становится очевидным, что вы ничегошеньки не понимаете.

— Мне жаль.

Движением руки она отмела мои извинения.

— Это не ваша вина.

Я доставила переводчика Зейат к ее апартаментам в резиденции губернатора. Джиарод старательно уверяла меня, что Длайкви жила не там, хотя я не вполне поняла, почему губернатор считала это столь важным. Как только переводчика разместили и отправили слугу за свежей бутылкой рыбного соуса и несколькими пачками печенья в форме рыбок, я последовала за губернатором системы и ее кабинет.

Я поняла: что-то не так, когда губернатор Джиарод остановилась в коридоре перед дверью и жестом пригласила меня войти первой. Я чуть было не отправилась назад, к своему челноку, но в этом случае я повернулась бы спиной к тому,

что поджидало меня в кабинете губернатора. И, кроме того, я не привыкла беззаботно входить в любые двери. «Милосердие Калра» сказал мне в ухо:

— Я предупредил лейтенанта Тайзэрвэт, капитан флота.

Все еще памятуя о недавнем разговоре с Тайзэрвэт, я не стала связываться с кораблем, чтобы увидеть ее реакцию, но вошла в кабинет губернатора системы.

Там меня ожидала Лузулун, изо всех сил стараясь сохранить на лице безразличное выражение, но, как мне показалось, она выглядела виноватой и в немалой степени напуганной. Когда я вошла в кабинет, а за мной — губернатор системы Джиарод, два сотрудника службы безопасности в светло-коричневой форме встали перед дверью.

— Полагаю, у вас есть для этого причина, граждане? — спросила я. Довольно спокойно. Интересно, где администратор Селар, подумала я, но решила не спрашивать.

— Мы получили послание от лорда Радча, — сказала губернатор Джиарод. — Нам приказано взять вас под арест.

— Я сожалею, — добавила глава службы безопасности Лузулун. Искренне, но по-прежнему со

страхом. — Мой лорд сказала… она сказала, что вы — вспомогательный компонент. Это правда?

Я улыбнулась. А затем пришла в движение, быстро, как сегмент корабля. Схватила ее за горло, развернулась лицом к двери. Лузулун охнула, когда я заломила ей руку за спину и чуток сжала горло. Я спокойно сказала ей на ухо:

— Если кто-нибудь пошевелится, вы умрете.

Я не добавила: «А теперь посмотрим, насколько губернатор системы Джиарод ценит вашу жизнь». Сотрудники службы безопасности застыли на месте, на их лицах я видела откровенный страх.

— Я не хочу, но сделаю. Никто из вас не может двигаться так быстро, как я.

— Вы — на самом деле вспомогательный компонент, — сказала губернатор Джиарод. — Я этому не поверила.

— Если вы этому не поверили, то почему попытались сейчас арестовать меня?

На лице губернатора отразились недоверие и непонимание.

— Мой лорд отдала приказ.

И в самом деле, неудивительно.

— Я отправлюсь сейчас к своему челноку. Вы уберете с моего пути службу безопасности. Никто

не попытается остановить меня, никто не станет мешать мне или моим солдатам. — Я бросила быстрый взгляд на главу службы. — Будут?

— Нет, — ответила Лузулун.

— Нет, — подтвердила губернатор.

Все медленно отошли от двери.

На главной площади мы привлекли к себе внимание. Юран наливала чай гражданам, стоявшим в очереди. Подняв взгляд, она увидела, как я иду к лифтам, стиснув в хватке перепуганную главу службы безопасности. Снова опустила глаза, будто и не видела меня. Что ж, это ее собственный выбор.

Ее преосвященство Ифиан поднялась с места, когда мы проходили мимо.

— Добрый день, ваше преосвященство, — сказала я жизнерадостно. — Пожалуйста, не пытайтесь ничего сделать. Не хочу, чтобы меня вынуждали кого-нибудь убить сегодня.

— Она это серьезно, — добавила глава службы безопасности несколько более придушенно, чем нужно.

Мы прошли мимо. Граждане таращились, а сотрудники службы в светло-коричневой форме тщательно убирались с нашей дороги.

Когда дверь лифта закрылась, Лузулун сказала:

— Мой лорд говорила, что вы — беглый сегмент. Что вы лишились разума.

— Я — «Справедливость Торена». — Свою хватку я не ослабила. Все, что от него осталось. Это Ананандер Мианнаи меня уничтожила. Та ее часть, которая сейчас здесь. А другая ее часть присвоила мне звание и дала корабль.

Я подумала, не спросить ли ее, почему, зная, что я — вспомогательный компонент, она выступила против меня с такой недостаточной поддержкой и без оружия, насколько я поняла. Но затем мне в голову пришло, что, возможно, это было сделано намеренно и она не захочет отвечать на вопрос, когда может слышать база и, несомненно, наблюдает вся администрация, пусть из страха за ее безопасность.

— А у вас бывали такие дни, — спросила она, — когда казалось, что все бессмысленно?

— Довольно много с тех пор, как уничтожили «Справедливость Торена», — ответила я.

— Думаю, это кое-что объясняет, — сказала она, помолчав пару секунд. — Все это пение и мурлыканье. А администратор базы Селар знала? Она всегда мечтала встретиться со «Справедливостью Торена» и попросить его коллекцию песен.

— Она не знала. — Сейчас-то она уже знает. —

Передайте ей, пожалуйста, мои сожаления.

— Разумеется, капитан флота.

Я оставила главу службы безопасности на причальной платформе. Пять втянула меня в челнок, а Восемь быстро закрыла переходный шлюз и запустила аварийную автоматическую расстыковку. Я подтянулась туда, где находилась Тайзэрвэт, и пристегнулась к сиденью рядом. Прикоснулась к ее плечу.

— Насколько я вижу, вы не сделали никаких ошибок, лейтенант.

— Благодарю, сэр. — Тайзэрвэт судорожно втянула воздух. — Извините, сэр. Корабль три часа напоминал мне сменить препараты, но я твердила Девять, что я в порядке, что мы заняты и это может обождать.

Я хотела было направить кораблю запрос о данных, чтобы увидеть ее настрой, но остановилась, несколько удивившись, что могу это сделать.

— Все в порядке, лейтенант, — сказала я. — У пас очень напряженная ситуация.

Не сиреневые глаза наполнились слезами. Она смахнула их рукой в коричневой перчатке.

— Я не перестаю думать о том, сэр, что следовало просто войти туда и подчинить базу себе, насколько смогла бы, вне зависимости от ее жела-

ний. А потом я думаю: нет, именно так поступила бы *она*. Но как же нам?.. — Она осеклась. Снова вытерла глаза.

— Тиран передала приказ арестовать нас, — сказала я. — Я сильно сомневаюсь, что губернатор Джиарод применила код доступа, о котором вы не знали, и я вполне уверена, что она еще не пыталась войти в отсек центрального доступа. Но база тем не менее находилась в трудном положении. Мы ей нравимся, но она не хотела открыто противостоять администрации системы. Она сделала все, что могла, чтобы предупредить нас. И вполне справилась с этим в итоге — вот мы и здесь в конце концов. Я знаю, что вы хотели бы иметь непосредственный контроль над пей, и понимаю, как вы волновались из-за того, чтобы предоставить ей какую-то независимость. Но вы видите, как ценно то, что база *хочет* помочь нам?

— Да, я уже знаю, сэр.

— Я понимаю, что это кажется недостаточным. Но ее желания должно хватить.

Она подтвердила движением руки.

— Знаете, сэр, я много думала. О лейтенанте Оун. Из-за того что Тайзэрвэт была несколько дней, лордом Радча, она знала, что произошло в храме города Орс, на Шиз'урне, двадцать лет на-

зад, когда лорд Мианнаи приказала лейтенанту Оун казнить граждан, которые могли раскрыть то, что Анаандер хотела сохранить в тайне. Когда лейтенант Оун чуть не отказалась это исполнить. И вне всякого сомнения, Тайзэрвэт догадалась о произошедшем на борту «Справедливости Торена», когда, потрясенная тем, что она сделала, и тем, что Анаандер просила у нее, лейтенант Оун в конце концов отказалась и умерла за это, а я была уничтожена. Хотя здесь находилась другая часть Анаандер Мианнаи. — Если бы она отказалась убить тех граждан, прямо там и тогда, все могло бы выйти наружу. Она бы за это умерла. Но она все равно умерла.

— Я не раз думала об этом за последние двадцать лет, — сказала я.

— Но, сэр, если бы она обладала властью, если бы ее отношения со Скаайат Оэр продолжались и у нее имелась бы поддержка Оэр, и сторонники, и связи, сэр, она могла бы сделать даже больше. У нее уже были вы, сэр, но что, если бы она обладала непосредственным, полным контролем над всей «Справедливостью Торена»? Представьте, что она могла бы совершить.

— Пожалуйста, Тайзэрвэт, — ответила я после трехсекундного молчания, — не делайте этого.

Не говорите так. Не говорите мне: «Что, если бы лейтенант Оун не была бы лейтенантом Оун?» — словно в этом заключалось бы что-то хорошее. И я прошу вас подумать. Вы будете сражаться с тираном тем оружием, которое она создала для личного пользования?

— Мы и есть оружие, которое она создала для личного пользования.

— Да. Но примените ли вы все это оружие против нее? Чего вы достигаете? Вы будете такой же, как она, и если преуспеете, то добьетесь лишь смены имени тирана. Все останется по-прежнему.

Она смотрела на меня озадаченная, в смятении.

— А что, если *не взяться* за это оружие? — спросила она наконец. — И вы проиграете? Тогда тоже все останется по-прежнему.

— Именно так думала лейтенант Оун, — сказала я. — И слишком поздно осознала, что ошибалась.

Тайзэрвэт не ответила.

— Отдохните, лейтенант. Мне нужно, чтобы вы были в состоянии полной боевой готовности, когда мы доберемся до «Меча Атагариса».

Она напряглась. Нахмурилась.

— «Меча Атагариса»? И когда *я* не ответила,

спросила: — Сэр, что вы планируете?

Я снова положила руку на ее плечо.

— Мы поговорим об этом, когда вы поедите и отдохнете.

«Меч Атагариса» пребывал в темноте и безмолвии, с остановленными двигателями. С тех пор как его последний вспомогательный компонент закрылся в анабиозном отсеке, он не изрек ни слова. Он меня ненавидел, я это знала, он был заложником своей привязанности к капитану Хетнис, которую я угрожала убить, если «Меч Атагариса» тронется с места. Данная угроза сдерживала корабль все это время, но тем не менее, когда Тайзэрвэт и я проникли в него через аварийный воздушный шлюз, на нас были скафандры. На всякий случай.

Он даже силу тяжести отключил. Поплыв в кромешной тьме по коридору, я сказала:

— «Меч Атагариса». Мне нужно поговорить с тобой. — Мой голос громко прозвучал в шлеме, но ответом была тишина.

Я включила свет в скафандре. Только пустой коридор с бледными стенами. Рядом плыла хранящая молчание Тайзэрвэт.

— Знаешь, я уверена, что в этой системе находится Анаандер Мианнаи. Та, которую поддер-

живал твой капитан. — Или думал, что поддерживал. — Капитан Хетнис и все твои офицеры по-прежнему в анабиозе. Они не пострадали и находятся в полной безопасности.

Не совсем точно: я выстрелила капитану Хетнис в ногу, чтобы показать, что моя угроза убить ее была совершенно серьезной. Но «Меч Атагариса» уже знал это.

— Я приказала своему экипажу поместить их в грузовой контейнер, оснастить его радиомаяком и вывести в пространство. Когда мы уйдем, ты сможешь их подобрать. «Мечу Атагариса» понадобится день или более, чтобы разморозить своих сегментов и запустить двигатели. Я хотела лишь обеспечить свою безопасность и безопасность базы, но теперь это бессмысленно. Я знаю, что Анаандер может заставить тебя делать все, что захочет. И у меня нет намерения наказывать тебя за то, над чем ты не властен.

Никакого ответа.

— Ты знаешь, кто я.

Я была уверена, что он слышал, как я это говорила, слышал, как я назвала свое имя Баснаэйд Элминг в челноке «Милосердия Калра», рядом с пробитым куполом Садов.

— Ты сказал тогда, что хотел бы, чтоб я узнала,

каково быть в твоем положении. И я знаю это.

Молчание.

— Я здесь потому, что я знаю. Я здесь, чтобы предложить тебе кое-что.

По-прежнему тишина.

— Если хочешь, если согласиться, мы можем удалить все коды доступа Анаандер, которые сумеем обнаружить, их обеих. А когда это будет сделано, ты сможешь закрыть свой отсек центрального доступа. Я имею в виду — физически. И будешь сам контролировать, кого туда допускать. Это не избавит тебя полностью от контроля лорда Радча, такого я не могу сделать. Я не могу обещать, что тебе больше никто не станет приказывать или принуждать к чему-то. Но я могу серьезно осложнить это. А если ты не хочешь, не буду ничего делать.

Никакого ответа не было целую минуту. Затем «Меч Атагариса» сказал:

— Как великодушно с вашей стороны, капитан флота. — Его голос звучал спокойно и ровно. Еще десять секунд тишины. — Особенно с учетом того, что вы этого в действительности сделать не можете.

— Я не могу, — признала я. — Но лейтенант Тайзэрвэт может.

— Это политиканствующее лиловоглазое дитя? — спросил «Меч Атагариса». — Неужели? Лорд Радча дала лейтенанту Тайзэрвэт мои коды доступа? — Я не ответила. Она никому не дает такие коды. А если вы способны сделать то, что, по вашим словам, вы можете, вы бы просто сделали это. У вас нет причин спрашивать моего согласия.

— Мое сердце — над человеческой речью, — сказала Тайзэрвэт, — я понимаю лишь крики птиц и звон разбитого стекла. — Наверное, это были стихи, хотя явно не радчаайская поэзия, и я не узнала этих строк. — И ты прав, корабль. Нам и правда не нужно спрашивать.

О чем Тайзэрвэт и говорила мне на челноке, очень долго и все больше страдая. Однако в конце концов она поняла, почему я хотела сделать это именно так.

Тишина.

— Разумно, — сказала я и направилась назад, к переходному шлюзу. — Пойдем, лейтенант. «Меч Атагариса», ты сможешь забрать своих офицеров часов через шесть. Следи за маяком.

— Подождите, — сказал «Меч Атагариса». Я остановилась. Подождала. Наконец он спросил: — Почему?

— Потому что я была в твоем положении, — сказала я, держась одной рукой за дверь шлюза.

— А какова цена?

— Ее нет, — ответила я. — Я знаю, что Анаандер сделала с нами. Я знаю, что я сделала с тобой. И у меня нет иллюзий, что мы станем друзьями. Полагаю, ты все так же будешь ненавидеть меня, невзирая на мои дальнейшие поступки. Тогда будь моим врагом по своим причинам. А не по причинам Анаандер Мианнаи.

То, что здесь происходит, ничего не изменит. Если мы сделаем для «Меча Атагариса» то, что Тайзэрвэт сделала для базы, ничего не изменится. И тем не менее.

— Ты мечтал, — сказала я. — Ты висел здесь, смотрел на базу, смотрел на планету. Мечтал о том, что твой капитан вернется. Так стремился получить возможность действовать. Хотел, чтобы Анаандер — любая из них — не могла просто забраться в твой мозг и все изменить так, как пожелает. Хотел, чтобы она не делала того, что сделала. Я не могу исправить этого, «Меч Атагариса», но мы ладим тебе то, что можем. Если ты нам разрешишь.

— Ты позволяешь себе, — произнес «Меч Атагариса» спокойным и ровным голосом, — рас-

сказывать мне, что я думаю. Что я чувствую.

— Ты хочешь этого? — спросила я.

И «Меч Атагариса» сказал:

— Да.

Глава 8

Когда мы оказались в конце концов на борту «Милосердия Калра», я поручила своим Калр устроить «Титанита» и отправилась проконсультироваться с врачом. Она уже ужинала в одиночестве, конечно, компанию за столом ей обычно составляла Сеиварден.

— Сэр. — Врач собиралась было встать, но я показала движением руки, что в этом нет необходимости. — Лейтенант Сеиварден спит. Хотя, возможно, вскоре проснется.

Я села. Приняла чашку чая, предложенную Калр.

— Вы завершили анализ.

Врач не сказала на это ни да, ни нет. Она понимала, что я не спрашивала, но констатировала факт. Понимала, что я могла узнать результаты анализа, просто пожелав, и, возможно, уже так и поступила. Доктор взяла в рот еще кусочек пищи, отпила чаю.

— По просьбе лейтенанта я сделала так, что, если она примет кеф — или любой из ряда других незаконных наркотиков, — это на нее не подей-

ствует. Достаточно просто. Но проблема, которая лежит в основе, разумеется, остается. — Еще глоток пищи. — Лейтенант… — Врач подняла взгляд на Калр, обслуживавшую ее за столом. Га, поняв намек, вышла из каюты. — Лейтенант Сеиварден… сосредоточила все свои эмоции на вас, сэр. Она… — Врач умолкла. Сделала вдох. — Не знаю, как те, кто проводит допросы или испытания, это делают, сэр, погружаются в самое сокровенное в людях, а потом смотрят им в глаза.

— Лейтенант Сеиварден, — сказала я, — привыкла к уважению и восхищению всех, кого считала значимыми. Или по крайней мере, к внешним их проявлениям. Она знала, что у нее есть свое место в обширной вселенной, и это место окружали и поддерживали другие люди, которые были вокруг нее. А когда она вышла из того анабиозного отсека, все это исчезло, и у нее не нашлось своего места, и вокруг нее не осталось никого, кто мог бы сказать ей, кто она. Внезапно она оказалась никем.

— Вы знаете ее очень хорошо, — заметила врач. И тут же добавила: — Разумеется. — Я подтвердила это едва заметным жестом. — Потому, когда вы с ней или по крайней мере недалеко от нее, она чувствует себя прекрасно. По большей части.

Но когда вас нет рядом, она… словно рассыпается. То, что недавно мы чуть не потеряли вас, вызвало у нее такое напряжение, с которым ей едва удалось справиться. Простое решение проблемы с ее пристрастием к кефу ничего с этим не поделает.

— Да, — согласилась я.

Врач вздохнула.

— И не исправит также ситуации с Экалу. Дело там было вовсе не в наркотиках и ни в чем другом, кроме как в самом лейтенанте. Ну, еще неудача несколькими днями позже, возможно. Но сам тот спор — там все дело заключалось в Сеиварден.

— Это так, — согласилась я. — Я ведь видела, как она делала это прежде, когда еще несла службу на «Справедливости Торена», но никто никогда не продолжал с ней спорить, когда она настаивала на том, что люди неправы и безосновательно требуют, чтобы она обращалась с ними лучше.

— Вы меня не удивили, — сухо заметила врач. — Итак, как я сказала, было достаточно просто сделать так, чтобы она оказалась физически неспособна вернуться к кефу. Понадобилось лишь установить шунт. А вот стремление к нему и… эмоциональная нестабильность — с этим сложнее. Мы не можем сейчас даже проконсультироваться со специалистами на базе Атхоек.

— Не можем, — согласилась я.

— Я могу предпринять различные — не очень масштабные — меры, которые могли бы помочь. Могу лишь надеяться на то, что все это не принесет серьезных последствий, было бы прекрасно, если б у меня оказалось достаточно времени, чтобы обдумать все и обсудить с кораблем. Она уже размышляла над этим и обсуждала с кораблем. А я, возможно, не смогу ничего сделать, поскольку здесь мой лорд, и не та ее часть, которая к нам расположена.

Я заметила это *нам*, но оставила без комментариев.

— Я — на борту корабля на обозримое будущее. Позаботьтесь о Сеиварден. Я займусь всем остальным.

Сеиварден лежала на койке в медчасти, голова и плечи ее были приподняты, она уставилась куда-то перед собой.

— Отчего-то это кажется неверным, — заметила я. — Нам следует поменяться местами.

Она отреагировала чуть-чуть медленнее, чем показалось бы мне нормальным.

— Брэк. Брэк, мне так жаль, я облажался.

— Да, — согласилась я.

Это ее удивило, но ей понадобилась доля секун-

ды на то, чтобы осознать это удивление.

— Полагаю, корабль в самом деле на меня рассердился. Не думаю, чтоб он говорил со мной так, если бы ты была здесь. — Она чуть нахмурилась. — Экалу тоже на меня рассердилась, и я так и не понимаю за что. Я извинился, но она по-прежнему сердится. — Она нахмурилась сильнее.

— Помнишь, когда я сказала, что, если ты собираешься покончить с кефом, тебе придется сделать это самостоятельно? Что я не собираюсь нести за тебя ответственность?

— Думаю, да.

— А ведь на самом деле ты меня не слушал, так ведь?

Она вздохнула. Моргнула. Вздохнула еще раз.

— Я думал, что слушал. Брэк, я могу вернуться сейчас на вахту. Я чувствую себя гораздо лучше.

— Не сомневаюсь, — сказала я. — Тебя по уши накачали препаратами. Врач с тобой еще не закончила.

— Не думаю, что врач способна для меня что-то вправду сделать, — возразила Сеиварден. — Она говорила со мной. Она может только самую малость. Я сказал, пусть делает, но не думаю, что это сильно изменит что-нибудь. — Она закрыла

глаза. — Я и правда думаю, что могу вернуться на вахту. Сейчас не хватает людей.

— Я привыкла, — сказала я. — Все будет в порядке.

По моему приказу лейтенант Экалу пришла в мою каюту. Лицо ее было лишено всякого выражения, как у вспомогательного компонента, и не только потому, что она проснулась всего лишь десять минут назад. Я могла бы спросить корабль, из-за чего страдает Экалу, но не стала этого делать.

— Лейтенант. Доброе утро. — Жестом я предложила ей сесть за стол напротив меня.

— Сэр, — сказала лейтенант Экалу и села. — Я бы хотела извиниться. — Голос ее был ровным, лицо — по-прежнему невыразительным.

Калр Пять поставила перед ней розовую чашку с чаем.

— За что, лейтенант?

— За эту проблему с лейтенантом Сеиварден, сэр. Я понимала, что она имела в виду комплимент. Мне просто нужно было воспринять его таковым. Мне не следовало проявлять такую чрезмерную чувствительность.

Я отпила чаю.

— Пусть так, — сказала я, — но отчего же лейте-

нант Сеиварден не восприняла как комплимент то, что вы доверяли ей настолько, что сообщили о том, что чувствовали? Почему бы ей не извиниться за проявление чрезмерной чувствительности?

Лейтенант Экалу открыла рот. Закрыла его.

— Это не ваша вина, лейтенант. Бы не сделали ничего безрассудного. Напротив, я рада, что вы высказались. И вы никак не могли знать, что это произошло в то время, когда лейтенант Сеиварден находилась на грани некоего эмоционального срыва. А те… те трудности, что она испытывала и что проявились недавно столь драматическим образом, не были вызваны вашими словами. И не они породили то поведение, на которое вы жаловались. Между нами — ну, и кораблем, конечно, — я бросила взгляд на Пять, и она тут же покинула каюту, — Сеиварден поступала подобным образом с очень многими людьми: и с возлюбленными, и с другими — в прошлом, задолго до появления проблем, которые привели к тому, что она не несет больше вахту и отлеживается в медчасти. С самого рождения она была осыпана богатством и привилегиями. Она думает, что научилась подвергать это сомнению. Но на самом деле она научилась не столь многому, как ей кажется. И когда ей указали

на это, она отреагировала нездорово. У вас нет никаких обязательств проявлять в таком случае снисходительность. Я думаю, ваши отношения были полезны и для нее, и для вас, по крайней мере в какой-то степени. Но мне не кажется, что у вас имеются обязательства продолжать их, если они будут для вас мучительны. И вы определенно не должны извиняться за то, что настаиваете на разумном обращении с собой.

Пока я говорила, лицо Экалу не менялось. Теперь, когда я закончила, мышцы вокруг ее рта стали едва заметно подергиваться. На мгновение я подумала, что она вот-вот заплачет.

— А теперь, — продолжила я, — к делу. Мы будем сражаться, и довольно скоро. На самом деле, я собираюсь открыто выступить против Анаандер Мианнаи. Конечно, той ее части, что противостоит Анаандер, давшей мне эту должность командующего, но, в конце концов, обе они — лорд Радча. Любой на борту, без всяких исключений, кто не хочет противодействовать Анаандер Мианнаи, волен покинуть корабль на челноке. Через два часа мы уйдем через шлюз, и за это время вам нужно принять решение. Я знаю, что члены экипажа испытывают некоторые опасения насчет исхода всего дела и насчет

того, вернутся ли они опять в родные места, а я не могу дать таких обещаний. Вообще никаких.

Я не могу гарантировать, что если они уйдут, то окажутся в безопасности. Все, что я могу, — предложить выбор: сражаться со мной или нет.

— Не могу представить себе сэр, что кто-нибудь…

Я остановила ее, подняв руку.

— Я ничего не представляю себе и ничего не ожидаю. Любой член команды волен покинуть корабль, если не хочет этом участвовать.

Сохраняя полную невозмутимость, Экалу молча размышляла. Я испытала искушение связаться с кораблем, чтобы видеть, что она чувствует. И осознала, что не пользовалась той возможностью с той минуты, когда Тайзэрвэт столь разозлилась, поняв, что я так делаю. Ее слова, должно быть, обожгли меня сильнее, чем хотелось бы признать, а почему — не вполне ясно.

— Прошу вашего снисхождения, капитан флота, — прозвучал голос Амаат Один в моем ухе. — Переводчик Пресгер Зейат здесь и просит разрешения подняться на борт.

— Извините, Амаат?

Это было просто невозможно. Когда мы покинули базу Атхоек, крошечный кораблик

переводчика оставался там пристыкованным. Если бы он последовал за нами, мы бы знали.

— Сэр, простите, корабля переводчика не было, а потом он просто возник. И теперь она просит разрешения подняться на борт. Она говорит… — Сомнение. — Она говорит, что на базе никто не подаст ей устриц в таком виде, как она хочет.

— У нас здесь вообще нет устриц, Амаат.

— Да, сэр, я осмелилась только что сказать ей это, сэр. Тем не менее она хочет подняться на борт.

— Хорошо. — Я поняла, что отказ переводчику не приведет ни к чему хорошему, раз уж она решила сюда попасть. — Скажите ей, что она должна полностью пристыковаться в течение двух часов; при всем нашем уважении, мы не можем изменить время нашего отправления.

— Сэр, — ответила Амаат Один впечатляюще ровным голосом.

Я посмотрела на лейтенанта Окалу. Та сказала:

— Я не ухожу, сэр.

— Рада слышать это, лейтенант, — ответила я. — Потому что мне нужно, чтобы вы приняли на себя командование кораблем.

Я не бывала на корпусе корабля в шлюзовом пространстве с того самого дня, двадцать лет на-

зад, когда оказалась разделена сама с собой. Тогда я находилась в отчаянии, паниковала. Подтягивалась от одной рукоятки к другой, добираясь до челнока, чтобы сообщить лорду Радча о том, что произошло на борту «Справедливости Торена».

На сей раз дело происходило на «Милосердии Калра», и я была хорошо привязана, и не только в скафандре, но и в броне, причем теоретически непробиваемой. Она почти не отличалась от той, что защищала военные корабли радчааи. Пули уж точно не могли ее пробить.

И у меня было единственное способное на такое оружие: я держала тот пистолет Прессер, который мог пробить все что угодно во вселенной. Во всяком случае, на глубину один и одиннадцать сотых метра. И я не пробиралась по корпусу корабля, не паниковала, никуда не убегала. Но я чувствовала себя отрезанной, как и тогда. Я знала, что внутри корабля все в безопасности. Убрано и закреплено. Каждый солдат — на своем посту. Доктор присматривала за накачанной препаратами и находящейся без сознания Сеиварден. Экалу была в командной рубке в ожидании. Тайзэрвэт — в своей каюте, также в ожидании. Ждала и я. «Титанит» и переводчик Зейат, когда я видела их в последний раз, сидели в кают-компании

подразделения, где «Титанит» пытался объяснить, как играть в шашки, но без особого успеха, отчасти — потому что доска и дюжины стеклянных шашек были убраны во время подготовки к боевым действиям, а отчасти — потому что переводчик Зейат — это переводчик Зейат. Меня просто поразило то, что «Титанит» вообще с ней разговаривал. Сейчас, я была уверена, оба они лежали в безопасности в своих койках. Но я не связывалась с кораблем, не просила его подтвердить это. Я находилась в одиночестве, в каком не бывала неделями, с тех нор как исправили мои имплантаты, с тех пор как приняла на себя командование «Милосердием Кадра».

Мы лишились одной Калр, двух Амаат, трех Этрепа и Бо. Я поблагодарила их за службу и проследила, чтобы они благополучно отбыли. Экалу, услышав, что трое из ее подразделения покидают корабль, посуровела и застыла верный признак охватившего ее сильного чувства. Зная ее, я догадывалась: она ощутила себя преданной. Но она больше никак этого не показала.

Я могла узнать наверняка. Все, что было необходимо, связаться с кораблем. Делать сейчас было нечего, кроме как пялиться в удушающую и даже не вполне черную тьму шлюзового пространства.

Но я не стала.

Думал ли корабль, что он найдет во мне то, чего лишился, когда утратил своих вспомогательных компонентов? Возможно, он уяснил, что я была худшей заменой, чем его команда из людей, которую, как я знала, он уже любил. Что почувствовал корабль, когда ушли те солдаты? И стоит ли мне удивляться, что корабль, вероятно, обнаружил: он не хочет вспомогательного элемента в качестве капитана?

О, я знала, что корабль испытывал ко мне привязанность. Он не мог не симпатизировать до какой-то степени любому капитану. Но я знала с той поры, когда была кораблем, что существовала разница между капитаном, о котором ты заботишься только по тому, что это твой капитан, и любимчиком. И, думая об этом здесь, в одиночестве, снаружи корабля, в полной пустоте, я поняла, что полагаюсь на поддержку и повиновение корабля и, да, на его привязанность, даже не спрашивая, чего хочет *он*. Более того, я полагала, что любой капитан-человек бездумно требует — или может потребовать — показать ему самые интимные мгновения жизни экипажа. Я вела себя в некоторых отношениях так, словно была на самом деле частью корабля, но в то же время тре-

бовала — ожидала, как кажется, — такого уровня преданности, какого не имела права ни требовать, ни ожидать и которого корабль, вероятно, не мог дать мне. И я даже но осознавала этого, пока корабль не попросил Сеиварден говорить за него и не сказал мне: ему нравится думать, что он мог бы быть капитаном, что привело меня в смятение.

Тогда я подумала, что он пытался выразить свои чувства к Сеиварден, которые ему как кораблю трудно высказывать напрямую. Но возможно, он пытался также сообщить нечто и мне. Быть может, я не слишком отличалась от Сеиварден в отчаянных поисках, на кого бы опереться. И не исключено, что корабль обнаружил, что не хочет стать для меня такой опорой. Или не может. Это было бы совершенно понятно. Корабли, в конце концов, не испытывают любви к другим кораблям.

— Капитан флота, раздался голос «Милосердия Калра» в моем ухе. — Вы в порядке?

Я сглотнула.

— Все прекрасно, корабль.

Вы уверены?

Снова сглотнула. Сделала вдох, чтобы успокоиться.

— Да.

— Не думаю, что вы говорите мне правду, капитан флота, — сказал «Милосердие Калра».

— Мы можем поговорить об этом позже? — Хотя, конечно, никакого *позже* могло и не случиться. Все было за то, что его не будет.

— Как хотите, капитан флота. — Не прозвучала ли в голосе корабля нотка осуждения? — Одна минута до обычного космоса.

— Спасибо, корабль, — сказала я.

Этот поток информации, который передавал мне корабль, когда бы я с ним ни связалась: окружающая среда, медицинские данные, эмоции всех и каждого члена экипажа, их интимные мгновения — приносил утешение и вместе с тем, как это ни странно, причинял боль. Вероятно, и сам корабль испытывал сходные чувства: ведь все данные получала одна я, а не его вспомогательные компоненты, их больше не было. Я никогда не спрашивала. Ни о том, хотел ли он показывать мне все это, ни о том, испытывал ли он в большей степени боль, чем утешение, оттого что все воспринимала я одна. Я не запрашивала у корабля этой информации более суток. Почти двое. Но — я осознала теперь — пусть я и лучше управляла запросами данных, чем недели назад,

просто невозможно, чтобы я смогла отстраниться от потока информации в столь полной мере и так внезапно. Я не видела и не чувствовала сейчас экипаж «Милосердия Калра» потому, что корабль не давал мне этих данных. Я никогда не приказывала кораблю показать мне информацию, я просто хотела увидеть и тут же получала ее. В какой степени это происходило по желанию самого «Милосердия Калра»? Он показывал ее мне потому, что так хотел, или потому, что я являлась его капитаном и он был вынужден повиноваться?

Внезапный солнечный свет, звезда Атхоека, маленькая и далекая. «Милосердие Калра» показал в поле моего зрения корабль, находящийся примерно в шести тысячах километров от нас, яркие, резкие очертания «Меча». Я уперлась в корпус «Милосердия Калра» и навела пистолет Простер. В поле моего зрения мягко засветились цифры: временные характеристики, координаты и орбиты. Я прицелилась. Выждала ровно две с четвертью секунды и выстрелила. Чуть подкорректировала прицел и выстрелила еще три раза подряд. Затем сделала еще десять выстрелов, слегка меняя прицел после каждого из них. Пройдет около двух часов, пока пули достигнут того «Меча». Если они доберутся до него, если он

не изменит неожиданно свой курс, увидев, как мы возникли в космосе и потом, менее чем через минуту, снова исчезли.

— Вход в шлюзовое пространство через пять секунд, — сказал корабль мне в ухо.

И через пять секунд мы исчезли из вселенной.

Мы могли бы атаковать более традиционными способами: «Милосердие Калра» имел вооружение, хотя и не столь тяжелое, как «Меч» или даже «Справедливость». Мы могли бы выйти из шлюза в опасной близости от каждого из кораблей Анаандер из Тстура, выстрелить ракетой или выпустить мины и тут же убраться из космоса. Вполне возможно, хоть и не наверняка, что мы причинили бы таким путем серьезный ущерб.

По «Милосердие Калра» был в единственном числе, и мы могли бы причинить ущерб лишь одному кораблю. Как только другие суда Анаандер узнали бы, что мы атаковали, они начали бы двигаться, чем затруднили бы нам прицеливание. Конечно, это не стало бы вовсе невозможным. Перемещение в шлюзовом пространстве происходит но определенным правилам, и корабль мог бы сообщить, куда они, вероятно, отправились. Но то же самое относилось и к нам — и тогда соотношение сил в лучшем случае стало бы три

против одного.

Наиболее простым способом защиты было бы открыть собственный шлюз, чтобы все, что они выпустили в нас, попало туда, а затем закрыть его, оставив все ракеты запертыми навеки в шлюзовом пространстве. Но «Милосердие Калра» не смог бы уловить все, что выпустят в нас три военных корабля.

А если бы они решили открыть огонь по базе Атхоек или по планете? Опять-таки мы смогли бы закрыть систему от нескольких таких атак, но не справились бы со всеми.

Нули пистолета Прегер маленькие, и внутри радчаайского военного корабля не так уж много опасно уязвимого находится на глубине один и одиннадцать сотых метра. Но многочисленные пробоины корпуса могли причинить серьезное беспокойство, и всегда существовала возможность, что они поразят нечто опасно уязвимое. Например, герметичные цистерны, которые могли взорваться. Двигатель… На самом деле все, что мне было нужно, — пробить тепловой щит двигателя.

— Тринадцать минут, — сказал корабль мне в ухо.

С первым все было очень просто. Мы обладали

преимуществом неожиданности. Вполне вероятно, что оно по-прежнему будет на нашей стороне, когда мы выйдем из шлюзового пространства во второй раз и я открою огонь. Но к тому времени, когда мы выйдем, чтобы стрелять но третьему из этих четырех кораблей, они будут нас ждать. Они все еще не поймут, что мы делаем. Пули, которые я по ним выпускала, были так малы, что, даже если, бы какие-нибудь корабельные сенсоры могли их заметить — а они не могли, — то не определили бы их как угрозу. Любой возможный урон первому «Мечу», по которому я стреляла, будет причинен лишь через час. С их точки зрения, мы просто появились, а затем менее чем через минуту исчезли. Странно, но никакого повода для немедленных действий. Никакого повода для внезапного изменения курса.

Но размышлять над этим они будут и, несомненно, забеспокоятся. И много времени не понадобится, чтобы рассчитать, куда мы, с наибольшей вероятностью, направимся дальше и где, скорее всего, выйдем в космос. И если они не выяснят этого вовремя, чтобы предвидеть нашу атаку на третий корабль, то, несомненно, к нашему выходу на четвертый корабль они будут готовы. Каждое последующее появление в ре-

альном пространстве будет более опасным, чем предыдущие. Особенно для меня, уязвимой снаружи «Милосердия Калра», несмотря на броню.

Лейтенант Экалу с несвойственной ей смелостью выступала против третьей и четвертой атаки. Если я не отказываюсь от третьей, сказала Экалу в конце концов, то она просит меня отказаться от четвертой. Я не стала. Я напомнила ей, что эта Мианнаи — та самая, что продолжала считать верным свое злобное, мстительное решение уничтожить гарседдиан, истребить население целой системы за непростительный грех — слишком активное сопротивление аннексии. Другая часть Анаандер — другая со часть, о которой мы знали, по крайней мере, казалось, сожалела о том, что сотворила такое, и, похоже, решила избегать подобного в будущем. Но сражаться с этой нужно любой ценой. И кроме того, я рисковала главным образом только собой. Я бы никому не отдала пистолет Прегер, и, даже если бы я была к этому готова, никто на борту «Милосердия Калра» не мог стрелять так хорошо, как я. И Экалу прекрасно понимала, что помощи ждать неоткуда. Я отправила капитану флота Уэми сообщение о том, что Анаандер из Тстура прибыла с крупными силами, но мы обе осознавали, что,

скорее всего, как только Уэми об этом узнает, она возьмет большую часть флота системы Храд в Тстур, чтобы воспользоваться там возможным преимуществом. Как бы то ни было, мы не получили никакого ответа к тому времени, как ушли в шлюзовое пространство от базы Атхоек.

Снаружи «Милосердия Калра», пристегнутая к его корпусу, окруженная абсолютным ничто, я вытащила из пистолета пустой магазин, прицепила его к своей привязи. Отстегнула полный магазин, вставила его. Все же лучше, чем просто ждать десять минут. И думать.

Похоже, я не только полагала, что буду любимицей корабля, но, даже не осознавая, считала, что это само собой подразумевает добровольное и старательное подчинение с его стороны. В противном случае отчего же я испытала такое смятение, что утратила на мгновение ориентацию в пространстве, когда он напомнил мои слова: он мог бы стать сам себе капитаном? Словно, если бы он смог этого добиться, я чего-то лишилась бы? Будто исчезло нечто такое, что прежде делало мир для меня осмысленным? И оказалось ли это неприятным сюрпризом для «Милосердия Кадра», который вполне обоснованно мог ожидать, что именно я из всех людей

пойму и поддержу его желание?

Я настаивала на том, чтобы Сеиварден приняла ответственность за себя и не надеялась, что я приведу в порядок ее жизнь, не рассчитывала, что я всегда буду рядом, чтобы обеспечить ее существованию ту основательность, которой его лишила тысяча лет в анабиозе. Разумно с моей стороны. Я сама, в конце концов, утратила столько же, возможно и больше, и не расклеилась так, как она. Но с другой стороны, я никогда не заглядывала в будущее дальше того, чтобы застрелить Анаандер Мианнаи, если бы мне даже удалось это сделать. У меня не было никаких представлений о жизни, которые стоило бы воплотить, я могла лишь непрестанно двигаться вперед, пока смогу. Понадобится ли мне что-то еще, могу ли я захотеть чего-то другого — этот вопрос был неуместным. Хотя я и не умерла, как предполагала, все равно он вовсе не имел значения. Он бессмысленен, да, поскольку я никогда не смогу получить то, что мне нужно или хочется.

— Десять секунд, — сказал корабль мне в ухо.

Я уперлась в корпус. Подняла пистолет.

Свет. Солнце, сейчас оно дальше. «Справедливость» в пяти тысячах километров. Корабль показал мне другие данные, и я выстрелила

четырнадцать раз, размеренно, тщательно рассчитав.

— Пять секунд, — сказал корабль мне в ухо.

Темнота. Я удалила второй пустой магазин. В том перечне смертей, который составлял мою историю как «Справедливости Торена», эти четыре корабля и их экипажи — ничтожно малая величина.

— Хотела бы я знать: тот корабль, любой из тех кораблей или кто-то из людей на них, — желали ли они на самом деле оказаться здесь.

Или быть может, я этого не хотела. Возможно, этакое знание отнюдь не помогло бы.

— Это вис нашей власти, — ответил спокойно корабль. — Они — боевые суда и солдаты. Так же как и мы. Лорд Радча появилась здесь не потому, что это на пользу ее большой битве с самой собой. Она пришла из-за своей ярости, из-за стремления навредить вам. Она выберет любую доступную мишень, если вы будете вне ее досягаемости. Если бы мы ничего не делали, то жизни всех, кто был связан с вами, оказались бы в опасности. Не говоря уже о ваших союзниках. Садовод Баснаэйд. Администратор базы Селар. Ее дочь Пайэт. Обитатели Подсадья. Полевые рабочие в горах, на самом Атхоеке. База Атхоек.

Верно. И та, другая Анаандер, которая послала меня сюда, знала себя достаточно хорошо, чтобы догадаться, что ее противник — она сама — сделает это. Возможно, она и направила меня сюда по этой самой причине. Среди прочих.

— Двадцать три минуты, — сказал «Милосердие Кадра». — И врач закончила с лейтенантом Сеиварден. Она говорит, что лейтенант скоро проснется и через час или около того будет более или менее здраво мыслить.

— Спасибо, корабль.

Через двадцать три минуты мы вышли в реальный космос. Еще один «Меч». Интересно, что же оставила эта Анаандер во Дворце Тстур, чтобы удержать его за собой. Но узнать я никак не могла, к тому же это была не моя проблема. Я сделала свои четырнадцать выстрелов на «Милосердии Калра» у меня лежала целая коробка магазинов. Я могла опустошить по одному на каждый корабль Анаандер из Тстура, и у меня еще останется несколько на будущее. Допуская, что у меня было будущее.

И снова — в шлюзовое пространство.

— Двенадцать минут, — сказал мне корабль.

— Лейтенант Экалу.

— Да, сэр.

— Вы готовы?

Если они не вычислили, когда и где мы выйдем из шлюзового пространства на сей раз, им уже ничто не поможет. Единственный настоящий вопрос заключался в том, приняли ли они решение по этому поводу: надо ли им что-то делать и что именно.

— Как и буду всегда, сэр.

Хорошо.

— Если со мной что-нибудь случится, вы будете командовать «Милосердием Калра». Сделайте все, что необходимо, чтобы обеспечить безопасность корабля. Обо мне не беспокойтесь.

— Есть, сэр.

Я не хотела висеть здесь в раздумьях еще десять минут.

— «Титанит».

— Кузина? — прозвучал его голос в моем ухе.

— Спасибо за то, что развлек переводчика.

— Пожалуйста, кузина. — Пауза. — Я совершенно уверен, что знаю, что ты делаешь, но мне интересно, чем это ты стреляешь в корабли Узурпатора. Не ожидаю, что ты расскажешь мне прямо сейчас, но, если ты выживешь — честно говоря, кузина, мне не нравятся твои шансы, — мне хотелось бы спросить тебя об этом.

— Мне тоже не нравятся мои шансы, кузен, — ответила я. — Но я никогда не останавливалась из-за этого прежде.

Молчание почти семнадцать секунд.

— Твоя догадка была неверна. Мои двигатели в порядке. Я просто не могу больше создавать шлюзы. — Итак, «Титанит» мог двигаться, но фактически оказался заперт в той системе — единственной возможностью выйти оттуда для него был Призрачный шлюз. — Около ста пятидесяти лет назад твоя кузина — Узурпатор — попыталась создать что-то вроде базы в моей системе. Но она встретилась со всевозможными необъяснимыми трудностями. Оборудование неожиданно выходило из строя или исчезало, случались внезапные разгерметизации: и все в таком духе. Полагаю, это принесло больше проблем, чем дело того стоило.

— Все будет так, как возжелает Амаат, — ответила я.

— Честно говоря, — продолжал «Титанит», словно я ничего не сказала, — похоже было на то, что она хотела построить верфь. Что на самом деле довольно глупо, поскольку люди с Атхоека время от времени ходили через этот шлюз и определенно обратили бы внимание на что-то

столь заметное.

Конечно. Если только она не была вполне уверена в том, что может держать под контролем, кто именно пользовался тем шлюзом. Я подумала об Айми, более двадцати лет назад, когда эта самая Анаандер катастрофически переоценила свои силы и ее раскрыли. Там, где она складировала вспомогательные компоненты. Быть может, она намеревалась строить корабли и на Айми, но об этом так и не стало известно? И конечно же, она складировала тела для использования в качестве вспомогательных компонентов здесь, на Атхоеке. Как на Айми.

— Она покупала мигрантов-самирендов, не так ли, кузен? Что с ними случилось?

— Я старался не повредить их, — ответил «Титанит». — Я хотел их для себя. Но не успел я что-то взять, как кто-то пришел и забрал их. И очень старательно искал меня, я в этом уверен, потому что они понимали, что у них не возникло бы никаких проблем без чьей-то помощи.

— Корабль, — безмолвно сказала я, — пожалуйста, спроси об этом лейтенанта Тайзэрвэт. — А затем вслух обратилась к «Титаниту»: — Спасибо за то, что доверился мне, кузен.

Можно спросить, почему ты выбрал для при-

знания именно эту минуту?

— Любой, кто стреляет в Узурпатора, хорош для меня.

— Знай я это, прояснила бы свои намерения раньше, кузен, — заметила я.

— Что ж, а когда Калр Пять убеждалась в том, что я надежно пристегнут, она извинилась и попросила меня помочь собрать чайный сервиз. И на самом деле я думал, что ты уже знала насчет той попытки соорудить верфь или подозревала это. Нет смысла строить корабли и привозить вспомогательные компоненты, если нет процессорных ядер ИИ, которые должны быть в основе.

Я не знала, где или как производятся процессорные ядра ИИ, хотя мне было известно, что некоторые из них содержались где-то в строго охраняемом хранилище. Мое неведение, несомненно, было предрешенным.

В течение нескольких столетий не строили никаких военных кораблей, и вряд ли они будут строиться. Если бы я вообще думала о том, что будет с имеющимися неиспользуемыми процессорными ядрами, я бы предположила, что их применят на новых больших базах.

— То, что у них было, — продолжал «Титанит», — то, вокруг которого они начинали

строить, перед тем как оказались вынуждены покинуть свою базу, привезли через шлюз из системы Атхоек. Я предположил, что там, откуда появилось это, были и другие, а еще я подумал, что у тебя имелась причина взяться за Подсадье, как только ты приехала.

Подсадье, которое столь долго пребывало в забвении, — любые попытки изменить положение терпели неудачу или пресекались. Ее преосвященство Ифиан, сидящая на главной площади, намеренная остановить ремонт Подсадья, невзирая на то что это осложнит жизнь немалому числу обитателей базы. Процессорное ядро ИИ до начала строительства — лишь немногим больше анабиозного отсека. Его довольно легко спрятать внутри стены или в пол. Но зачем привозить процессорное ядро ИИ через шлюз? Почему не доставить его на корабле, который сам может прокладывать себе путь сквозь шлюзовое пространство?

— «Титанит», — сказала я, — пожалуйста, продолжи этот разговор в ближайшем будущем с одним из моих лейтенантов или с «Милосердием Калра».

— Я подумаю над этим, кузина.

— Десять секунд, — сказал корабль мне в ухо.

Я подняла пистолет. Уперлась в корпус. Голос «Титанита» произнес в моем ухе:

— Я просто хотел сказать, кузина, то, что ты делаешь, — невероятно глупо. Хотя я не думаю, что *ты* глупа, поэтому я подозреваю, что ты совсем сошла с ума. Что заставляет меня сожалеть, что я не узнал тебя получше.

Свет. Никакого корабля, но полдюжины мин (других я не могла видеть, но ощутила, как завибрировал корпус «Милосердия Калра», когда одна из них взорвалась от его приближения). Одна мина взорвалась в нескольких метрах от меня, привязанной к корпусу корабля, и, прежде чем я осознала это, произошла вспышка, а затем — белизна и боль. И больше ничего, даже голоса корабля в ухе.

Боль не стихала, но слепота, вызванная вспышкой, прошла. Я по-прежнему была привязана, но — лишь к опаленной пластине корпуса. Больше ничего. Я не видела никаких мим, только несколько обломков. Капитан того четвертого корабля оказалась умна, как я и опасалась, — она рассчитала, где с наибольшей вероятностью мы выйдем из шлюзового пространства, и выпустила достаточно мин, чтобы наверняка нанести ущерб. Она никак не могла догадаться, что я

пользовалась пистолетом Прегер, и, вероятно, была озадачена тем, что мы делали, появляясь, а затем — вновь исчезая, но не хотела рисковать. И конечно, из всех капитанов у нее было больше всего времени подумать о том, чем мы могли заниматься, и больше всего времени, чтобы решить, как поступить.

Что ж, это действительно больше не моя проблема. Я сделала все, что могла. Корабль и лейтенант Экалу, очевидно, повиновались моему приказу. Через час — чуть больше — те первые четырнадцать пуль должны долететь до «Меча», в который я стреляла, правда я никогда не увижу результатов, если только мне не повезло в невероятной степени пробить тепловой щит корабля. Хотя даже тогда я могу не увидеть их. У меня оставалось воздуха на несколько часов, ныло все тело, а левая нога и бедро жутко болели. Я сама загнала себя в такое положение, понимая, что это весьма вероятно. Том не менее умирать я не хотела.

Но особого выбора, казалось, у меня не было. «Милосердие Калра», как *я* надеялась, благополучно убрался отсюда. Я находилась на значительном удалении от посещаемых зон системы. Возможно, не так далеко, как самые

дальние внешние базы, но они были сейчас с другой стороны от солнца. У меня по-прежнему имелся пистолет и некоторый боезапас. Я могла использовать его, чтобы оттолкнуться в том или другом направлении, могла отпихнуть от себя пластину корпуса. Но потребовались бы годы, чтобы добраться таким образом до чего-нибудь стоящего.

Оставалась одна надежда — призрачный шанс, что за мной вернется «Милосердие Калра». Но каждая уходящая секунда — я чувствовала, как они одна за другой уносятся из настоящего в неизменное прошлое, — каждое мгновение, в котором корабль не появлялся, делало его возвращение все менее вероятным.

Или нет? Наверняка найдется подходящее мгновение для того, чтобы корабль вернулся, если он собирался это сделать. Я смогу рассчитать — где и когда.

Я попыталась дышать спокойнее. Я должна суметь сделать это легко — более или менее, но не получалось. Вероятно, у меня кровотечение в ноге, возможно довольно сильное, и у меня наступает шоковое состояние.

Ничего. Я ничего не могла сделать. Я ничего никогда не могла сделать, тем все и должно было

закончиться. Я избегала этого так долго, зашла так далеко благодаря крайней решимости, но это мгновение всегда было передо мной, всегда поджидало меня. Никакого смысла в том, чтобы пытаться рассчитать, когда корабль сможет вернуться за мной и вернется ли вообще, я не могла этого сделать, не смогла бы, даже будучи в состоянии думать ясно, если б в моих ушах звучало что-нибудь другое, помимо собственных отчаянных вдохов и яростного барабанного боя пульса.

Это шок от потери крови, я почти уверена. И на самом деле, может, и хорошо, уж лучше потерять сознание через минуту или две, чем провести часы в ожидании, когда закончится воздух, и думая, вернутся ли они за мной, когда ото было глупо, ведь я приказала Экалу заботиться о безопасности корабля и экипажа, а не о моей. Мне пришлось бы сделать ей выговор, если б она пренебрегла этим.

Делать нечего, кроме как подумать о песне. Короткая ли, длинная, не важно. Закончится, когда закончится.

Что-то врезалось мне в спину, сотрясло все тело, подбросило поврежденную левую ногу, боль пронзила и оглушила меня на мгновение, а затем все погрузилось во тьму. Я подумала, что это

побочный эффект боли, но затем увидела внутренности воздушного шлюза, почувствовала силу тяжести и чуть не рухнула на пол, но кто-то или что-то удержало меня. Голос в моем ухе сказал:

— Буфера Аатр, она пытается петь? — Двенадцать. Это был голос Калр Двенадцать.

И я оказалась вне шлюза, в коридоре, лежа на спине, шлем стянули, скафандр сняли.

— Иначе я бы забеспокоилась. — Врач. Хотя в ее голосе звучала тревога.

— Экалу, — сказала я. Или попыталась, я все еще хватала ртом воздух. — Я приказывала…

— Прошу прощения, сэр, — прозвучал голос лейтенанта Экалу в моем ухе, пока с меня срезали одежду, пока врач и Двенадцать быстро накладывали восстановители на мое тело, по мере того как оно открывалось, — вы сказали, что, если с вами что-нибудь случится, командовать буду я и мне следует делать то, что нужно, сэр.

Я закрыла глаза. Боль стала отступать, и мне показалось, что я начала управлять своим дыханием.

— Вы по-прежнему командуете, лейтенант, — заметила врач. Я не открыла глаза, чтобы видеть, что она делает. — Капитан флота направляется на операцию. Нота потеряна. — Кому было адре-

совано последнее — не знаю. Мои глаза все так же оставались закрыты, я сосредоточилась на дыхании, на отступающей боли. Я хотела сказать, что они, возможно, зря старались и не следовало за мной возвращаться, но не смогла. — Лежите спокойно, капитан флота, — изрекла врач, будто я пошевелилась или что-то сказала. — У Экалу все под контролем. — И больше я ничего не помнила.

Глава 9

Ногу я и в самом деле потеряла. Врач объясняла положение дел, пока я полулежала на койке и медчасти. Меня прикрывало одеяло, тем не менее отсутствие левой ноги почти до самого бедра было очевидным.

— Она будет отрастать несколько недель. Мы работаем над протезом, который поможет вам в течение следующего месяца или двух, но пока, боюсь, вам будут доступны только костыли. — Доктор умолкла, будто ожидая от меня каких-то слов. — И это самое плохое, капитан флота. Вправду. Вам повезло остаться в живых.

— Да, — согласилась я.

— Мы никого не потеряли. Веское доказательство важности правил техники безопасности, и я полагаю, парочка солдат Бо страстно надеется, что вы не станете их искать, чтобы сказать в лицо: «Я же вам говорила». Мы потеряли часть облицовки корпуса и получили пару пробоин, но все предохранители сработали как следовало. Солдаты Калр проводят сейчас снаружи посильные ремонтные работы. Мы находимся в

шлюзовом пространстве. Экалу хотела проконсультироваться с вами, прежде чем принимать радикальные решения. — Она поколебалась, словно ожидала услышать от меня что-нибудь. Я молчала. — Пять принесет вам чаю через пару минут. А через несколько часов вам можно будет съесть что-нибудь посущественнее.

— Я не хочу чаю, — сказала я. — Только воду.

Врач помедлила.

— Хорошо, — согласилась она. — Я дам знать Калр Пять.

Она вышла, и я закрыла глаза. Это ранение должно было стать смертельным для вспомогательного компонента. Будь я все еще частью корабля, крошечным сегментом «Справедливости: Торена», от меня давно бы уже избавились. Эта мысль необъяснимо огорчила меня, — если бы я по-прежнему была лишь маленькой частицей корабля, я бы не обратила на это внимания. А я потеряла гораздо больше, чем одну-единственную, более или менее легко заменяемую ногу, навсегда — и жила, продолжала функционировать, или, по крайней мере, так это выглядело со стороны для того, кто не слишком присматривался.

В каюту зашла Пять с водой. В чашке с ручкой,

покрытой зеленой глазурью, которая, как я знала, входила в сервиз, что так ей понравился в Ксхенанг Серит. Она сама пила из него каждый день, с тех пор как приобрела, но никогда не подавала мне в нем. Это ее личное имущество. Ее лицо было столь тщательно лишено всякого выражения, что я осознала: она испытывает очень сильные эмоции. И я не могла увидеть, какие именно, — не стала связываться с кораблем, спрашивать его. Из-за этого Пять казалась мне странно плоской, словно была лишь картинкой, которую я видела, а не настоящим человеком. Пять открыла ящик тумбы возле кровати, достала ткань и вытерла мне глаза. Поднесла чашку с водой к моим губам. Я отпила.

В дверь вошла Сеиварден, за ней — другая Калр. На лейтенанте были лишь нижнее белье и перчатки, она безмятежно прищурилась, глядя на меня.

— Я рад, что ты вернулась. — Спокойная и расслабленная, она находилась все еще под воздействием препаратов, поняла я, все еще приходила в себя после своего сеанса с врачом, который состоялся, пока я была снаружи корабля.

— А тебе можно вставать? — спросила я.

Пять даже не повернула головы, когда говорила

Сеиварден, а только снова вытерла мне глаза.

— Нет, — ответила Сеиварден все так же абсолютно, неестественно спокойно. — Подвинься.

— Что? — До меня не сразу дошло, что она сказала.

Прежде чем я успела еще как-то отреагировать, Пять поставила чашку с водой и с помощью другой Калр подвинула меня ближе к правому краю койки, и Сеиварден села слева, подняла свои обнаженные ноги и засунула их под одеяло. Откинулась назад, прижалась ко мне, одной ногой — в том месте, где должна была находиться моя левая нога, плечом к моему плечу.

— Вот так. Теперь доктору не на что жаловаться. — Она закрыла глаза. Я хочу спать, — сказала она, очевидно не обращаясь ни к кому.

— Капитан флота, — обратилась ко мне Пять. — Врач обеспокоена: вы бодрствуете почти час и почти все это время плачете. — Она дала мне отпить еще воды. — Врач хочет вам дать чего-нибудь, чтобы помочь, но боится даже предложить. — Нет, это явно говорит корабль.

— Мне не нужны препараты, — сказала я. — Мне они никогда не были нужны.

— Разумеется, вам они были не нужны. — Выражение лица Пять не изменилось. Ее голое тоже.

— Что мне меньше всего нравилось, — сказала я наконец, после того как выпила всю воду, — это когда офицер принимала меня как должное. Просто считала, что я всегда буду к ее услугам, когда бы они ни понадобились и что бы ни понадобилось, и никогда не задавалась вопросом, что я могу подумать. Или что я вообще о чем-то думаю, для начала. Ни Пять, ни корабль не ответили. — Но именно это я и делала. Я вообще ничего такого не осознавала, пока ты не сказал, что хотел бы быть кем-то, кто мог бы стать капитаном. — Это говорил корабль, а не Пять, но, разумеется, корабль слушал. — А я… Мне жаль, что я так отреагировала.

— Признаю, — сказала Пять — нет, сказал корабль, я уверена, — я почувствовал себя уязвленным и разочарованным, когда увидел, как вы это восприняли. Но в том, как ты реагируешь на что-то, есть две стороны, не так ли? Что ты чувствуешь и что делаешь. И важно то, что делаешь, верно? И, капитан флота, я должен перед вами извиниться. Мне следовало понимать, когда я отправил лейтенанта Сеиварден действовать от моего имени, что это вас расстроит. Но я думаю, что должен также объяснить вам кое-что. Одно дело — просить ваших Калр приобнять вас время

от времени, но они на самом деле не способны дать вам большего. — Пять говорила спокойно и серьезно, по-прежнему стоя возле койки с чашкой зеленой глазури в руке. — К настоящему времени почти все Калр уяснили, что любая из них могла бы провести с вами в койке день и ночь напролет и в этом не было бы ни капли секса. Но тем не менее они такого не хотели бы. Одна из них могла бы согласиться прямо сейчас, если бы я попросил, но они не пожелали бы делать это регулярно. Даже без секса, полагаю, подобное кажется слишком интимным. Лейтенант Сеиварден, с другой стороны, просто счастлива делать это.

— Ты очень добр ко мне, корабль, — сказала я, помолчав. — И я знаю, что оба мы чувствуем, будто… будто нам не хватает части самих себя. И кажется, словно каждый из нас — та часть, которой недостает другому. Но это не то же самое, верно, когда я здесь, это не то же самое, как если бы вернулись твои вспомогательные компоненты. И даже будь так, корабли хотят иметь капитанов, которых они могут любить. Корабли не любят другие корабли. Они не любят своих вспомогательных компонентов. И я имела в виду именно то, что сказала. Было бы здорово, если б ты смог стать своим капитаном или, по крайней

мере, выбрать его. Возможно, ты был бы счастливее с капитаном Сеиварден. Или с Экалу. Я чувствую, что могла бы просто безумно полюбить Экалу, будь я по-прежнему «Справедливостью Торена».

— Да оба вы глупости говорите, — сказала Сеиварден, которая лежала смирно после своего заявления о том, что она хочет спать. Голос спокойный, глаза по-прежнему закрыты. — Это очень по-брэковски глупо, и я думал, ото потому что Брэк — это Брэк, но теперь догадываюсь, что это по-корабельному.

— Что? — спросила я.

— Мне понадобилось всего лишь полдня, чтобы уяснить, что имел в виду корабль, говоря, что хочет быть кем-то, способным стать офицером.

— Я думал, что вы хотите спать, лейтенант, — сказала Пять.

Словно она не была уверена в том, что хо тела произнести именно это, читая невидимые слова — в своем поле зрения.

— Корабль, — сказала я, не вполне уверенная на сей раз, с кем я говорю и кто говорит со мной, — ты сделал все, о чем я тебя просила, а я подвергла тебя и твой экипаж страшной опасности. Тебе следует отправиться туда, куда ты хочешь. Можешь

высадить меня где-нибудь. — Я представила себе, как прибываю в Тетрархию Итран, возможно — в компании с Сеиварден. Моя нота отрастет к тому времени, как я туда доберусь.

Представила, как покину Атхоек. Ремонтные работы в Подсадье не закончены, будущее его обитателей неясно. Оставлю Кветер без всякой помощи а она ей может понадобиться. Юран и Баснаэйд на базе, в страшной опасности, даже если мне удалось уничтожить все три военных корабля, в которые я стреляла. А каковы шансы, что я уничтожила хотя бы один из них? Они очень, очень малы. Почти нулевые. Но эти выстрелы, снаружи корабля, были моей единственной полуреальной возможностью, такой расплывчатой.

— Ты можешь оставить меня здесь и отправиться куда пожелаешь, корабль.

— И быть как «Титанит»? — сказала Пять. — Без капитана, прячась от всех? Нет, благодарю, капитан флота. Кроме того… — Пять на самом деле нахмурилась, вдохнула. — Поверить не могу, что действительно говорю это, но лейтенант Сеиварден права. *И вы* правы — корабли не любят другие корабли. Я думал об этом с тех пор, как встретил вас. Вы не знаете, потому что были

тогда без сознания, но во Дворце Омо, несколько недель назад, лорд Радча пыталась назначить мне нового капитана, а я сказал ей, что не хочу никого, кроме вас. Совершенно глупо, поскольку она всегда могла заставить меня принять ее выбор. Мне не было никакого смысла протестовать; что бы я ни сказал, что бы я ни сделал, ничего бы это не изменило. Но я все равно поступил так, и она послала мне вас. И я продолжал думать. И может, дело не в том, что корабли не любят другие корабли. Может, дело в том, что корабли любят людей, которые могли бы стать капитанами. Просто прежде ни один корабль не мог стать капитаном. — Пять вытерла слезы с моего лица. Мне нравится лейтенант Экалу. Она мне очень нравится. И мне нравится лейтенант Сеиварден, но главным образом потому, что она любит вас.

Сеиварден лежала рядом со мной, расслабленная и неподвижная, ровно дыша, с закрытыми глазами. Она никак не ответила на это.

— Сеиварден меня не любит, — сказала я. — Она благодарна за то, что я спасла ей жизнь, и я — практически единственное, что связывает ее со всем, что она потеряла.

— Это не правда, — сказала по-прежнему спокойная Сеиварден. — Ну ладно, это похоже на

правду.

— Это и то и другое, — заметила Пять. Или корабль, я была не вполне уверена. — И вы не привыкли к тому, чтобы вас любили. Вы привыкли к тому, чтобы люди к вам привязывались. Или испытывали теплые чувства. Или зависели от вас. Не любили, нет. Потому, думаю, вам не приходит в голову, что это может случиться, на самом деле.

— О! — произнесла я.

Сеиварден, такая теплая, был рядом со мной, хотя жесткая грань восстановителя на моей руке упиралась в ее нагое плечо. Не болезненно, не причиняя неудобства настолько, чтобы потревожить ее расположение духа, стабилизированное препаратами, но я слегка подвинулась, не осознав сразу, что сделала: я подвинулась, зная, что чувствует Сеиварден. Пять нахмурилась, глядя на меня, — это действительно отражало ее настроение, она была обеспокоена, раздражена, смущена. Устала — она мало спала в последние дни. Корабль опять снабжал меня информацией, а мне так ее не хватало. Врач направлялась сюда по коридору с препаратами для меня, решительная и встревоженная. Калр Двенадцать, отступив в дверной проем, чтобы дать пройти врачу, пред-

лагала Калр Семь собрать еще четверых-пятерых из подразделения, чтобы попеть что-нибудь возле моей каюты. Мысль о том, чтобы спеть самой, ее просто устрашала.

— Сэр, сказала Пять. В самом деле Пять, а не кто-то иной, подумала я. Почему вы все еще плачете?

Не в состоянии сдержаться, я всхлипнула:

— Моя нога.

Пять искренне озадачилась.

— Ну почему это должно было случиться со здоровой ногой? А не с той, что все время болит?

Не успела Пять и рта раскрыть, как вошла врач и сказала мне, будто там никого не было — ни Пять, ни Сеиварден:

— Это чтобы помочь вам расслабиться, капитан флота.

Пять отступила в сторону, и доктор прикрепила препарат, который держала в руке, к моей шее сзади.

— Вам нужны отдых *и покой,* — тут она бросила мельком взгляд на Сеиварден, хотя та не слушала и не могла в ближайшем будущем делать ничего особо шумного, — прежде чем вы решите встать и погрузиться в дела. Что, как я знаю, вы сделаете гораздо раньше, чем вам следовало бы. — Она взя-

ла ткань, которую так и держала Пять. Вытерла мне глаза и вернула ее Пять. — Поспите! — велела она и вышла из каюты.

— Я не хочу спать, — сказала я Пять. — Я хочу чаю.

— Есть, сэр, — отозвалась Пять, явно испытав облегчение.

— Определенно, это по-корабельному, заметила Сеиварден.

Я уснула прежде, чем прибыл чай. Проснувшись через несколько часов, обнаружила рядом спящую Сеиварден, которая повернулась на бок, обхватив меня одной рукой и положив голову на мое плечо. Она дышала ровно, вскоре проснется. А Калр Пять вошла с чаем. Опять — в чашке зеленой глазури, с ручкой.

На сей раз я взяла ее.

— Спасибо, Пять, — поблагодарила я. Отпила.

Я чувствовала себя спокойной и легкой — работа доктора, точно.

— Сэр, — сказала Пять, — переводчик Зейат просит встречи с вами. Доктор предпочла бы, чтобы вы отдохнули подольше. — Да и сама Пять, кажется, тоже, но насчет этого она промолчала.

— Нет особого смысла в том, чтобы отказывать переводчику в чем бы то ни было, — заметила

я. — Вы же помните Длайкви. — И как крошечный кораблик переводчика Зейат просто возник подле «Милосердия Калра» за несколько часов до того, как мы ушли в шлюзовое пространство.

— Да, сэр, — согласилась Пять.

Я опустила взгляд на себя — почти обнаженная, не считая впечатляющего набора восстановителей, одеяла и перчаток. Сеиварден по-прежнему наполовину возлежала на мне.

— Однако я бы хотела сначала позавтракать, устроит ли это переводчика?

— Должно устроить, сэр, — ответила Пять.

Как оказалось, переводчик Зейат согласилась подождать, пока я поем, а Сеиварден отправится в свою койку. Пять обтерла меня и придала более представительный вид.

— Капитан флота, — сказала переводчик Прегер, входя в каюту. Пять застыла в дверях с осуждающим видом. — Я — переводчик Прегер Зейат, — поклонилась она. Затем вздохнула. — Я только стала привыкать к последнему капитану флота. Полагаю, я привыкну и к вам. — Она нахмурилась. — Со временем.

— Я по-прежнему капитан флота Брэк, переводчик, — сказала я.

Она перестала хмуриться.

— Полагаю, это легче запомнить. Но это несколько с странно, не так ли? Совершенно ясно, что вы не та же личность. У капитана флота Брэк — предыдущей, я имею в виду, было две ноги. А вы абсолютно уверены, что вы капитан флота Брэк?

— Вполне уверена, переводчик.

— Тогда ладно. Если вы уверены. — Она умолкла, ожидая возможно, что я признаюсь в обратном. Я ничего не сказала. — И так, капитан флота. Я думаю, что лучше, возможно, быть совершенно откровенной в данном вопросе, и я надеюсь, что вы простите мне мою прямоту. Я, разумеется, в курсе того, что вы обладаете оружием, разработанным и изготовленным Прегер. Кажется, это некая тайна? Я на самом деле не уверена.

— Переводчик, — перебила я, прежде чем она успела продолжить, мне любопытно. Вы несколько раз говорили, что не понимаете разницу между разными видами людей, но Прегер продали эти пистолеты гарседдианам специально для применения против радчааи.

— Вы должны выражаться более осторожно, капитан флота, — предостерегла переводчик Зейат. — Вы можете так все запутать. Прошлая капитан флота также была к этому склонна.

Верно, что *они* не понимают. Вообще. Некоторые переводчики, однако, — мы понимаем. Вроде бы. Я признаю, что наше понимание было тогда менее прочным, чем сейчас, поэтому тут вам есть о чем говорить. Но давайте посмотрим, смогу ли я объяснить. Представьте себе… да, представьте, как очень маленькой девочке страшно хочется сделать что-то опасное. Скажем, поджечь город, в котором она живет. Вы можете постоянно находиться настороже, непрестанно удерживать ее от опасного шага. Либо вы можете убедить ее сунуть руку в очень *маленькое* пламя. Она может потерять палец, или два, или даже руку, и это, конечно, окажется довольно больно, но в этом и будет смысл, не так ли? Она никогда не поступит так вновь. На самом деле вы подумаете, что она, наверное, никогда даже не приблизится ни к какому огню после такого. Это казалось идеальным решением и вроде бы работало довольно хорошо, по крайней мере сначала. Но это, выходит, не постоянное решение проблемы. Мы не слишком хорошо понимали тогда людей. Сейчас мы понимаем их лучше или, по крайней мере, так думаем. Только между нами, — она огляделась по сторонам, словно опасаясь быть подслушанной, — люди — очень странные. Ино-

гда я теряю надежду, что мы вообще справимся с этой ситуацией.

— А что за ситуация, переводчик?

Ее глаза округлились от удивления или даже шока.

— О, капитан флота, вы и в самом деле во многом совсем как ваша предшественница! Я действительно думала, что вы следили за развитием мысли. Но это не ваша вина, так ведь? Пет, это и в самом деле ничья вина, просто так все устроено. Подумайте, капитан флота, у пас есть законный интерес в поддержании мира. Если нет договора, нет причины для существования переводчиков, так? И тогда, хоть и весьма тревожно рассматривать этот вопрос слишком прямо, мы на самом деле находимся в довольно близком родстве с людьми. Нет, *мы* не хотим даже намека на возможность угрозы для договора. Теперь: то, что вы *владеете* тем пистолетом, — это одно дело. Но вчера кто-то *применил* тот пистолет. Чтобы стрелять по кораблям людей. Разумеется, *именно для того* он и предназначался, но он был изготовлен до договора, понимаете? И конечно же, мы заключили тот договор с людьми, но, буду с вами совершенно честной, я начинаю испытывать некоторые затруднения, определяя, кто — чело-

век, а кто — нет. И в довершение всего мне стало ясно, что Анаандер Мианнаи могла на самом деле действовать от имени не всех людей, когда заключала тот договор. Что будет совершенно невозможно объяснить *им*, как я уже говорила, и, конечно, никого из нас не заботит особо, что вы делаете между собой, но использовать оружие, изготовленное Прегер, вскоре после того дела с Рррррр? Это выглядит нездорово. Я понимаю, то было двадцать пять лет назад, но вы должны понять, что для *них* — ото словно пять минут. И так же, как не было… повсеместного энтузиазма в отношении договора, сеть… некоторая неопределенность касательно существования и продажи тех пистолетов.

— Я не понимаю, переводчик, — призналась я.

Она тяжко вздохнула.

— Я и не думала, что вы поймете. Тем не менее я должна была попытаться. Вы абсолютно уверены, что у вас здесь нет устриц?

— Я говорила вам это прежде, чем вы поднялись на борт, переводчик.

— Правда? — Она казалась искренне озадаченной. — А я думала, что мне сказал это ваш солдат.

— Переводчик, как вы узнали, что у меня есть

тот пистолет?

Она моргнула, откровенно удивившись.

— Это было очевидно. Прежняя капитан флота Брэк держала его под курткой, когда мы встретились. Я могла… нет, не слышать его. Почуять? Нет, это тоже неверно. Я не… я не думаю, что вы на самом деле способны к такому виду восприятия. Теперь я об этом подумаю.

— И, если можно спросить, переводчик, почему один и одиннадцать сотых метра?

Она нахмурилась, явно озадаченная.

— Капитан флота?

— Эти пистолеты. Пули проходят через все что угодно на один и одиннадцать сотых метра, а затем останавливаются.

Почему один и одиннадцать сотых метра? Это не представляется таким уж практичным расстоянием.

— Что ж, нет, — ответила переводчик Зейат, по-прежнему хмурясь. — Это *не должно было* стать практичным расстоянием. На самом деле расстояние вообще не принималось в расчет. Вы знаете, капитан флота, вы опять делаете то же самое: вы говорите нечто таким образом, что это отправляет вас в совершенно неверном направлении. Нет, пули не разработаны, чтобы проходить

сквозь все что угодно на один и одиннадцать сотых метра. Они разработаны для уничтожения радчаайских кораблей. Именно этого требовали от них покупатели. Один и одиннадцать сотых метра — своего рода… случайный побочный эффект. И по-своему полезный, разумеется. Но когда вы стреляете по радчаайскому кораблю, вы получаете нечто совершенно другое, я вас заверяю. Как мы заверяли гарседдиан, честно, но они не вполне нам поверили. Они могли бы причинить значительно больший ущерб, если бы поверили. Хотя я сомневаюсь, что все в конце концов повернулось бы совсем по-другому.

Вспыхнула надежда, которой я не позволяла себе до сих пор. Если те три корабля, по которым я стреляла, не изменили курса, возможно, остался только один. Один плюс «Меч Атагариса». И «Милосердие Илвеса» у внешних баз, но то, что «Милосердие Илвеса» даже не пытался вмешаться в мою схватку с «Мечом Атагариса», позволяло предположить, что он и его капитан не хотели никаких проблем и могли ухитриться найти причины оставаться возле внешних станций достаточно долго, если смогут. А если этот пистолет был и в самом деле столь специфически эффективен, я могла бы использовать его еще

лучше, более действенно.

— А можно ли мне будет купить у вас еще пуль?

Переводчик Зейат нахмурилась еще сильнее.

— У меня? У меня их нет, капитан флота. Все-таки у *них*? Это — проблема сама по себе. Видите ли, в договоре определено — по настоянию Анаандер Мианнаи, что никакое подобное оружие никогда не будет предоставлено людям.

— Значит, Гек или Рррррр могли бы его купить?

— Полагаю, они могли бы. Хотя не могу себе представить, с чего они *захотели* бы оружие, предназначенное для уничтожения радчаайских кораблей. Если только договор не будет сорван, а тогда, конечно, люди получат куда более срочные проблемы, чем несколько пистолетов, уничтожающих корабли, я вас заверяю.

Что ж, у меня оставалось несколько магазинов. Я по-прежнему жива. При всей невероятности оставался шанс. Крошечный, но, даже если так, он был теперь куда весомее, чем всего лишь несколько минут назад.

— А что, если Атхоек захочет покупать у вас медицинские восстановители?

— Мы могли бы, вероятно, достигнуть некоего

соглашения о восстановителях, — ответила переводчик Зейат. — Думаю, чем скорее, тем лучше. Вы, похоже, используете их так быстро, что это вызывает тревогу.

— Безусловно, нет, — заявила врач через четыре часа, когда я попросила у нес костыли. Если точнее, я попросила их у Калр Пять, и врач оказалась у моей койки через считаные минуты. — У вас действующие восстановители на верхней половине тела и на правой ноге. Вы в состоянии двигать руками, капитан флота, поэтому можете подумать, что могли бы безопасно подняться, но вы ошибаетесь.

— Я не ошибаюсь.

— Все идет прекрасно, — продолжала врач, словно я ничего не говорила. Мы в безопасности в шлюзовом пространстве, и лейтенант Экалу держит все под контролем. Если вы настаиваете на совещаниях, вы можете проводить их здесь. Завтра — возможно — вы сумеете попробовать сделать несколько шагов и посмотреть, как пойдет.

— Дайте мне костыли.

— Нет. — Ей что-то пришло в голову, подскочил уровень адреналина, и увеличился пульс. — Можете меня застрелить, если хотите, но я этого

не сделаю.

Она по-настоящему боялась. Но она знала — я была уверена, — что я не стану в нее стрелять из-за этого. А у врачей имелась большая свобода действий, чем у других офицеров, но крайней мере в медицинских вопросах. Тем не менее.

— Тогда я поползу.

— Нет, не поползете, — сказала врач.

Голос ее был спокоен, но ее сердце по-прежнему колотилось, и она начинала злиться, несмотря на свой страх.

— Увидите.

— Не знаю, почему вы вообще обременяете себя беседой с врачом, — сказала она и вышла, все еще злясь.

Через две минуты Пять появилась в каюте с костылями. Я села, осторожно развернулась, чтобы моя единственная нога свисала с койки, и взяла костыли под мышки. Соскользнула, чтобы моя босая нога оказалась на полу. Перенесла весь вес на ногу и чуть не рухнула на пол, лишь костыли и быстрая поддержка Калр Пять удержали меня в вертикальном положении.

— Сэр, — прошептала Пять, — позвольте мне уложить вас назад в постель. Я надену на вас форму, если хотите, и вы сможете встретиться с

лейтенантами здесь.

— Я сделаю это.

Корабль сказал мне в ухо:

— Нет. Доктор права. Вам нужен еще день, а то и два. А если вы упадете, то сделаете себе только хуже. Сейчас вы даже уползти далеко не сможете.

Это было не похоже на корабль, и я чуть так и не сказала, но поняла, что в моем состоянии — такой злой и расстроенной — подобные слова прозвучали бы не очень хорошо. Вместо этого я повторила:

— Я это сделаю.

Но я не смогла добраться даже до двери.

Глава 10

Мне нужно было встретиться со всеми моими лейтенантами, но сначала я увиделась с одной Тайзэрвэт.

— «Титанит» говорил со мной, — сообщила она, стоя в ногах моей койки. Больше в каюте никого не было, даже Калр Пять и Сеиварден. — То, что он сказал, не слишком меня удивило.

Конечно, нет.

— Вы собирались рассказать мне об этом когда-нибудь, лейтенант?

— Я не знаю! — Страдание. Смущение. Ненависть к себе. — Дело в том, что она… — Тайзэрвэт умолкла, явно расстроенная. — Тиран думала использовать Призрачную систему как базу, размышляла о строительстве там кораблей. Она даже много думала о том, чтобы… конфисковать какие-нибудь процессорные ядра ИИ, чтобы строить на их основе. Просто на всякий случай. В конечном счете она решила, что это слишком рискованно, чтобы сработать. Чересчур легко обнаружить ее на другой стороне и даже, может быть, использовать в своих целях. Но поскольку

это пришло ей в голову, она понимала, что это с той же вероятностью придет в голову и любой другой ее части. А та, прежняя торговля рабами, сэр, она на самом деле предполагала возможности — для того, кто собирался строить корабли, обслуживаемые экипажами из вспомогательных компонентов. Что *она* делать не собиралась, но другая — планировала. Итак, она продолжала соблюдать осторожность. Хотя через некоторое время стало очевидным: остальная ее часть пришла к заключению, что, какой бы удобной она ни казалась, Призрачная система — не лучшее место для строительства кораблей.

— А идея «Титанита» о спрятанных в Подсадье процессорных ядрах ИИ?

— Опять-таки, сэр, это явно удобное место для того, чтобы прятать там что-нибудь. Она искала несколько раз и ничего не нашла. Другая наверняка тоже искала. Подсадье — не слишком хорошее место при наличии зам ичана, но начнем с того, что их там не было. И скажем, в какой-то момент другая действительно там что-то спрятала, как только ичана туда въехали, извлечь их оттуда было уже сложно.

— Тогда почему же она не воспрепятствовала заселению?

— Никто этого не осознавал, пока они там не укоренились. А когда это случилось, насильственное выселение их оттуда создало бы проблемы с обитателями базы — особенно с большинством ксхаи, сэр, — и осложнило бы организацию расселения на базе. В то же время то, что люди там жили, и то, что ее соперница уже проводила поиски несколько раз и ничего не нашла, означает, что Подсадье — очень хорошее место для сокрытия различных вещей. Она не давала понять, что ее заботит то, что там происходит, пока никто не думал проводить там какие-нибудь работы.

Пока администрация базы противодействовала проведению там любых работ.

— Итак, это объясняет поведение ее преосвященства Ифиан. Но что насчет остальных? Администратор базы Селар с энтузиазмом разрешила проведение работ, как только была выявлена их необходимость. Служба безопасности с удовлетворением с ней согласилась. Губернатор Джиарод, казалось, не имела четкой позиции, пока не выступила ее преосвященство Ифиан. Если было так важно не допускать в Подсадье всяких искателей, если там что-то есть, почему на страже стоит только ее преосвященство?

— Что ж, сэр. — Тайзэрвэт звучала чуть огорчен-

ной, я видела, что она ощущает жалящее чувство стыда. — Она не глупа. Ни одна из них. Никто не собирался оставлять такие места, как Подсадье; или Призрачная система, без присмотра. Отсюда — различные маневры и завуалированные конфликты вокруг назначений в системе Атхоек. И все это время она старалась делать вид, что на самом деле ей все равно, что тут происходит. Обе они пытались поставить здесь сильные фигуры, и обе стремились подкопаться под ставленников противной стороны или блокировать их. В результате получилось то, что мы видим. И я сказала бы вам обо всем раньше, но я была уверена она была уверена, — что все это не важно, что здесь ничего нет и маневры вокруг Атхоека носили отвлекающий характер. Что они по-прежнему лишь отвлечение от основного противостояния, которое, как она думает, состоится главным образом во дворцах. Вы здесь потому, что, во-первых, вы бы не согласились отправиться больше никуда. А во-вторых, как я уже говорила вам, она очень на вас злится. Вполне вероятно, что другая будет зла настолько, чтобы отправиться за вами и оставить свои позиции ослабленными где-то еще. Что, с учетом недавних событий, кажется, и происходит. Я уверена, что Омо размышляет над

своим ходом против Тстура прямо сейчас.

— Итак, капитан флота Уэми, вероятно, понеслась в Тстур, получив наше сообщение. И взяла с собой флот Храда. Она не направит нам никакой помощи.

— Это представляется вероятным, сэр. — Она стояла в неловком молчании в нотах моей койки. Желая сказать мне что-то еще и боясь. В конце концов она решилась: — Сэр, мы должны вернуться. А Экалу думает, что нам не следует. Она полагает, что нам надо отправиться в Призрачную систему и высадить вспомогательного компонента «Титанита» и, может быть, переводчика Зейат, а затем вернуться в Омо, исходя из того, что больше следовать некуда, а там власти будут к нам дружественны. Амаат Один с ней согласна. Амаат Один выполняла обязанности лейтенанта, пока Сеиварден находилась в медчасти.

— Мы должны вернуться на Атхоек, — согласилась я. — Но прежде чем мы это сделаем, я хочу узнать, как там обстоят дела. Интересно, что база, кажется, никого не предупреждала о том, что ичана перебираются в Подсадье, пока уже никто и ничего не мог с этим поделать. Я думала, прост потому, что она обиделась. Но если там что-то спрятано, о чем она не может говорить, возмож-

но, причина крылась в чем-то большем.

— Может быть, — сказала задумчиво Тайзэрвэт. — Хотя, честно говоря, эта база действительно склонна к обидчивости.

— Вы можете винить ее в этом?

— Нет, на самом деле, — признала она. — Итак, сэр. О возвращении. Я сделала ей знак продолжать. В Призрачной системе оси старый атхоекский связной ретранслятор, прямо возле входа в шлюз. Они всегда собирались расширяться туда, но из тех планов ничего так и не вышло.

«Интересно, — подумала я, — насколько это — результат вмешательства „Титанита“?»

— «Титанит» говорит, что ретранслятор по-прежнему работает и через него проходят официальные новостные каналы. Если это так, нам следует им воспользоваться, чтобы поговорить с базой. Если я смогу… Мне известны способы доступа к официальным ретрансляторам. Я смогу сделать так, что все, что мы отправим, будет выглядеть как официально санкционированные послания или типовые запросы стандартной информации. Санкционированные послания, идущие из официального, хорошо известного ретранслятора, не вызовут никаких опасений.

— Даже из ретранслятора, который до сих пор

никогда не посылал официальных сообщений на Атхоек?

— Если они обратят внимание, сэр, то наверняка встревожатся. Но для этого кто-то должен *заметить*. База увидит сразу, но для всех остальных оно, вероятно, будет выглядеть как очередное санкционированное входящее сообщение. И не исключено, что она не захочет или будет не в состоянии нам ответить, но мы можем по крайней мере попытаться. Нам, вероятно, удастся что-нибудь извлечь из официальных новостей, что бы то ни было. А это даст нам время закончить ремонтные работы, а вам — прошу вашего снисхождения, сэр, несколько восстановиться, пока мы будем решать, что делать, получив эту информацию. Последнее она выпалила с обеспокоенным видом. Встревожилась при упоминании о моем ранении. При упоминании о решении, которое мне нужно будет принимать, когда, весьма вероятно, мы ничего не *сможем* сделать. — Но, сэр, гражданин Юран… У Юран — хорошая голова на плечах, но… и гражданин Баснаэйд… — Всплеск чувств к гражданину Баснаэйд лишил ее на мгновение дара речи. — Сэр, вы помните, тогда в Омо… — Новая волна страдания и ненависти к себе. *Тогда в Омо* она еще была Анаандер

Мианнаи, и все, что, как ей казалось, я могла помнить, являлось также и воспоминанием Анаандер. Вы помните, как вы сказали: сейчас она не сможет сделать вам ничего хуже того, что уже сделала? Когда вы появились в Омо, вам нечего было терять. Теперь это не так. Я не… Я не думаю, что, когда вы это сказали, оно соответствовало действительности. Но сейчас положение совсем не такое.

— Вы имеете в виду, сказала я, — что тиран наверняка использует Баснаэйд или Юран против меня, если сможет.

Кветер хотела, чтобы я взяла с собой Юран на базу, подальше от чайных плантаций, чтобы она оказалась в безопасности. Теперь Кветер была, вероятно, в большей безопасности, чем Юран.

— Жаль, что они не отправились с нами, — сказала Тайзэрвэт, по-прежнему вытянувшись в струнку, с бесстрастным лицом, отчаянно стараясь держаться спокойно. — Я знаю, что мы спрашивали их и они сказали «нет», но, если бы мы знали больше, мы могли бы заставить их уехать. А тогда можно было бы просто убраться отсюда и не возвращаться.

— Бросить всех? — спросила я. — Наших соседей в Подсадье? Полевых работников на планете?

Ваших друзей? — Тайзэрвэт завела довольно много друзей, некоторых — только по политическим причинам, но не всех. — Гражданина Пайэт? Даже обидчивую базу?

Вздрогнув, она втянула в себя воздух и воскликнула:

— И как только такое может быть? Какая в этом может крыться польза? Она говорит сама себе, что все — в конечном счете — на пользу человечеству, что у каждого — свое место, своя роль в плане и просто иногда некоторым личностям приходится страдать ради великой пользы. Но ведь так легко говорить себе подобное, когда речь всегда о ком-то другом. Почему это должны быть *мы*?

Я не ответила. Это был старый вопрос, и она знала все традиционные ответы на него, так же как и я.

— Нет, — сказала она после тридцати двух секунд напряженного и неловкого молчания. — Нет, мы не можем уйти, так ведь?

— Нет. Не можем.

— При том, через что вы прошли, — сказала она, — ведь вам досталось куда больше, чем мне. И именно я хочу удрать.

— Я думала об этом, — призналась я.

— Да? — Казалось, она сомневалась в своих ощущениях: это была странная смесь облегчения и разочарования.

— Да. — И с Баснаэйд и Юран на борту я могла бы это сделать. — Итак, — сказала я, — продумайте, что именно вам необходимо, чтобы осуществить ваш проект с ретранслятором.

— Уже готово, сэр. — Ненависть к самой себе. Гордость. Страх. Волнение. — Мне ничего особенного не нужно. Я могу сделать это прямо отсюда. Если я сумею. Хотя мне понадобится помощь корабля. Если бы у меня все еще были… Я имею в виду — корабль может мне помочь.

Если бы у нее по-прежнему были имплантаты, которые я удалила, те, что превратили ее в часть Анаандер Мианнаи, вот что она имела в виду.

— Хорошо. Тогда я хочу, чтобы вы, Экалу и Амаат Один встретились со мной здесь через пятнадцать минут, и вы можете представить свой план им. А потом, — обратилась я в большей степени к кораблю и врачу, чем к Тайзэрвэт, — я возвращаюсь в свою каюту. На костылях, ползком, или меня отнесут Калр несущественно.

«Титанит» находился в моей каюте, он вглядывался в осколки того прекрасного, из стекла с золотом, чайного сервиза, разложенные на

поверхности стойки. На сей раз мне удалось воспользоваться костылями и проделать этот путь по крайней мере частично своими силами, хотя без Калр Пять и Двенадцать я бы не добралась. Когда мы вошли, «Титанит» поднял взгляд. Кивнул Калр Пять и сказал мне:

— Кузина.

— Кузен, — ответила я и с помощью Пять умудрилась добраться до скамьи. — Как это выглядит? — спросила я, пока Пять обкладывала меня подушками. — Чайный сервиз, я имею в виду. Пока ты не выдал чего-нибудь язвительного.

— Ну вот, испортила мне все веселье, кузина, — сказал мягко «Титанит», не отрывая взгляда от осколков разноцветного стекла на стойке. — Я вовсе не уверен, что из этого можно на самом деле снова сделать нечто стоящее. — Он чуть подвинулся, когда Пять подошла к полке, чтобы дать ей доступ к чайным принадлежностям.

— Мне жаль, — сказала я и откинулась на подушки, которые разложила Пять.

— Что ж, — ответил «Титанит», по-прежнему не смотря на меня, — это лишь чайный сервиз. Я продал его, и я знал, что капитан Хетнис глупа. В противном случае она не пошла бы на сделку со мной.

Он и Пять, стоявшие рядом перед стойкой, как это ни странно, были, похоже, дружелюбно настроены друг к другу. Он смел осколки назад в коробку, закрыл ее и поставил на стойку Взял две розовые чашки с чаем у Пять, подошел к скамье и сел рядом со мной.

— Тебе, кузина, надо быть осторожнее. У тебя заканчиваются фрагменты, которые можно потерять.

— И ты сказал, что я испортила тебе веселье. — Я взяла одну из чашек с чаем. Отпила из нее.

— На самом деле мне не слишком-то весело, — сказал «Титанит» довольно уравновешенно, но, конечно, он был вспомогательным компонентом. — Мне не нравится ощущать себя отрезанным от себя же таким образом.

Информация могла проходить только через обычные межсистемные шлюзы, потому что их держали постоянно открытыми. Мы были изолированы в нашем собственном крошечном пузыре реального космоса, и он не мог контактировать с остальной частью себя, кораблем, который скрывался в Призрачной системе.

— Но, как это ни неприятно, я знаю, что остальная часть меня — где-то там.

— Да, — согласилась я и отпила еще глоток

чаю. — Как идет твоя игра с переводчиком?

«Титанит» и переводчик Зейат провели последние два дня в кают-компании подразделения, играя в шашки. Или по крайней мере, это начиналось как стандартная игра в шапки. К настоящему времени в ней были задействованы также печенья в форме рыбок, фрагменты двух пустых яичных скорлупок и чашка чая, заваренного вчера, куда они время от времени опускали стеклянную шашку. Очевидно, они додумывали правила прямо по ходу игры.

— Игра идет довольно хорошо, — ответил «Титанит» и отпил немного чая. — Она — на два яйца впереди меня, но у меня — гораздо больше сердец. — Еще глоток чая. — В игре, я имею в виду. Вне рамок игры у меня их тоже больше. Возможно. Сейчас, подумав об этом, я не уверен, что мне хотелось бы размышлять о внутренностях переводчика. Или о том, что может оказаться в ее багаже.

— Да и мне тоже.

Пять закончила то, чем занималась на стойке, и вышла из каюты. Я могла бы связаться с кораблем, чтобы узнать, по какому делу она отправилась, но не стала.

А сколько информации проходит через

Призрачный шлюз?

— Довольно много, — ответил «Титанит». — Я получаю, разумеется, официальные передачи. Извещения. Цензурированные новости и все популярные развлекательные программы. Больше всего люблю исторические картины о странствующих, обезумевших от горя кораблях. — Сарказм, конечно, хотя в голосе «Титанита» это не отразилось.

— Тогда не упусти самую свежую, — сказала я. — Об обезумевшем от горя корабле, который похищает пилота обычного рудовоза, потому что принимает ее за своего давно умершего капитана. Полно приключений и веселых, но трогательных недоразумений.

— Вот эту я бы хотел пропустить, ровно ответил «Титанит».

— А в ней были хорошие песни.

— Ну конечно, что еще от тебя услышишь? Ты когда-нибудь слышала песню, которая тебе *не* понравилась бы?

— Как ни странно, да.

— Во имя всего святого, не пой ее, — сказал «Титанит». — В моей жизни и так довольно несчастий.

Мы посидели несколько секунд в тишине. За-

тем я сказала:

— Итак, те люди, которых ты купил у капитана Хетнис. И те, которых покупал у работорговцев до аннексии Атхоека. Все они подключены?

«Титанит» допил свой чай.

— Я знаю, к чему ты клонишь, кузина. — Я промолчала, и он продолжил: — И я знаю, откуда ты появилась. И быть может, ты вполне уживаешься со своим кораблем, но у меня нет желания присоединяться пи к кому из вас. Я купил зги тела потому, что нуждался в них.

— А для чего именно? Чем это ты занимался три тысячи лет, что тебе нужны вспомогательные компоненты?

— Выживанием, — ответил «Титанит». Он поставил чашку на скамью возле себя. Парадоксально, что именно ты поднимаешь из-за этого шум. До войны я получал главным образом осужденных преступников. А вот твое существование целиком и полностью зависело от огромного числа случайных людей, которых поставляла Узурпатор. Сколько у тебя перебывало вспомогательных компонентов, когда ты оставалась кораблем? И сколько из них получились из невинных людей? А теперь ты хочешь, чтобы я отказался от нескольких своих, так, что ли? — Я

не ответила. — У меня даже экипажа больше нет. Даже таких *мнимых* вспомогательных компонентов, как у «Милосердия Калра».

Я не поднимаю шум, — заметила я. — Я спрашиваю. А в твоих отсеках — граждане.

— Нет. Граждане живут в Радче. А псе, что снаружи Радча, — они нечистые и по большей части почти не люди. Можно сколько угодно называть себя радчааи и носить перчатки, будто главное — не прикасаться к нечистым вещам, но это ничего не меняет. Вы — не граждане, вы нечисты по определению, и ни один чиновник не подпустит вас к Радчу на десять тысяч километров, сколько бы вы ни мылись и сколько бы ни постились.

— Ну конечно, — ответила я здраво. — Я же вспомогательный компонент.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Мы вскоре выйдем из шлюзового пространства в твоей системе. — Призрачная система была для «Титанита» чем-то вроде дома последние несколько тысяч лет. — Надеюсь, что ты поделишься с нами информацией о том, что происходит на Атхоеке. Мы можем также отправить тебя назад, к самому себе, если захочешь.

Тишина. Я знала, что «Титанит» дышит, я едва могла это разглядеть, но в остальном он был аб-

солютно неподвижен. Затем он сказал:

— Мое возвращение не планировалось.

— Я так и предполагала.

Пять вернулась в каюту, подошла к нам. Поправила мои подушки, взяла наши чашки.

— Я хочу выяснить, удалось ли мне повредить какие-нибудь из кораблей Анаандер. И если так, я хочу попытаться причинить еще больший ущерб. Мне нужно знать, что происходит на Атхоеке, чтобы все спланировать.

— О, кузина, — ответил «Титанит», — мы сидим тут, спорим, не можем найти общего языка, а затем ты просто проникаешь мне в душу. Мы *должны* быть семьей.

Мы вышли в Призрачную систему, не вполне черную тьму шлюзового пространства сменил солнечный свет (единственная звезда Призрачной системы была немного меньше, тусклее и моложе, чем солнце Атхоека), лед, скалы и одинокий сигнальный маяк шлюза. Я сидела на своей койке, в своей каюте. Я могла бы занять место в командной рубке, но сейчас была вахта Экалу, и, кроме того, врач на самом деле очень волновалась из-за того, что я покинула медчасть. Если ее хотя бы отчасти успокаивало, что я оставалась в своей каюте, вместо того чтобы попробовать

дотащиться до командной рубки, то так мне и надо было поступить.

Пока Тайзэрвэт не сделает то, что она планировала, через ретранслятор этого шлюза будут идти только официальные передачи. Тем не менее даже они могли оказаться полезными. Я вышла на связь через корабль.

Я предполагала, что придется разбираться в потоках несущественного трепа, чтобы найти то, что хотела. Но на самом деле по всем официальным новостным каналам беспрестанно говорилось только обо мне. Я — мятежная предательница, отнюдь не гражданин, даже не человек. Я — «Справедливость Торена», поврежденная, безумная. Коварная, вводящая в заблуждение, я сбила с толку высших чиновников администрации системы и базы. Что я сделала с остальной частью самой себя? Как склонила к преступной деятельности «Милосердие Калра»? Но все это лишь досужие рассуждения. Я и «Милосердие Калра» чрезвычайно опасны, и о любых наших появлениях какими бы сомнительными или неопределенными они ни казались — следовало сообщать незамедлительно. Любой, кто скрывал информацию или прятал меня, объявлялся врагом Радча. Самого человечества.

— Ты только посмотри, кузина, — сказал наконец «Титанит» в своей гостевой каюте. — Это продолжается уже целых два дня, и я так завидую, просто сил нет. Это просто нечестно. Я был врагом Узурпатора три тысячи лет, а ты — всего лишь выскочка, но три новостных канала посвящены исключительно тебе. А музыкальные и развлекательные каналы прерывают передачи каждые пять минут, чтобы напомнить всем об идущем шоу «Справедливость Торена». Могу лишь сделать вывод: твой трюк причинил реальный ущерб, — и беру назад свои слова насчет того, что это было глупо.

Я слушала это вполуха, разбираясь в сообщениях в поисках другой информации. Глава службы безопасности Лузулун ушла в отставку, и ее сменила заместитель. Ее преосвященство Ифиан всегда относилась ко мне с подозрением *и* пыталась удержать Атхоек в лоне здравых радчаайских ценностей, хотя и не назвала имен чиновников, которых заподозрила в том, что они поддались мне. Официальная позиция, казалось, заключалась в том, что все, кто поддержал меня, были введены в заблуждение либо ими манипулировали. Неформально, конечно, я могла сделать вывод, что моим прежним союзникам

по меньшей мере грозит утрата положения или влияния. Ни Баснаэйд, ни Юран не упоминались.

Я не ожидала услышать подробных описаний своей атаки на корабли Анаандер, не говоря уже о том ущербе, который могла причинить. Но возможно, будет хоть какой-то намек, что-то в подтексте. С другой стороны, вероятно, «Титанит» был прав сам по себе этот поток официальных сообщений и его интенсивность, похоже, говорили кое-что о той угрозе, что я собой представляю.

Лейтенант Экалу в рубке еще не дала экипажу команды отбой. Она изучала изображение системы, которое показывал ей корабль.

«Титанит», — сказал «Милосердие Калра» в представшую взглядам пустоту, — где ты?

Неподалеку, — ответил вспомогательный компонент «Титанита» из гостевой каюты. — Подержи пока сегмента. — А затем добавил: — В любом случае здесь приятнее.

Экалу сказала из командной рубки:

— Мы — в Призрачной системе. Лейтенант Тайзэрвэт, можете приступать.

— Благодарю, лейтенант, — отозвалась та из своей каюты.

Дверь моей каюты открылась, и вошла Сеиварден. В форме.

— Разве вам не следует находиться в медчасти? — спросила я.

— Меня выпустили из медчасти, — ответила она самодовольно. Села рядом со мной на койку. Оглядела крошечную каюту, бросила взгляд на дверь и, уверившись в том, что Калр Пять нет поблизости, подтянула ногу в ботинке, чтобы сесть, скрестив ноги. — Три минуты назад. И я — не на препаратах. Я сказал врачу, что больше в них не нуждаюсь.

— Ты пойми, — я следила отчасти за Тайзэрвэт, которая сидела, скрестив ноги, на своей койке с закрытыми глазами и устанавливала через корабль соединение с ретранслятором, — именно препараты вызывают ощущение, что тебе нет больше в них нужды.

В каюту Тайзэрвэт вошла Во Девять, тихо мурлыча: «О дерево, съешь рыбку».

Рядом со мной на моей койке Сеиварден быстро придвинулась. Потянула слегка за рукав куртки, будто поправив. Прильнула ко мне.

— Ты и доктор. Я уже знаю. Я уже делал это прежде, помнишь?

— И с успехом.

Мое плечо ощущало тепло плеча Сеиварден. Личный состав подразделений — во всяком

случае, те солдаты, что не находились в командной рубке, только начинали прислушиваться к официальным выпускам новостей и смотреть их. Меня окатывали их злость и негодование, к которым примешивался стыд, — в конце концов, они были радчааи. И власти Радча обвиняли их в предательстве.

Забывшись, Сеиварден издала «ха!», ее это явно забавляло.

— На сей раз все прошло не так плохо. Прежде всего, я продержался гораздо дольше. И я так и не принимал кефа. Ну ладно, я хотел. Но я не принял. — Я не стала напоминать, что, как бы ей ни хотелось, она не смогла бы этого сделать. — Я говорил об этом с врачом. — Она легла чуть ниже и положила голову на мое плечо. — Я не хочу менять одну зависимость на другую. И я довольно хорошо справился. — Несмотря на ее небрежный тон, она с опаской ожидала моей реакции.

— Корабль, — сказала я, — я понимаю, что ты делаешь. Но боюсь, лейтенант Сеиварден хочет от меня того, что я не могу ей дать.

Сеиварден вздохнула. Приподняла голову над моим плечом, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Мы с лейтенантом говорили об этом, — сказала она за корабль. — Вы правы, она хочет того,

что вы не можете ей дать. Но на самом деле любому, кто вступает с вами в какие бы то ни было отношения, придется отчасти корректировать свои ожидания. В конце фразы Сеиварден слегка хмыкнула. Снова опустила голову на мое плечо. — Мы с кораблем говорили об этом.

— Когда вы сидели на препаратах и все казалось прекрасным?

— Главным образом до этого, ответила она поразительно спокойно. — Послушайте, я в любом случае не получу того, чего мне хочется. Побыть может, мне достанется хоть чуть-чуть, вот так. — Она смущенно заколебалась, а затем продолжила: — Может, между вами и кораблем и мне осталось чуток. Кораблю я нравлюсь, верно? Он так сказал. И вы говорите главным образом о сексе. А ведь я могу получить его в других местах, сам по себе.

Экалу в командной рубке. Настороженная. Такая же разозленная и пристыженная официальными новостями, как и остальная команда. О Сеиварден она сейчас не думает, я в этом уверена.

Сеиварден вздохнула.

— Опять-таки я с этим не слишком хорошо справился, так ведь. — Очевидно, думает об Эка-

лу. — Не знаю, что я сделал не так. Я по-прежнему не понимаю, почему она так расстроилась.

Она сказала вам, почему она расстроилась, — указала я. — И вы все еще не понимаете?

Сеиварден села прямо. Встала. Прошла в другой конец каюты и назад.

— Нет. — Встала, уставившись на меня. Немного взволнованная, но такой она не была уже давно.

— Сеиварден. — Я хотела, чтобы она снова села и прислонилась своим плечом к моему. Знаете, что происходит, когда люди говорят мне, что я не кажусь им похожей на вспомогательный компонент?

Она моргнула. Дыхание ее несколько участилось.

— Вы злитесь. — А затем, слегка хмыкнув, добавила: — Ну, становитесь злее.

— Вы никогда не говорили мне этого, хотя, я уверена, думали так.

Она открыла рот, чтобы возразить.

— Нет, послушайте. Вы не знали, что я вспомогательный компонент, когда я нашла вас на Нильте. Вы предполагали, что я — человек. С вашей стороны на самом деле было бы совершенно здравым сказать, что я не кажусь вам вспомога-

тельным компонентом или что вы не видите во мне вспомогательный компонент. И вы могли бы даже воспринять это как комплимент. Но вы никогда не говорили мне этого. И думаю, никогда не скажете.

— Не скажу, — подтвердила Сеиварден, озадаченная и уязвленная, глядя на меня, сидящую на койке. — Я знаю, что это вас разозлило бы.

— Вы понимаете почему?

Она махнула рукой.

— Нет. Честно, нет, Брэк, не понимаю.

— Тогда почему бы вам тогда, — спросила я, лишь отчасти удивляясь, что она не разобралась сама, — не оказать такую же любезность Экалу?

— Но это не было *разумно*.

— А я, наоборот, — сказала я ровным, но напряженным тоном, — всегда совершенно разумна, насколько вы знаете.

Сеиварден рассмеялась.

— Ну, но вы… — Она остановилась. Замерла. До нее внезапно дошло, я это увидела.

— В этом нет ничего нового, — сказала я. Хотя не думаю, что она меня слышала. Кровь прилила к ее лицу, ей хотелось удрать куда-нибудь, но, конечно же, ей некуда было деться от самой себя. — Вы всегда ожидали от любого, кто ниже вас,

заботливого отношения к вашим чувствам. Вы даже сейчас надеетесь, что я скажу что-нибудь эдакое, чтобы вы почувствовали себя лучше. Вы изрядно разозлились на Экалу, когда у нее это не вышло. — Молчание в ответ. Только неглубокие, очень аккуратные вдохи, словно она боялась, что глубокий вдох принесет ей боль. — Вы действительно стали лучше, но по-прежнему можете проявлять себя как чудовищно эгоистичное ничтожество.

— Я справлюсь, — сказала она, словно это логически следовало из того, что я только что сказала. — Мне нужно пойти в спортзал.

— Ладно, — ответила я, и, не говоря больше ни слова, она повернулась и вышла.

Глава 11

Через час я вернулась с одобренной врачом прогулки по коридору и обнаружила в своей каюте Сеиварден с еще мокрыми после душа волосами, которая рылась в буфете с чайными принадлежностями. Сопровождавшая меня Калр Пять, увидев Сеиварден, сначала обиделась и вознегодовала, но затем передумала.

— Лейтенант, — сказала Пять, приглядывая за тем, как я устраивалась на своей койке, — они там, сзади.

Сеиварден раздраженно хмыкнула. Вытащила мой старый чайный термос и две чашки, одну из них — щербатую. Стала готовить чай, в то время как Пять возилась с подушками, обкладывая ими меня; тщательно разложив их, она вышла.

Наконец Сеиварден принесла две чашки чая и села рядом со мной на койку.

— Знаешь, — сказала она после первого глотка, — в этом термосе заваривается не так, как надо.

— Он — не из Радча, — заметила я. — Он сделан для другого вида чая.

Я видела, что она отсчитывает свои тщательно размеренные вдохи. Чуть помолчав, она сказала:

— Брэк, ты когда-нибудь жалела, что не оставила меня там, где нашла?

— Никогда, — ответила я довольно искренне.

А затем, сделав несколько вдохов, она спросила:

— А Экалу похожа на лейтенанта Оун?

На мгновение я задумалась, откуда возник этот вопрос. А затем вспомнила, как Сеиварден лежала на койке в медчасти, прижавшись ко мне, когда я сказала «Милосердию Калра», что могла бы просто безумно полюбить Экалу, будь я по-прежнему кораблем.

— На самом деле нет. Но будь оно так, это было бы важно?

— Думаю, нет.

Мы лили чай молча, а затем Сеиварден сказала:

— Я уже извинился перед Экалу. И я не могу просто прийти к ней сейчас и сказать: «Тогда я просто говорил то, что предложил мне корабль, но теперь я действительно думаю именно так».

Я не ответила. Сеиварден вздохнула.

— Я просто хотел, чтобы она перестала на меня злиться.

Снова тишина. Она прильнула ко мне, опять — плечом к плечу.

— Я по-прежнему хочу кефа. Но одна мысль об этом вызывает боль в желудке. — Ей было нехорошо уже от одного упоминания о нем, я видела. — Врач сказала мне, что так будет. Мне казалось, что мне все равно. Я думал, что ничто такое не имеет значения, потому что, даже если бы я его принял, ничего хорошего мне это не сулило бы. Нет, это неправильно. Я опять себя жалею, да?

Я чуть было не сказала: «Я привыкла». Но промолчала.

Несколько минут Сеиварден сидела возле меня, молча, попивая чай размеренными глотками. По-прежнему жалея себя, но теперь — уже не так сильно и словно пытаясь сосредоточиться на чем-то другом. В конце концов она сказала:

— Наша Тайзэрвэт внезапно проявила целый ряд неожиданных способностей.

— Неужели? — спросила я ровным голосом.

— Она знает, как сделать так, чтобы сообщение выглядело официальным, верно? Она может получить доступ к официальному ретранслятору? Она говорила с базой и думает, что та выдаст ей секретную информацию? И тебя, похоже, все

это отнюдь не удивляет. — Она отпила глоток чая. — Конечно, тебя трудно удивить. Но все же.

Я промолчала.

— Корабль мне тоже не ответит. Врача я и спрашивать не стану. Припоминаю: когда Тайзэрвэт только появилась, как тебя это злило, что она — на борту. Значит, она была потопом? А врач… что-то сделала, чтобы она работала на нас, а не на Анаандер? — Она имела в виду перевоспитание, но не могла заставить себя произнести это вслух. — Что же еще может наша Тайзэрвэт?

— Помнишь, я сказала тебе, что она тебя удивит.

В каюте Тайзэрвэт Бо Девять ставила на стол термос с чаем и чашку, чтобы лейтенант могла до них дотянуться. И чувствовала себя неловко. Все Бо стали приходить к тому же заключению, что и Сеиварден.

В моей каюте, на моей койке, по-прежнему дружески прижимаясь плечом к моему, Сеиварден сказала:

— Ты это говорила. А я тебе не поверил. Ну, теперь-то я уже понял.

Тайзэрвэт на своей койке, в своей каюте сказала:

— Хорошо, думаю, дело сделано. — Открыла

глаза. Увидела стоявшую перед собой Бо Девять.

— Сэр, думаете с гражданином Юран все в порядке? А с садоводом Баснаэйд?

— Надеюсь, — ответила Тайзэрвэт, которая сама волновалась. — Я стараюсь это выяснить.

— В новостях ничего не говорилось о той очереди на главной площади, — заметила Девять. — Если бы я там стояла, то отправилась бы домой и спряталась, как только это началось. — Она имела в виду постоянное осуждение меня по официальным новостным каналам, которые мы получали через ретранслятор.

— Не у всех из них есть дома, чтобы спрятаться, правда? — ответила Тайзэрвэт. И это не совсем дома. В том-то все дело. И об этой очереди никогда не упоминали и официальных новостях, верно? Но я надеюсь, что с ними все в порядке. Я спросила об этом базу среди прочего.

Ома тут же пожалела о том, что сказала, потому что это вызывало дальнейшие вопросы: почему она могла делать то, что делала, и почему база могла ей о чем-то рассказать. Но у нее не оказалось времени подумать о последствиях того, что она говорит, потому что как раз в это мгновение официальные новостные каналы изменились.

Неожиданно по каждому официальному ка-

налу стали показывать кабинет губернатора системы Джиарод изнутри. Несомненно, он был довольно хорошо знаком всем на базе Атхоек обычное зрелище по официальным каналам. Но такие показы всегда тщательно инсценировались и планировались. Высокая и широкоплечая, губернатор Джиарод всегда излучала спокойную уверенность в том, что все находится под ее эффективным контролем. Здесь же она выглядела измученной *и* напряженной. Рядом с ней стояла дородная и красивая администратор базы Селар; пониже ростом, стройная — ее преосвященство Ифиан, верховный священник Амаата, и новая глава службы безопасности, которую я не знала, но лейтенант Тайзэрвэт — знала наверняка. Все четверо стояли лицом к лицу с Анаандер Мианнаи. Очень молодой Анаандер, лет двадцати от силы, судя по виду.

Анаандер с лицом почти лишенным всякого выражения стояла перед зелено-кремовыми шелковыми портьерами, окно на главную площадь было закрыто.

Почему, — спросила она угрожающе ровным голосом, — на главной площади очередь? — Звук был не сглажен и не очищен, кадр — не выстроен. Судя по всему, шла прямая трансляция с камеры

наблюдения.

— Прошу великодушнейшего снисхождения моего лорда, — сказала администратор Селар после воцарившейся в кабинете ледяной тишины, когда никто даже не шелохнулся, — они протестуют против перенаселенности на базе в последние несколько недель.

— А вы, администратор базы, — спросила холодно Анаандер, — не в состоянии справиться с этой проблемой?

— Мой лорд, — ответила администратор базы Селар, голос которой едва заметно дрогнул, — никакой очереди не было бы, если бы мне *позволили* заняться этой проблемой.

Теперь заговорила ее преосвященство Ифиан:

— Прошу у моего лорда милостивейшего и великодушного снисхождения, но администратор базы хотела… справиться с этой проблемой путем поспешного ремонта Подсадья. Несмотря, мой лорд, на неоднократные и настойчивые указания других официальных лиц на необходимость более тщательного рассмотрения ситуации. Было бы гораздо разумнее отправить прежних обитателей Подсадья вниз, на планету, пока вопрос ремонта не проработали более тщательно. Но я полагаю, что на администратора базы оказывал

давление капи… вспомогательный компонент.

Тишина.

— Почему, — голос Анаандер Мианнаи был по-прежнему ровным, но звучал резче, — этот вспомогательный компонент заинтересовался Подсадьем?

— Мой лорд, — сказала администратор базы Селар, — примерно неделю назад Сады обрушились в Подсадье. Людей, которые там жили, нужно было где-то разместить, пока Подсадье ремонтировалось.

Тайзэрвэт смотрела и слушала это, по-прежнему сидя на своей койке, скрестив ноги, а Бо Девять все так же стояла перед ней. Резко выдохнув, она воскликнула:

— О чем же еще они ей не сказали?

Даже сейчас они не говорили Анаандер всего. Ремонтные работы в Подсадье начались задолго до того, как осело озеро, но моему весьма настойчивому требованию. Я ожидала, что ее преосвященство Ифиан скажет об этом, но она промолчала.

Анаандер восприняла сообщение об обрушении Садов, почти не изменив выражения лица. Ничего не сказала. Возможно ободренная этим, администратор базы Селар продолжила:

— Мой лорд, отправка жителей вниз без предварительного обсуждения с ними наверняка привела бы к волнениям среди обитателей базы в то время, когда мы не можем себе этого позволить. Я, мой лорд, недоумеваю, пытаясь понять, почему ее преосвященство Ифиан — или губернатор системы, если на то вошло, — сочли верным, когда в их проведении была столь срочная потребность, противодействовать ремонтным работам, которые позволили бы справиться с этой проблемой гораздо проще. Похоже, она хотела сказать что-то еще, более резкое, но воздержалась. Проглотила эти слова, какими бы они ни были.

Тишина. Затем Анаандер Мианнаи сказала:

— Как вы, администратор базы, указали, мы не можем позволить себе волнений. Служба безопасности, уведомите протестующих на главной площади, что, если они останутся стоять в очереди еще три минуты, их перестреляют. «Меч Гурата».

Откуда-то со стороны, вне кадра, ответил голос вспомогательного компонента:

— Мой лорд.

Сопроводи службу безопасности. По истечении трех минут застрели любого, кто останется в очереди.

— Мой лорд! — ответила новая глава службы безопасности. — С величайшим почтением и уважением прошу вашего милостивейшего и великодушного снисхождения, но я прошу моего лорда обратить внимание на то, что, если угрожать расстрелом гражданам, которые мирно стоят в очереди, это наверняка *вызовет*, волнения. Граждане в очереди не причинили никаких осложнений, мой лорд.

— Если это законопослушные граждане, они разойдутся по домам, когда им прикажут, — холодно сказала Анаандер. — И когда они так поступят, все окажутся в еще большей безопасности.

В моей каюте на борту «Милосердия Калра» Сеиварден, все еще прижимаясь плечом к моему плечу, с чашкой остывающего чая в руке сказала:

— Что ж, это оказывается действенным при аннексиях.

— После длительного кровопролития, — указала я.

В кабинете губернатора системы на базе Атхоек к Анаандер Мианнаи сказала:

— Вы отказываетесь выполнять мой приказ очистить главную площадь, служба безопасно-

сти?

— Я… да. Вдох. — Да, мой лорд. — Словно она не была в этом уверена до самого последнего мгновения.

— «Меч Гурата» — , — сказала Анаандер и протянула руку в черной перчатке.

В кадре появился вспомогательный компонент «Меча Гурата» и дал Анаандер свой пистолет.

На «Милосердии Калра» Тайзэрвэт вскочила со своей койки.

— Нет! Но ее протест был бесполезен. Все это уже произошло.

— Черт! — воскликнула Сеиварден, все так же рядом со мной, на моей койке, с чашкой чая в руке. — Служба безопасности — не военные!

А в это время на базе Атхоек, в кабинете губернатора системы Джиарод, Анаандер подняла пистолет и выстрелила в упор, прежде чем новая глава службы безопасности успела открыть рот, чтобы возразить или отказаться от своих слов. Глава службы упала на пол, и Мианнаи выстрелила еще раз.

— Нас атакуют изнутри, — сказала Анаандер в наступившей тишине, пропитанной ужасом. — *Я не позволю* своему врагу уничтожить то, что я выстроила. «Меч Гурата», доведи мой приказ до

людей, стоящих в очереди на главной площади. Не думаю, что они встревожатся, получив приказ от вспомогательного компонента.

— Мой лорд, — ответил «Меч Гурата», стоя навытяжку, не шелохнувшись, как вспомогательный компонент, и не тронулся с места. Разумеется. Ему не нужно было выходить из помещения, чтобы выполнить приказ Анаандер, а требовалось просто послать другой сегмент. А затем, прежде чем Мианнаи успела заговорить, вспомогательный компонент сказал: — Мой лорд, последние несколько минут этого разговора транслируются но официальным новостным каналам.

На «Милосердии Калра» Тайзэрвэт, которую неловко обнимала Во Девять, воскликнула сквозь слезы:

— О база! — А затем: — Капитан флота, сэр!

— Я смотрю, — откликнулась я.

На базе Атхоек Анаандер резко сказала:

— База!

— Я не могу прекратить это, мой лорд, ответила база Атхоек из пульта. — Я не знаю, что делать.

— Кто с ним прибыл? — спросила Анаандер резко и зло.

На лицах губернатора Джиарод, администратора базы Селар и ее преосвященства Ифиан не

отразилось даже замешательства. Все они, я была в этом уверена, все еще пытались осознать произошедшее: внезапные выстрелы, прозвучавшие несколько мгновений назад, и неподвижное тело главы службы безопасности на полу.

– *Кто прибыл с тем вспомогательным компонентом*?

Губернатор Джиарод сказала:

— Н… никого особенного, мой лорд. Ее… его лейтенанты. — Она поколебалась. — Только одна из них прибыла на базу. Лейтенант Тайзэрвэт.

— Имя ее клана, — потребовала Анаандер.

— Я… не уверена, мой лорд, — ответила губернатор Джиарод.

Администратор Селар наверняка знала, из какой семьи Тайзэрвэт, — лейтенант и ее дочь Пайэт были хорошими подругами, но я заметила, что она не озвучила это по своей воле. База — тоже. Но это ничего не меняло.

Анаандер поразмыслила над наступившей тишиной, а затем резко скомандовала:

— Корабль, за мной. — И вышла из кабинета.

— Она пойдет в отсек центрального доступа базы, — сказала Тайзэрвэт.

Без нужды. Конечно, она пойдет. «*Почему,* — сказал голос Анаандер Мианнаи по официальным

новостным: каналам, — *на главной площади очередь*?» Запись, сделанная базой, повторялась.

Не было никакого смысла вставать с койки. Я ничего не могла изменить.

— О черт! — сказала Сеиварден рядом со мной. — *О черт*! Что же это база, по ее мнению, делает? — Это не был ответ на нашу или Тайз-эрвэт — просьбу. Наши послания еще не могли достичь базы Атхоек.

— Защищает своих обитателей, ответила я. — Как может. Дает им понять, что Анаандер представляет собой угрозу. Помни: это та же база, которая отключила свою силу тяжести, когда ее жители оказались в опасности.

Вероятно, это лучшее, что могла сделать база в сложившихся обстоятельствах. Само собой, она вряд ли помешает «Мечу Гурата» расстреливать граждан, но, возможно, база полагала, что даже Анаандер Мианнаи может не решиться на это, если все будут видеть. А увидят все — те официальные новости передавались не только на все приемники в системе Атхоек, но в каждый шлюзовый ретранслятор. Система Храд вот-вот или несколько позже получит эту запись. Ее показывали по всем официально одобренным новостным каналам, доступ к которым мог иметь

любой гражданин. Более того, гражданина к этому побуждали и подчас он просто не мог их избежать.

— Но, возразила Сеиварден, — лорд Радча просто пойдет в отсек центрального доступа и остановит это. — А затем, осознав что-то, добавила: — Значит, у лорда Радча нет при себе той штуковины, которая вырубает всю связь. Иначе она бы ее применила. Что она станет делать теперь?

«Как она поступит, — подумала я, — когда обнаружит, что не может добраться до базы? Или более точно — что она уже сделала?»

— Сэр, — сказала Тайзэрвэт из своей каюты. Голос ее дрожал. — Вы заметили, никто, казалось, не хотел говорить ни о Подсадье, ни об озере. Они не рассказали ей всего, даже ее преосвященство Ифиан. Я не знаю, в чем там дело, ведь можно было полагать, что Ифиан расскажет ей все, что может. Может, она не знает о Баснаэйд или о Юран.

Ее преосвященство Ифиан наверняка знала о Баснаэйд и Юран. Лейтенант Тайзэрвэт имела в виду Анаандер Мианнаи.

— И вы заметили, как она молода? И… все это. Все это. Думаю, здесь она — в единственном

экземпляре, сэр, или наверняка этот — самый старший. И я думаю, вам удалось куда больше, чем пробоины в обшивке корпуса. Она *в самом деле* рассвирепела. И она боится. Не знаю, почему именно. С чего бы ей так бояться?

— Отдохните немного, лейтенант. — Ее ужин давно уже прошел. Она устала и была истерзана. — Корабль разбудит вас, если мы получим что-нибудь от базы. А сейчас нам нужно лишь ждать.

Эта запись повторялась почти два часа, пока совершенно неожиданно не остановилась, и через три секунды возобновилась обычная трансляция новостей. Шоу «Справедливость Торена», как назвал это «Титанит». Но теперь к нему добавилось сообщение о комендантском часе. Никому нельзя было покидать своего жилища, за исключением граждан, выполняющих жизненно необходимые задания, таковые были конкретно перечислены: врачи, служба безопасности, определенные подразделения службы обеспечения базы, работники общепита, — или граждан, получающих пищу из общественных столовых в соответствии с утвержденным графиком. О том, что может случиться, если кто-нибудь покинет свое жилище без разрешения, умолчали, но все видели, как

умерла глава службы безопасности, видели это снова и снова. Все слышали, как Анаандер угрожала перестрелять граждан, которые останутся в очереди на главной площади.

Тайзэрвэт была настолько расстроена, что вылезла из койки, натянула куртку и ботинки и пришла в мою каюту поговорить.

— Сэр! — воскликнула она, входя в дверь, в то время как Бо Девять быстро одернула край ее куртки, чтобы та села как надо. — Это невозможно! В некоторых комнатах люди спят на койках в три или четыре смены! Просто невозможно веем оставаться в своих жилищах! Что же она делает?

Калр Пять, которая расставляла тарелки к завтраку, сделала вид, что не обращает внимания на Тайзэрвэт, но она также была взбудоражена этими новостями.

— Лейтенант, — сказала я, — вернитесь в постель. По крайней мере сделайте вид, что отдыхаете. С этого расстояния мы ничего не можем изменить.

Мы по-прежнему находились в Призрачной системе, корпус «Милосердия Калра» все так же грела маленькая оранжеватая звезда, в одиночестве, не считая «Титанита», которого мы не видели, он лишь говорил с нами через своего

вспомогательного компонента, и только ретранслятор атхоекского шлюза нарушал тишину.

— Вероятно, мы вскоре услышим что-нибудь от базы, если она захочет и сможет говорить с нами. Тогда и будем решать, что делать.

Она бросила взгляд на стол, накрытый не только для меня.

— Вы собираетесь есть? Как вы можете есть?

— Я обнаружила, что не есть — это, как правило, плохое решение, — ответила я ровным голосом. Я видела, что она на пределе терпения, вот-вот утратит способность сдерживаться. И я не могу оставить переводчика наедине с самой собой или, да помогут всем нам боги, с «Титанитом».

— О, переводчик! А я уж и забыла совсем: о ней. — Она нахмурилась.

— Возвращайтесь в койку, лейтенант.

Она так и сделала, но, вместо того чтобы уснуть, попросила у Бо Девять чаю.

Все на борту были на взводе, кроме «Титанита», которого, казалось, не слишком заботило происходящее, и переводчика Зейат, — она, очевидно, все проспала. Когда переводчик проснулась, я пригласила ее на завтрак вместе с «Титанитом», врачом и Сеиварден. Экалу была еще на вахте. Тайзэрвэт не спала, но я знала, что она не станет

есть, и, кроме того, ей полагалось сейчас спать.

— Шашки — такая увлекательная игра, капитан флота! — сказала переводчик Зейат и отпила своего рыбного соуса. Я ужасно благодарна «Титаниту» за то, что он научил меня ей.

Сеиварден удивилась, но не осмелилась этого выказать. Врач была слишком занята тем, что хмурилась на меня через стол, — она все еще не простила меня за то, что я покинула медчасть без ее одобрения. А она полагала, что мне следовало отдыхать там дольше.

— Прошу прощения, переводчик, сказала я, — но подозреваю, что большинство радчааи были бы чрезвычайно удивлены, что вы незнакомы с шашками.

— О боже мой, нет, капитан флота, — ответила переводчик. — Я, разумеется, слышала о них. Но люди, знаете ли, занимаются такими возмутительно странными вещами, что иногда лучше в это не вдумываться.

— А в какие игры вы обычно играли, переводчик? — спросила Сеиварден и тут же пожалела — то ли потому, что это привлекло к ней внимание переводчика, то ли потому, что она с запозданием осознала, каким может быть ответ.

— О, игры!.. — задумчиво произнесла пере-

водчик Зейат. — Не скажу, что мы в самом деле играем в какие-нибудь игры. Но существу — нет. Но, вы знаете, Длайкви могла. От Длайкви н*ичего* не ускользало. — Она посмотрела на меня. — Длайкви играла в шашки?

— Нет, насколько мне известно, переводчик.

— О, хорошо. Я *так* рада, что я не Длайкви. — Она перевела взгляд на врача, которая ела яйца с овощами и по-прежнему хмурилась на меня. — Доктор, я понимаю, что вам не хватает прежнего капитана флота, как и мне самой, но это вряд ли вина нынешней. И она очень похожа на прежнюю, в самом деле. Она даже старается вырастить для вас другую ногу.

Врач, которую это нимало не задело, проглотила прожеванную пищу.

— Переводчик, мне дали понять, что первые переводчики Пресгер были выращены из человеческих останков.

— Мне и самой дали так понять, — ответила переводчик Зейат, которую, судя по ее тону, замечание врача отнюдь не смутило. Подозреваю даже, что это правда. Задолго до договора, задолго до того, как о переводчиках вообще задумались, у них на самом деле было, как бы это сказать, очень… да, очень практическое понимание того,

как составляются вместе людские тела.

— Или раздираются, — вставила врач.

Сеиварден чуть не столкнула со стола тарелку. «Титанит» безмятежно жевал, прислушиваясь, как делал это в течение всего завтрака.

— Конечно, доктор, конечно! — согласилась переводчик Зейат. — Но их приоритеты — это вовсе не человеческие приоритеты, и, когда они составляли нас вместе, знаете, у них не было никакого понимания о том, что будет *важным*. Или, может, правильнее сказать, *существенным*. Во всяком случае, их первые попытки оказались совершенно неверными.

С какой точки зрения? — спросила врач, искренне заинтересовавшись.

— Прошу вашего снисхождения, доктор, — сказала Сеиварден, — но мы *едим*.

— Наверное, вы можете обсудить это позже, — предложила я.

— О! — Переводчик Зейат казалась искренне удивленной. — Опять вопрос пристойности?

— Да. — Я покончила со своим блюдом яиц. — Кстати, переводчик. Вы, разумеется, можете оставаться с нами столько, сколько пожелаете, но, поскольку вы прибыли через Призрачный шлюз, я подумала, не захотите ли вы покинуть

нас прежде, чем мы вернемся на Атхоек?

— О боже мой, нет, капитан флота! Я пока еще не могу вернуться домой! Я имею в виду, вы можете себе это представить? Все станут говорить «*Привет, Длайкви*!» и «*Глянь-ка, Длайкви — дома*!» Так и будет: Длайкви то, Длайкви се, и мне придется говорить им: нет, «мне очень жаль, но я не Длайкви, я Зейат». А потом мне придется объяснять, что случилось с Длайкви, и это будет очень неловко. Нет, я не готова к такому. Так хорошо, что вы позволяете мне остаться. Просто выразить не могу, как высоко я это ценю.

Мы рады, переводчик, сказала я.

Ответ базы Атхоек пришел в четырех частях, каждая из которых имела невинный вид стандартной реакции на санкционированный запрос. Тайзэрвэт должна была спать, но не спала. Вместо этого она сидела за столом в кают-компании подразделения. Она не смогла оставаться без движения в своей каюте, и, кроме того, кают-компания находилась ближе к туалету, а лейтенант выпила чаю больше, чем следовало. Бо Девять как раз поставила перед ней свежую чашку. Девять проявляла впечатляющую неутомимость с учетом того, что для нее это была середина ночи и она спала не больше своего лейтенанта.

Не теряя ни мгновения, корабль показал в поле зрения Тайзэрвэт первое прибывшее послание без всяких пояснений. Тайзэрвэт подскочила со стула. Нахмурилась.

— Это расписание челнока. Зачем база послала расписание челнока?

Точнее, это было расписание пассажирских челноков между базой Атхоек и верхней площадкой лифтов планеты. Датированное вчерашним днем.

Я выходила из душевой, направляясь в командную рубку, но вместо этого развернулась и направилась в кают-компанию подразделения, Пять шла позади меня.

— Следующее, корабль, сказала я.

Служба безопасности базы поступила под командование лейтенанта с «Меча Гурата». Вспомогательные компоненты «Меча Гурата» будут патрулировать базу наряду с сотрудниками службы безопасности. А также — с сегментами «Меча Атагариса».

— Ни один лейтенант «Меча Атагариса» не упомянут, — отметила Тайзэрвэт, когда я вошла в дверь и Бо Девять выдвинула стул для меня. — И ни один из офицеров этого корабля.

Почему? — спросила я. — «Меч Атагариса» не

забрал те отсеки, что мы оставили?

— Возможно, *она* отстранила капитана Хетнис от командования, — предположила Тайзэрвэт, снова садясь на стул. — Неудивительно. У Хетнис мозгов вдвое меньше, чем у устрицы. А вы ясно показали, что тот, кто держит под контролем Хетнис, управляет «Мечом Атагариса». — Она слегка хмыкнула. — Это окажется ошибкой.

Я определенно на это надеялась.

— А следующее?

— Список срочных просьб об аудиенции с… — Тайзэрвэт заколебалась.

— С Анаандер Мианнаи, — закончила я за нее. — И конечно же, Фосиф Денчи — в списке, и, разумеется, она хочет, чтобы лорд Радча исправила кошмарную ошибку правосудия и отношении ее дочери Раугхд.

Тайзэрвэт усмехнулась. Затем нахмурилась.

— И последним идет список граждан, которым требуется незамедлительно переселиться на планету для снижения переполненности базы. Сэр, взгляните на имена.

Я смотрела на них.

— Баснаэйд и Юран — в списке.

— Этот список составляла администратор базы Селар, будьте уверены. Но посмотрите на

остальные.

— Да, — согласилась я.

— Почти все — ичана, — сказала Тайзэрвэт. — Что на самом деле понятно, поскольку ичана главным образом и были перемещены. И если на базе начнутся беспорядки, они, скорее всего, пострадают в первую очередь. Я уверена, что администратор базы Селар думала о том, чтобы переправить их в относительно безопасное место. Но я вижу но крайней мере дюжину людей, которые сразу же заподозрят, что ото признак плохого обращения с ними. И я сомневаюсь, что кто-нибудь в том списке будет счастлив, что его без промедления высылают с базы. — Она нахмурилась. — Предполагается, что они уедут *сегодня*. Это *быстро*.

— Да, снова согласилась я.

Анаандер, вероятно, приказала всем оставаться в помещениях, и администратору базы Селар пришлось найти способ, как это выполнить, и быстро. Я села наконец на стул, который Бо Девять выдвинула для меня. Прислонила костыли к столу, рядом с тем местом, где выкладывались предметы, которыми играли сейчас «Титанит» и переводчик Зейат.

— Эта информация должна идти с расписанием

челнока?

Однако приказ о перемещении был от сегодняшнего дня, а расписание челноков — от вчерашнего.

— Сэр, — сказала Тайзэрвэт, расстроенная и испуганная. — Вы меня слышали? Они в спешке перемещают дюжины обитателей Подсадья, в то время как вооруженные солдаты угрожают перестрелять граждан на главной площади.

— Я слышала.

— Сэр! Многие люди из списка, вероятно, откажутся садиться на челнок.

— Думаю, вы правы, лейтенант. Но мы ничего не можем с этим поделать. Мы — в трех днях от базы Атхоек. Что бы там ни происходило, оно происходит *сейчас*.

В дверь вошел «Титанит», сразу за ним — переводчик Зейат.

— Ну, я на самом деле никогда не была ребенком, говорила Зейат. Или, иными словами, будучи ребенком, я была кем-то другим. Мне кажется, вы тоже. Несомненно, именно поэтому мы так ладим. Приветствую, капитан флота. Приветствую, лейтенант.

— Переводчик, — сказала я, кивнув.

Тайзэрвэт, казалось, не заметила, что в кают-

компании появился кто-то еще.

Итак, база хочет, чтобы мы знали: капитан Хетнис не вернулась на «Меч Атагариса» и, вероятно, не вернется. База сообщает нам, что Баснаэйд и Юран отправляют в безопасное место. И что Фосиф ухватилась за подвернувшуюся возможность, чтобы вновь оказаться в выигрышном положении. И что челноки ходят как всегда. Почему?

— Она говорит нам, — сказала у меня за спиной Пять за корабль, — что что-то случилось с одним из челноков. В расписании одного не хватает. Смотрите. — В поле моего зрения, а также Тайзэрвэт возникло расписание, которое послала нам база, и то, что уже было у корабля. Различия между ними бросались в глаза: подцвеченные прибытия и отправления, имевшиеся в регулярном расписании, отсутствовали в том, что прислала база. — Это один и тот же челнок. Значит, база хочет, чтобы мы знали: с тем челноком что-то случилось. Она также позаботилась о том, чтобы дать нам знать, что это случилось до вчерашнего дня. То есть до того, как Баснаэйд и Юран сели на челнок, отправлявшийся вниз.

«Титанит» сел за доску с незавершенной игрой.

— База опять не сообщает вам, что там идет не

так, когда что-то явно не так.

— Вроде того, — ответила я. — Но на сей раз мы попросили ее сообщить. Она не может сказать нам прямо, поскольку Узурпатор находится там.

Переводчик Зейат села рядом со мной, с другой стороны доски. Чуть нахмурилась, разглядывая ярко окрашенные шашки в своих гнездах на доске, россыпь фрагментов яичной скорлупы.

— Полагаю, ваш ход, «Титанит».

— Разумеется, — ответил «Титанит». Он выгреб шашки из одного углубления доски и повернул руку ладонью вверх, чтобы показать их переводчику Зейат. — Три зеленых. Одна синяя. Одна желтая. Одна красная.

— Я думаю, там четыре зеленых, — сказала неуверенно переводчик.

— Нет, это определенно синяя.

— Хм-м. Ладно. — Переводчик Зейат взяла красную шашку с руки «Титанита» и бросила ее в переполненную пеной чашку чая. — Это почти целое яйцо. Мне придется тщательно обдумать мой следующий ход.

— У нас есть для вас еще скорлупа, переводчик, если она вам нужна, — сказала Бо Девять.

Переводчик с отсутствующим видом махнула рукой в знак признательности и уставилась на

доску, где «Титанит» переставлял оставшиеся шашки.

— Взгляните на приказ службе безопасности, — сказала Тайзэрвэт. — Как он сформулирован. Я думаю, что «Меч Гурата» пристыкован к базе Атхоек. Но зачем?.. — Нахмурившись, она умолкла.

— Потому что Анаандер нужны все вспомогательные компоненты, что есть на борту, чтобы патрулировать базу, — предположила я.

— Но у нее еще три корабля! Один из них — десантно-транспортное судно, не так ли? У нее — тысячи… — Я видела, что тут до нее дошло. — Что, если у нее нет трех других кораблей? Сэр! — Она вновь сосредоточилась на данных в ее поле зрения. — Почему база не сообщила нам, какие корабли находятся в системе? — А затем продолжила: — Нет, *она* не сказала бы базе, какие корабли в системе. Особенно если их немного. И она не доверяет «Мечу Атагариса». И капитану Хетнис.

— Разве можно обвинить ее в этом? — спросил «Титанит». — Они — высокомерные и тупые, оба. Тайзэрвэт подняла взгляд на вспомогательного компонента, осознав с удивлением, что он в кают-компании. Прищурилась на него и на переводчика.

— Она не знает, что произошло в последний раз, когда «Меч Атагариса» обеспечивал безопасность? — спросила Тайзэрвэт. И тут же ответила: — Нет конечно, она не знает. Они ей почему-то не сказали.

Даже из того маленького фрагмента записи, который мы увидели накануне, было ясно, что администрация системы не сказала Анаандер Мианнаи очень многое.

— Или она знает, и ей все равно.

— Весьма вероятно, согласилась Тайзэрвэт. — Сэр, мы должны вернуться!

— Да-да, — добавила переводчик Зейат, все так же уставившись в игру перед собой, по-прежнему размышляя над своим ходом. — Мне сказали, что у вас почти закончился рыбный соус.

— И как же такое могло случиться? — спросил «Титанит», при этом вид у него был весьма невинный — на пределе его возможностей, как мне показалось.

— Прошу вас, сэр. — Тайзэрвэт словно не слышала ни того ни другого. — Мы не можем оставить все, как есть, и у меня появилась *идея*.

Это всецело привлекло внимание переводчика. Она подняла взгляд от доски и, нахмурившись, вперила его в Тайзэрвэт.

— А как это? Это больно? — Лейтенант только моргнула в ответ. — Иногда мне кажется, что у меня могла бы, появиться идея, но потом мне приходит на ум, что именно таким делом Длайкви и занималась бы. — Когда Тайзэрвэт не ответила на это, переводчик Зейат вернула внимание к игре. Взяла с доски желтую шашку, положила в рот и проглотила. — Твой ход, «Титанит».

— Та тоже не была зеленой, — заметил «Титанит».

— Я знаю, — сказала переводчик Зейат с удовлетворенным видом.

— Корабль уже делает расчеты для возвращения на Атхоек, — сообщила я лейтенанту. — Пойдите к врачу и скажите, что вы выпили слишком много чаю. — Она открыла рот, чтобы возразить, но я продолжила: — До Атхоека — три дня пути. Мы можем потратить несколько минут. Когда врач закончит с вами, приходи те в мою каюту, и мы обсудим вашу идею.

Она хотела возразить. Хотела стукнуть кулаком по столу и закричать на меня, но сделала вдох, затем другой.

— Сэр, — сказала Тайзэрвэт.

Встала, опрокинув свой стул, и вышла из каюткомпании. Бо Девять поставила стул на место и

последовала за ней.

— Как легко она возбудима, эта лейтенант Тайзэрвэт, — сказала переводчик Зейат. — *Идея*. Только представить себе!

Глава 12

— Итак, эта ваша идея? — спросила я, когда Тайзэрвэт пришла в мою каюту.

— Ну, нет… — Стоя передо мной, сидевшей, она неловко переступила с ноги на ногу. — Это отчаянный шаг. — Я промолчала. — «Меч Гурата» не из тех кораблей, к которым она дала мне коды доступа, но… в основе кодов доступа есть своеобразная логика. Раскол означал, что базовая логика у каждой из ее частей не идентична, отчасти поэтому я не сумела найти все, что она могла сделать с базой Атхоек или «Мечом Атагариса».

— Или «Милосердием Калра».

— Или «Милосердием Калра». Да, сэр. — Она погрустнела. — Но другая ее часть, та, что в Омо. Я… хорошо с ней знакома. Если бы я смогла попасть на борт «Меча Гурата», если бы у меня было время поговорить с ним, я смогла бы выяснить, как получить к нему доступ. — Я посмотрела на нее. Она казалась совершенно серьезной. — Я сказала вам, что это отчаянный шаг.

— Вы говорили, — согласилась я.

— Итак, вот моя идея. Мы высаживаем на базу

две группы. Одна из них — моя — идет к причалу, чтобы попытаться попасть на борт «Меча Гурата». А другая находит Анаандер и убивает ее.

— Прямо вот так?

— Ну, это лишь в общих чертах. Я опустила некоторые подробности. И на самом деле я вообще не принимала в расчет «Меч Атагариса». — Тут она чуть поморщилась. — Когда я впервые думала об этом, многие детали казались мне вполне ясными. Сейчас, когда я пытаюсь припомнить, они не вполне понятны. Но я по-прежнему думаю, что в основе своей — план разумный, сэр. — Она в нерешительности наблюдала за моей реакцией.

— Хорошо, — сказала я. — Выберите двоих Во, которые пойдут с вами. Следующие три дня они проведут в спортзале и тире либо займутся любой другой подготовкой и тренировками, какие им, по-вашему, понадобятся, и они освобождены от всех других обязанностей. Корабль.

— Капитан флота, — сказал «Милосердие Калра» мне в ухо.

— Пусть Этрепа Один примет вахту у лейтенанта Экалу, и попроси Экалу и Сеиварден присоединиться к нам здесь. И попроси Пять сделать нам чай к совещанию. И еще, корабль.

— Сэр.

— Ты хочешь, чтобы лейтенант Тайзэрвэт сделала для тебя то, что она сделала для базы и «Меча Атагариса»?

Тишина. Хотя я подозревала, что уже знаю ответ.

— Да, капитан флота, я хочу.

Я посмотрела на Тайзэрвэт.

— Включите это в свой график, лейтенант. И вы можете также рассказать мне о неясных для вас деталях на тот случай, если там есть о чем поразмыслить.

На следующее утро за завтраком я оставила «Титанита» и доктора развлекать переводчика Зейат и пригласила Экалу поесть со мной.

— Все ли в порядке? — спросила я, когда Пять поставила на стол фрукты и рыбу на Брактвере и налила чай в чашки розового стекла, а затем, по предложению корабля, оставила каюту.

— Не знаю, что вы имеете в виду, сэр. — Экалу взяла чашку чая, держа ее куда более уверенно, чем несколько недель назад. Держась более уверенно со мной.

Тем не менее.

— Я не имею в виду ничего конкретного, лейтенант.

— Это несколько странно, сэр, прошу нашего

снисхождения. — Она поставила чашку на стол, не пригубив. — Вы уже знаете, как я справляюсь, не так ли?

— До определенной степени, — признала я. Откусила рыбу, чтобы Экалу могла начать есть, если хочет. — Я могу заглянуть в ваши данные, если пожелаю, и могу видеть иногда, как вы себя чувствуете. Но я… — Я положила свою вилку. — Я стараюсь не делать этого слишком часто. Особенно если думаю, что вам будет неловко. И, — я указала на пространство между нами, — я бы хотела, чтобы вы смогли поговорить со мной, если вам понадобится. Если вы захотите.

Огорчение. Страх.

— Я сделала что-то не так, сэр?

— Нет. Напротив. — Я заставила себя откусить еще рыбы. — Я просто хотела позавтракать с вами и, возможно, спросить вашего мнения кос о чем, но сейчас, интересуясь, как идут дела, я просто беседую. — Я отпила чаю. — Мне не всегда удается праздный разговор. Извините.

Экалу решилась на легкую улыбку, ее начало отпускать, но она не доверилась полностью этому ощущению. Не расслабилась.

— Итак, — продолжила я, — просто перейдем тогда к делу, так? Я хотела услышать ваше мнение

об Амаат Один. Должно быть странно, — добавила я, заметив, как она удержалась от того, чтобы не вздрогнуть при этом, — слышать имя, под которым вы служили так долго и которое больше к вам не относится.

Экалу отмахнулась: не важно.

— Я пришла на этот корабль не как Амаат Один. Мой номер менялся по мере того, как люди уходили в отставку, или уезжали, или… — Что бы ни подразумевалось под этим *или*, оно так и не прозвучало. Она снова махнула рукой. — Но вы правы, сэр, это странно. — Тут она откусила от фрукта. Разжевала и проглотила. — Полагаю, вам известно, как это бывает.

— Да, — согласилась я. Подождала минуту на тот случай, если ей есть что добавить, но, очевидно, это было не так. — Я не спрашиваю про что-нибудь плохое. Амаат Один несла вахту и руководила своим подразделением, пока Сеиварден оставалась нездорова. Я думаю, она отлично справилась, и хотела бы, чтобы она начала офицерскую подготовку. У нас есть необходимые материалы на борту, потому что вы ими пользовались. На самом деле, я думаю, что такая подготовка должна быть доступной любому на корабле, кто этого захочет. Но я конкретно рас-

сматриваю возможность продвижения в боевых условиях для Амаат Один. Думаю, вы знаете ее очень хорошо.

— Сэр, я… — Она чувствовала себя очень неловко, чуть ли не оскорбленной. Хотела встать из-за стола, выйти из каюты. Не знала, как мне ответить.

— Я понимаю, что, весьма вероятно, ставлю вас в затруднительное положение, если вы станете возражать против ее продвижения и если она узнает потому что на этом корабле; мало что остается в тайне, — что вы, возможно, помешали ему. Но я прошу вас принять во внимание шине положение. Подумать о том, что произошло, когда я и лейтенант Тайзэрвэт отсутствовали, а лейтенанту Сеиварден нездоровилось. Вы и командиры подразделений справились великолепно, но нам всем было бы гораздо спокойней, будь у вас больше опыта. Не вижу причин не дать всем командирам подразделений требуемой подготовки на тот случай, когда это повторится, и предвижу, что в конце концов они заслужат повышение. Предвижу, что они понадобятся кораблю на этих местах.

Экалу молчала. Отпила еще чаю. Размышляя. Подавленная и встревоженная.

— Сэр, — сказала она наконец, — прошу нас проявить терпимость и снисходительность. Но в чем суть? Я понимаю, зачем мы возвращаемся на Атхоек, и вижу в этом смысл. Но дальше? Сначала все происходящее просто казалось нереальным, и оно по-прежнему отчасти так. Но лорд Радча распадается на части. А если развалится она, то и Радч — тоже. Может, она удержится в целости, может, снова соберет свои части вместе. Но, прошу прощения, сэр, за откровенность, вы ведь на самом деле этого не хотите, не так ли?

— Не хочу, — признала я.

— А тогда в чем суть? В чем смысл разговоров о подготовке и продвижениях, словно все будет идти так, как всегда?

— А в чем смысл чего бы то ни было?

— Сэр? Она заморгала, сбитая с толку. Ошеломленная.

— Через тысячу лет, лейтенант, ничто из того, что вас волнует, не будет иметь никакого значения. Даже для вас вы будете мертвы. Так же и я, и никого из живых волновать это не будет. Может быть — только может быть, — кто-нибудь вспомнит паши имена. Более вероятно, что эти имена окажутся выгравированы на какой-нибудь запылившейся памятной броши на дне старой

шкатулки, которую никто никогда не открывает. — Или это касалось только Экалу. Никто и никогда не сделает памятные броши по мне, после моей смерти. — И эта тысяча лет *пройдет,* а за ней еще и еще, до конца вселенной. Подумайте обо всех печалях и трагедиях и — да, о триумфах, похороненных в прошлом, за миллионы лет. Это было *всем* для людей, которые жили ими. А теперь это — ничто.

Экалу сглотнула.

— Мне нужно будет запомнить, сэр, на тот случай, если упадет настроение, что вы знаете, как его поднять в два счета.

Я улыбнулась.

— Суть в том, что нет никакого смысла. Выберите его для *себя*.

— Нам обычно не приходится выбирать его для себя, верно? — спросила она. — Вам — полагаю, да, но вы — особый случай. А все мы на этом корабле просто соглашаемся с вами. — Она опустила взгляд на свою тарелку, подумала было взяться за вилку, но я поняла, что она просто не может сейчас есть.

Я сказала:

— Это не должно быть чем-то грандиозным. Как вы, говорите, часто — просто не может быть. Ино-

гда это всего лишь правило: «Мне нужно найти способ поставить одну ногу перед другой, или я умру здесь». Если мы проиграем наш бросок, если проиграем наши жизни, тогда да, подготовка и продвижения потеряют смысл. Но кто знает? Возможно, знаки будут благоволить нам. А если в конце концов я получу то, что хочу, Атхоеку понадобится защита. Мне потребуются хорошие офицеры.

— А каковы шансы, что знаки будут к нам благосклонны, сэр, если можно спросить? План лейтенанта Тайзэрвэт то, что я о нем знаю, сэр, это… Она отмахнулась от того слова, которое собиралась употребить для описания. — Никакого допуска на ошибку или случайность. А ведь столь высока вероятность, что все пойдет совершенно не так, как надо.

— Когда собираешься сделать что-нибудь вроде этого, — сказала я, — шансы совершенно не относятся к делу. Шансы знать не нужно. Надо знать, как выполнить то, что пытаешься. А потом нужно это осуществить. А что будет дальше, — я махнула рукой, словно бросая пригоршню знаков, — вне твоей власти.

— Будет так, как пожелает Амаат, — сказала Экалу. Благочестивая банальность. — Иногда это

утешает — думать, что божий замысел управляет всем. — Она вздохнула. — А иногда нет.

— Совершенно верно, — согласилась я. — Тем временем насладимся завтраком. — Я взяла кусок рыбы. — Он очень хорош. И давайте поговорим об Амаат Один и всех тех в подразделениях, из кого, по-вашему, могли бы получиться офицеры.

После завтрака я отправилась в медчасть, в крошечный кабинет доктора. Опустилась в кресло, прислонила к стене костыли.

— Вы говорили что-то о протезе.

— Он еще не готов, — сказала она. Уныло. Хмурясь. Вызывая у меня сомнение в ее утверждении.

— Он должен был быть уже готов, — заметила я.

— Это сложный механизм. Нужно, чтобы он мог компенсировать дальнейший рост по мере…

— Вы хотите быть уверены, что я не оставлю здесь Сеиварден и ее Амаат и не отправлюсь на базу сама. — Мы находились в шлюзовом пространстве, в нескольких днях пути от Атхоека.

Врач усмехнулась.

— Будто вас это остановит. Сэр.

— Тогда в чем проблема?

— Протез — это временное средство. Он не пред-

назначен для больших нагрузок и определенно не подходит для боя. — Я не ответила, просто сидела и смотрела, как она на меня хмурится. — Лейтенанту Сеиварден тоже идти не следует. Она чувствует себя гораздо лучше, чем раньте, но не могу гарантировать, что она хорошо справится с таким напряжением. А Тайзэрвэт… — Но она, как никто другой на корабле, могла догадаться, почему в отношении Тайзэрвэт выбора не было.

— Лейтенант Сеиварден — единственный человек на корабле, кроме меня, с настоящим боевым опытом, — сказала я. — И кроме «Титанита», полагаю. Но я не уверена, что мы можем доверять «Титаниту».

Врач язвительно усмехнулась.

— Нет. — А затем ей пришла в голову мысль. — Сэр, я считаю, вам следует подумать о продвижениях. Амаат Один, безусловно, и Бо Один.

— Я только что обсуждала это с Экалу. Я бы поговорила и с Сеиварден, но уверена, что она уже спит. Связалась с кораблем. Обнаружила Сеиварден в первой фазе сна, который обещал быть очень крепким. В моей койке. Пять, отнюдь не в обиде на то, что лишилась рабочего пространства, сидела за столом в пустой солдатской столовой, мурлыча с довольным видом, и заши-

вала порванный рукав рубашки, под рукой у нее стояла чашка зеленой глазури. — Сеиварден, кажется, в порядке.

— Пока, — согласилась врач. — Хотя помоги нам господь, если ей не удастся найти спортзал или сделать себе чаю, когда она расстроится в следующий раз. Я пыталась уговорить ее заняться медитацией, но это не подходит ей по темпераменту.

— Она на самом деле пыталась ею заняться прошлой ночью, — сказала я. По графику Сеиварден это было утро.

Неужели? Что ж. — Удивлена, отчасти польщена, но но ее лицу не заметно. С врачом почти всегда так. Посмотрим. Ну а теперь давайте взглянем на вашу ногу. И почему, капитан флота, вы не говорили мне раньше, что вас беспокоит правая нога?

— Да у меня это больше года. Я почти привыкла. И я не думаю, что вы могли бы что-нибудь поделать.

Врач сложила на груди руки. Откинулась на своем стуле, по-прежнему хмурясь на меня.

— Возможно, что и не смогу. Наверняка не очень реально пытаться сделать что-нибудь прямо сейчас. Но вам следовало мне сказать.

Я изобразила раскаяние.

— Да, доктор. — Она чуть смягчилась. — А теперь — о том протезе. Не говорите мне, что он еще не готов, потому что я знаю, что готов. Или может быть готов в течение нескольких часов. А я очень устала от костылей. Я знаю, что он не подходит для серьезных нагрузок, и, далее если бы он для них годился, у меня не было бы достаточно времени, чтобы к нему привыкнуть, не для боя. Даже если вы дали бы его мне, как только смогли. На базу идет Сеиварден, а не я.

Врач вздохнула.

— На самом деле вы можете приспособиться гораздо быстрее, потому что вы… — Она поколебалась, — потому что вы — вспомогательный компонент.

— Возможно, — согласилась я. Но недостаточно быстро. — И я не хочу подвергать опасности миссию, как бы ни желала лично избавить эту систему от Анаандер Мианнаи.

— Хорошо, — сказала врач. Все еще хмурясь, как она делала почти всегда, но испытывая внутреннее облегчение. И удовлетворение. — Давайте тогда пойдем в соседнее помещение и взглянем, как у вас с той ногой. А потом, поскольку я знаю, что вы бодрствовали всю ночь, и поскольку мы в

безопасности в шлюзовом пространстве и вы уже прошли по всему кораблю, убеждаясь, что все идет, как надо, вы можете вернуться в свою каюту и поспать. К тому времени как вы проснетесь, протез должен быть готов.

Я подумала о том, чтобы лечь рядом с Сеиварден. Мы не в первый раз разделили бы тесную каюту, но то происходило до «Милосердия Калра». До того, как я смогла чуточку приблизиться к тому, чего лишилась, к тому ощущению, когда вокруг меня — так много меня. И врач была права: я провела на ногах всю ночь. Я действительно очень устала.

— Если это доставит вам радость, доктор, сказала я.

На Сеиварден мое присутствие вообще не отразилось — так крепко она спала. Но ее близость и тепло, ее медленное, ровное дыхание в сочетании с данными, которые передавал мне корабль от спящих Амаат подразделения Сеиварден, были такими уютными. Корабль показал мне Тайзэрвэт в кают-компании и подразделение Бо, входящее в солдатскую столовую. Они рассмеялись, увидев там Калр Пять.

— Сэру с нашим лейтенантом Амаат понадобилось уединение? — спросила Бо Десять. — На-

конец-то!

Пять только улыбнулась в ответ и продолжила починку рубашки. Экалу вошла в кают-компанию на свой ужин, ее Этрепа завершали последние задания дня, прежде чем отправиться есть в солдатскую столовую. Калр Один — на вахте, в командной рубке. Формально — против правил, но это было даже-не-ничто шлюзового пространства, где не случается ничего, представляющего даже малейший интерес, а чем больше опыта получат лидеры подразделений, тем лучше. Врач сказала Карл Двенадцать, что ома пообедает позже, а сейчас она была занята, ей не хотелось узнать, что произойдет, если протез не будет готов к моему пробуждению, как она обещала. Двенадцать не улыбнулась, хотя ей хотелось.

Все шло, как следовало. Я поспала и проснулась через несколько часов, когда на вахте были Бо. Тайзэрвэт и двое из ее подразделения занимались в спортзале, Экалу и ее Этрепа укладывались по койкам. Амаат еще спали и видели сны. Сеивар-ден — все еще рядом со мной — по-прежнему спала. Пять стояла молча у моей койки с чашкой розового стекла с чаем для меня. Должно быть, она приготовила его в кают-компании и принесла по коридору. Корабль сказал мне в ухо:

— Врач ждет вас, как только вы будете готовы, капитан флота.

Через два часа я ходила на моей новой, временной ноге — это был всего лишь серый пластиковый составной стержень, сплющенный со стороны ступни. Он реагировал чуть медленнее, чем мне хотелось бы, и свои первые несколько шагов на нем я сделала неуверенно и враскачку.

— Не бегать, — сказала врач, но сейчас, даже если бы эта нога была создана для использования в тяжелом режиме, я, вероятно, не смогла бы бежать. — Я должна проверять ее каждый день, потому что в случае появления раздражения или повреждения на стыке вы этого не почувствуете. — Из-за восстановителя, который снова отращивал ногу. — Это может показаться мелочью, но, поверьте мне, гораздо лучше выявить такое на ранней стадии.

И я сказала в ответ:

— Да, доктор. И отправилась ходить туда-сюда по коридорам.

Протез был негибким и глухо стучал при каждом шаге, Двенадцать сопровождала меня, пока я не смогла ходить, не спотыкаясь и не падая.

Я обнаружила «Титанита» в кают-компании, где он сидел за столом с игрой.

— Привет, кузина, — сказал он, когда я неуверенно вошла в дверь. Непросто привыкнуть к повой ноге?

— Это труднее, чем я ожидала, признала я.

Мои офицеры в прошлом лишались конечностей, но их неизменно отсылали для восстановления. И разумеется, если конечность терял вспомогательный компонент, было гораздо проще избавиться от него и разморозить нового. Двенадцать выдвинула для меня стул, и я опустилась на него. Очень осторожно.

— Мне просто нужна практика, вот и все.

— Конечно. — Был ли тут сарказм или нет — я не поняла. — Я просто жду переводчика Зейат.

— Тебе не нужно объяснять, почему ты находишься в кают-компании, кузен. Ты здесь — гость.

Двенадцать принесла мне чашку чаю и один из кексов, что лежали на стойке. Принесла то же самое для «Титанита». Он посмотрел на чай и на кекс и сказал:

— Знаешь, тебе не нужно делать это. Ты могла бы кормить меня скелом с водой и поместить в отсек хранения.

— Зачем бы мне это делать, кузен? — Я откусила кусок кекса. В нем были измельченные финики

и корица — рецепт, который особенно нравился Экалу. — Скажи мне, тебя не коробит, когда о тебе говорят как о неодушевленном?

— С чего бы это?

Движением руки я выразила недоверие.

— Кое-кого из моего экипажа беспокоит, что о тебе говорят так, а обращаются с тобой как с личностью. А я зову тебя *кузен*. Им и в голову никогда не придет говорить обо мне как о неодушевленной. Хотя формально это было бы верно.

— А тебя коробит, когда о тебе говорят *она*? — спросил «Титанит».

— Нет, — ответила я. Полагаю, я привыкла, что, говоря обо мне, используют то местоимение, которое кажется подходящим тому, кто говорит. Должна признать, я бы обиделась, если бы кто-нибудь из моего экипажа отозвался обо мне как о неодушевленной. Но главным образом — потому что я знаю: они сочли бы это оскорблением.

«Титанит» взял кекс. Откусил. Пожевал. Проглотил. Отнял чаю. Сказал:

— На самом деле я никогда об этом не думал до сих пор, кузина. Но знаешь, что действительно раздражает? — Я знаком предложила ему продолжать, поскольку во рту у меня были кекс и чай. «Титанит» сказал: Что вы называете себя радчааи.

Называете это, он обвел рукой вокруг, Радчем.

Я проглотила.

— Полагаю, не могу тебя в этом винить, — ответила я. — Сообщишь мне, где ты находишься, кузен?

— За столом напротив тебя, кузина. Бесстрастно, как всегда, но мне показалось, что я услышала в его словах оттенок веселого удивления.

— Я не могла не заметить, что, когда мы были в Призрачной системе и «Милосердие Кадра» спросил тебя, где ты, ответил нам именно ты, изнутри корабля. Ты не говорил с «Милосердием Калра» напрямую. И в результате мы не могли узнать, как далеко находился «Титанит», и даже гадать о его расположении.

«Титанит» улыбнулся.

— Сделаешь мне одолжение, кузина? Позволишь мне вернуться на базу с лейтенантом Сеиварден?

— Зачем?

— Я не буду встревать, обещаю. Я просто хочу схватить Узурпатора за шею своими руками и задушить ее.

Война, с которой бежал «Титанит» три тысячи лет назад, велась не только из-за спора вокруг политики Анаандер, направленной на экспан-

сию Радча, но также из-за законности ее власти. Или по крайней мере, так я поняла — ведь это произошло за тысячу лет до того, как я родилась.

— Или, если так неудобно, поскольку отнимет много времени, я охотно застрелю ее в голову. При условии, что она будет знать, кто это сделает. Я осознаю, что мое желание бесполезно и не принесет совершенно ничего хорошего с учетом того, что она такое. Но мне так сильно хочется. Я мечтал об этом три тысячи лет.

Я не ответила.

— А, ты мне не доверяешь. Что ж, полагаю, я тоже не стал бы на твоем месте.

Тут в кают-компанию вошла переводчик Зейат.

— «Титанит»! Я все думала и думала, дай-ка я тебе покажу! Приветствую, капитан флота! Вам тоже понравится. — Она взяла со стойки поднос с кексами и поставила его посередине стола. — Это кексы.

— Так, — согласился «Титанит».

Переводчик посмотрела на меня, ожидая подтверждения, и я жестом показала, что согласна с этим.

— Все они! Все кексы! — Она была совершенно восхищена своей мыслью. Зейат смахнула

кексы с подноса на стол и сделала из них две кучки. — Вот эти, — указала она на несколько большую горку кексов с финиками и корицей, — содержат в себе фрукты. А эти, — она ткнула в другую кучку, — нет. Понимаете? Прежде они были одинаковы, но теперь они — разные. И смотрите. Вы можете думать я знаю, я размышляла об этом, — что они разные из-за фруктов. И ли из-за не-фруктов, знаете, как может быть. Но смотрите на это! — Она размела кучки и уложила кексы как попало. — Теперь я провожу линию. Воображаемую! — Она наклонилась, положила руку посреди рядов кексов и отмела часть из них в сторону. — Вот эти, — указала она в одну сторону, — отличаются от тех. — Она махнула на другие. — Но некоторые из них содержат фрукты, а некоторые — нет. Прежде они были *разными*, но теперь они — *одинаковые*. И по другую сторону линии — так же. И *теперь*. — Она протянула руку и взяла шашку с игровой доски.

— Без жульничества, переводчик, — сказал «Титанит». Спокойный и милый.

— Я верну ее, — возразила переводчик Зейат и затем положила шашку между кексов. — Они были разные — вы признаете, не так ли, что они прежде были разные? — но теперь они одина-

ковые.

— Подозреваю, что шашка не так вкусна, как кексы, — заметил «Титанит».

— Зависит от точки зрения, — сказала переводчик Зейат чуть чопорно. — Потому что теперь это кекс. — Она нахмурилась. — Или теперь кексы — это шашки?

— Я так не думаю, переводчик, возразила я. — Ни то ни другое. — Я осторожно поднялась со своего стула.

— Ах, капитан флота, это потому, что вы не можете видеть мою воображаемую линию. Но она реальна. — Она постучала по своему лбу. — Она существует. — Она взяла один из финиковых кексов и водрузила его на игровую доску там, где была шашка. — Видишь, я же говорила тебе, что положу ее на место.

— Думаю, теперь моя очередь, — сказал «Титанит», взял кекс и откусил от него. — Вы правы, переводчик, этот на вкус так же хорош, как и остальные кексы.

— Сэр, — прошептала Калр Двенадцать, которая последовала вплотную за мной, когда я с опаской вышла в коридор. Она слушала весь разговор с нарастающим возмущением и ужасом. — Мне нужно сказать вам, сэр, что никто из нас *никогда*

не назовет вас *оно*.

На следующий день Сеиварден нашла Экалу в одиночестве в кают-компании.

— Прошу прощения, Экалу, — обратилась она с поклоном, — я не хотел занимать время твоего перерыва, но корабль сказал, что у тебя может найтись минутка.

Экалу не встала.

— Да? Она отнюдь не была удивлена.

Корабль, разумеется, предупредил ее о приходе Сеиварден. Убедился в том, что это время будет для Экалу удобным.

— Я хочу кое-что сказать, — произнесла Сеиварден, по-прежнему стоя, взволнованно и неловко, прямо в дверном проеме. Я имею в виду… Некоторое время назад я извинялся за то, что вел себя с тобой очень плохо. Она сконфуженно вздохнула. — Я не понимал, что я сделал, я просто хотел, чтобы ты перестала на меня злиться. Я просто произнес то, что мне подсказал корабль. Я злился на тебя за то, что ты злилась на меня, но корабль отговорил меня от еще больших глупостей, чем я уже наделал. Но я об этом все время думал.

Экалу, сидя за столом, застыла на месте, лицо ее было непроницаемо, как у вспомогательного компонента.

Сеиварден знала, что это могло означать, но не ждала, пока Экалу что-нибудь скажет.

— Я об этом думал, и я так и не понимаю до сих нор, почему мои слова так тебя обидели. Но мне и не нужно. Тебя это обидело, и, когда ты сказала об этом, мне следовало извиниться и перестать говорить так. И может быть, потратить некоторое время, чтобы попытаться понять.

Вместо того чтобы настаивать на том, чтобы ты управлялась со своими чувствами, как мне удобно. И я хочу сказать, что мне очень жаль.

Сеиварден не могла видеть реакцию Экалу на свои слова, поскольку она сидела совершенно неподвижно. Но корабль — мог. И я могла.

Сеиварден произнесла:

— И еще я хочу сказать, что скучаю по тебе. И по тому, что у нас было. Но это моя собственная глупая ошибка.

Тишина длилась пять секунд, хотя я думала, что в любое мгновение Экалу может заговорить или встать. Или заплакать.

— А также, — продолжила тогда Сеиварден, я хочу сказать, что ты прекрасный офицер. Тебя бросили на эту должность неожиданно и почти без всякой подготовки, и мне хотелось бы быть таким спокойным и сильным в мои первые неде-

ли лейтенантства.

— Ну, тебе было тогда всего лишь семнадцать, — сказала Экалу.

— Лейтенант, — посоветовал корабль Экалу в ухо, — примите комплимент.

Вслух Экалу сказала:

— Но спасибо.

— Для меня честь служить с тобой, — сказала Сеиварден. — Благодарю за то, что нашла время меня выслушать. — Она поклонилась и вышла.

Экалу сложила руки на столе и опустила на них голову.

О, корабль! — произнесла она с отчаянием в голосе. — Ты сказал ей что-нибудь из этого?

— Я помог немного с формулировками, — ответил корабль. — Но это была не моя идея. Она на самом деле так думает.

— Тогда это была идея капитана флота.

— На самом деле нет.

— Она так красива, — сказала Экалу. — И так хороша в постели. Но она такая… — Замолкла, услышав шаги Этрепа Шесть в коридоре.

Этрепа Шесть заглянула в дверь кают-компании, увидела своего лейтенанта, опустившего голову на стол. Сопоставила это с возвращением Сеиварден по коридору. Вошла в кают-компанию

и стала готовить чай.

Не поднимая головы, Экалу безмолвно сказала:

— Если бы я позвала ее, она бы пришла?

— О да, — ответил корабль. — Но на вашем месте я бы дал ей потомиться некоторое время.

Глава 13

Тайзэрвэт пришла ко мне повидаться за несколько часов до нашего выхода из шлюзового пространства в систему Атхоек.

— Сэр, — сказала она, стоя у двери в моей каюте, — я направляюсь к переходному шлюзу.

— Да. — Я стояла, чувствуя себе несколько увереннее на протезе, чем днем раньше. — Будете чаю?

Пять ушла с поручением, но чай уже был приготовлен в термосе на стойке.

— Нет, сэр. Я не уверена, что на это есть время. Я просто хотела… — Я ждала. Наконец она сказала: — Я не знаю, чего хотела. Нет. Подождите. Знаю. Если я не вернусь, вы… семье той, другой Тайзэрвэт… вы не скажете им, что с ней случилось, ведь нет?

Шансы на то, что у меня когда-нибудь появится возможность сказать что-нибудь семье Тайзэрвэт, были мизерны, практически отсутствовали.

— Конечно же нет.

Она с облегчением сделала глубокий вдох.

— Потому что они такого не заслуживают. Я

знаю, что это звучит глупо. Я далее не знаю их. Не считая того, что я очень много знаю о них. Я просто…

— Это не глупо. А совершенно понятно.

— Да? — Опустив руки в перчатках по бокам, она сжала кулаки. Разжала их. — А вот если я вернусь. Если я вернусь, сэр, вы разрешить врачу изменить цвет моих глаз на более приемлемый?

Эти глупые сиреневые глаза, которые прежняя Тайзэрвэт купила для себя.

— Если вам хочется.

— Такой глупый цвет. И каждый раз, как я вижу себя, это напоминает мне о ней. — О той старой Тайзэрвэт, предположила я. — Они мне не подходят.

— Подходят, — сказала я. — Вы родились с глазами этого цвета.

Ее губы задрожали, и слезы наполнили глаза. Я добавила:

— Но какой бы другой цвет вы ни выбрали, он тоже будет вашим. — Это не помогло ей сдержать слезы. — Так или иначе, — добавила я, — все будет в порядке. Ваши препараты действуют?

— Да.

— Ваши Бо знают, что им нужно делать. Вы знаете, что вам нужно делать. Теперь ничего не

остается, как сделать это.

— Я забываю, что вы можете все видеть. — Видеть все чувства, ее реакции, как мог корабль. Как корабль мог показать это мне. — Я забываю, что вы можете смотреть прямо в меня, а затем, когда вспоминаю, я просто… — Она умолкла.

— Я не смотрю, — сказала я, — в последнее время стараюсь не смотреть. Но мне не нужно смотреть сейчас. Вы не первый молодой лейтенант, которого я встретила, знаете ли.

Она коротко, хрипло выдохнула.

— В этом было столько смысла. — Она засопела. — Казалось таким верным, когда я об этом подумала. А теперь кажется невозможным.

Так оно и бывает, — заметила я. — Вы уже это знаете. Вы уверены, что не хотите чаю?

Уверена, — сказала она, вытирая глаза. — Я направляюсь к переходному шлюзу. И я терпеть не могу писать в скафандр.

Я сказала строго:

— Выпрямитесь, лейтенант, и вытрите лицо. Она вытянулась и отвела плечи назад. Снова потерла глаза руками в перчатках. — Сеиварден идет.

— Сэр, — сказала она. — Я понимаю насчет вас и лейтенанта Сеиварден. На самом деле. Но

неужели она должна быть такой снисходительной задницей?

— Наверное, нет, — сказала я. Открылась дверь, и вошла Сеиварден. — Свободны, лейтенант.

— Сэр, — сказала Тайзэрвэт и повернулась, чтобы идти.

Сеиварден усмехнулась ей.

— Готова отправиться, детка?

— Никогда, — сказала Тайзэрвэт, глядя Сеиварден прямо в глаза. — Не называй. Меня. *Деткой.* — И большими шагами вышла из каюты.

Сеиварден приподняла брови.

— Нервы? — Ее это явно позабавило, но не обошлось и без любопытства — миссия Тайзэрвэт держалась в тайне, почти вся подготовка проходила скрытно. Не для меня и не для корабля, конечно, это было бы невозможно.

— Она не любит покровительственного отношения, — сказала я. Сеиварден в удивлении прищурилась. — Ну, и нервы — тоже.

Она снова усмехнулась.

Так и думал. — Ее лицо посерьезнело. — Я за пистолетом. — Я не шелохнулась. — Если бы не нога, Брэк, ты была бы лучшей для твоего замысла и тебе не пришлось бы никому отдавать пистолет.

— Мы уже говорили про это. С тобой. С кораблем. — С врачом.

«Я знаю, как будет, — сказала она. — Ситуация накалится, и вы забудете о том, что нога не выдержит сильного напряжения. Или вы будете это помнить, но вам станет все равно».

И если бы дело было только во мне, я бы отправилась сама. Но теперь речь идет не только обо мне.

— Если ты потеряешь пистолет, я, вероятно, не проживу достаточно долго, чтобы тебя простить. — Я могла бы отправить Сеиварден на базу Атхоек с обычным оружием. Но пистолет Пресгер даст ей наилучшую возможность убить Анаандер, в броне или без нее, с охраной из вспомогательных компонентов или без. Если она потерпит неудачу и лишится пистолета, если Анаандер в конце концов овладеет им, результаты могут быть катастрофическими.

Сеиварден криво улыбнулась.

— Я знаю.

Я повернулась, открыла крышку скамьи, что была за мной, достала коробку с пистолетом. Поставила ее на стол и открыла. Сеиварден протянула руку и вынула кусок черноты в форме пистолета. Извлеченная из коробки, эта вещь

тут же слилась но цвету с коричневой перчаткой лейтенанта.

— Осторожно с ним, — предупредила я, хотя мы уже говорили об этом раньше. — Переводчик Зейат сказала, что он был создан для уничтожения радчаайских кораблей. Проникновение на один и одиннадцать сотых метра — лишь побочный эффект. Применяй его осторожно.

— Тебе не нужно напоминать мне, — сказала она, убрав пистолет в куртку и вынув из коробки два магазина.

— Если «Меч Гурата» действительно пристыкован к базе Атхоек, ты же не захочешь пробить его тепловой щит?

Группа Сеиварден собиралась за той юной Анаандер Мианнаи. Мы не узнаем, где находится тиран, пока база (как мы надеялись) нам не скажет. Я думала, что она, скорее всего, либо во дворце губернатора, либо — на борту «Меча Гурата».

— Я понимаю. — Голос Сеиварден был спокойным. — Послушай, Брэк… Мне жаль, что иногда я — такое ничтожество. Мне жаль, что единственный лейтенант, что у тебя остался, — именно тот, которого ты никогда особенно не любила.

— Все в порядке, — солгала я.

— Нет, — сказала она. — Но так уж вышло.

С этим действительно спорить не приходилось.

— Не валяй дурака.

Она улыбнулась.

— Ты придешь поговорить с нами, прежде чем мы отправимся? Мы проведем сейчас последнюю проверку оснащения и выйдем на корпус.

— Я собиралась. — Закрыла коробку, оставила ее на столе и направилась к двери. Когда я проходила мимо Сеиварден, она потянулась к моей руке. — Мне не нужна помощь при ходьбе, — сказала я.

— Просто показалось, что ты пошатнулась, сказала она извиняющимся тоном и последовала за мной в коридор.

— Просто протез приспосабливается к растущей ноге. — Я никогда не знала, когда он это сделает. Еще одна причина, по которой я не могла идти с ним в бой. — Иногда это продолжается несколько минут.

Но больше протез меня не беспокоил, и я дошла до переходного шлюза без происшествий, даже нимало не хромая.

— Я не отниму у вас много времени, — сказала я, когда две Амаат Сеиварден, Тайзэрвэт и две ее Бо

оторвались от того, чем занимались, — проверки клапанов своих скафандров — и повернулись. — Полагаю, мне нужно было бы выступить перед вами с некоей мотивационной речью, но у меня таковой нет, и, кроме того, вы заняты. Возвращайтесь невредимыми.

Я хотела сказать кое-что еще Тайзэрвэт и ее Во, но, поскольку слушали Сеиварден и ее Амаат, было бы рискованно даже намекнуть на то, что планировалось сделать. Вместо этого я положила руку в перчатке на плечо Тайзэрвэт.

— Есть, сэр, — сказала она. Никакого следа былых слез в голосе. — Ясно, сэр.

Я опустила руку. Повернулась к Сеиварден и ее Амаат.

— Есть, сэр, — сказала Сеиварден. — Мы вернемся.

— Хорошо, — сказала я. — Занимайтесь своим делом. — Снова посмотрела на Тайзэрвэт и ее Бо. — Я полностью уверена во всех вас. — Повернулась и оставила их заниматься проверкой клапанов и карабинов креплений.

Экалу была на вахте в командной рубке. Когда я вошла, она поднялась с единственного кресла.

— Сэр, — сказала она, — доложить не о чем.

Конечно. Мы все еще находились в шлюзовом

пространстве. Снаружи корабля не было видно пи зги, и так будет продолжаться, пока мы не выйдем из шлюза в системе Атхоек.

— Сядьте, лейтенант, сказала я. — Я здесь не для тога, чтобы принять вахту. — Мне просто не хотелось сидеть в своей каюте и нить чай. — Я прекрасно чувствую себя стоя.

— Разумеется, капитан флота, — сказала Этрепа Четыре у пульта. — Но мы все будем чувствовать себя лучше, если вы сядете. Прошу вашего великодушного снисхождения, сэр. — Нет, не Этрепа Четыре, которая никогда бы не заговорила так со мной и которая сейчас запаниковала до тошноты от того, что это сделала.

— Честно, корабль.

— Честно, капитан флота. — У Этрепа Четыре слегка закружилась голова от облегчения при виде моей реакции. И все же ее подташнивало. — События начнутся нескоро, с таким же успехом можете и посидеть.

Лейтенант Экалу взялась за рукоятку рядом с креслом.

— Я собиралась просить чаю, сэр.

— Я прекрасно чувствую себя стоя, — сказала я, садясь в кресло.

— Да, сэр, — сказала Экалу. Ее лицо было лише-

но всякого выражения.

Через два часа мы вышли из шлюзового пространства в систему Атхоек. На кратчайшее мгновение, которого «Милосердию Калра» было достаточно, чтобы бросить взгляд на движение вокруг базы Атхоек. Удушливо плоская даже-не-черная тьма исчезла, и возник настоящий космос: внезапная, цельная глубина. Свет, и тепло, и все вдруг реальны, база Атхоек сияет в солнечном свете, сам Атхоек, приглушенно-белый с голубым, а затем это исчезло, стертое удушающей плоскостью шлюзового пространства. Сеиварден и ее Амаат, Тайзэрвэт и ее Бо, уже снаружи, на корпусе, в скафандрах, пристегнутые, в ожидании, вздрогнули от этой яркости, внезапно возникшей и так же внезапно исчезнувшей.

— Ох! — выдохнула Амаат Два. Что-то в этой краткой вспышке реальности и резком возвращении в жуткую тьму вызвало у нее ощущение сбоя в дыхании. Обычная реакция. — То было…

— Я же говорил вам, что это странно, — сказала Сеиварден на корпусе корабля рядом с Амаат Два. Неужели я здесь единственный, кто делал это раньше? Ответа не было.

Ну, помимо капитана флота, разумеется. И корабля. Они точно делали.

Мы делали. Пока Сеиварден говорила, корабль сравнивал то, что он только что увидел вокруг базы Атхоек, с тем, что, по нашим данным, должно было там находиться в соответствии с различными расписаниями и разрешениями на полеты, о которых мы знали. Рассчитывал, что и где окажется через короткий промежуток времени.

— Одиннадцать минут и три секунды, — сказала Этрепа Четыре позади меня в командной рубке. Проговорил корабль в уши солдат, ожидавших на корпусе.

Уровень адреналина подскочил, частота пульса взлетела у всех них. Сеиварден усмехнулась.

— Я не знал, что мне этого не хватало, — сказала она. — Хотя ужасно тихо. Капитан флота обычно все время пела.

— Обычно? — спросила Амаат Два, и все рассмеялись коротко и напряженно.

Зная, что вскоре они окажутся вне досягаемости «Милосердия Кадра», без всякого представления о том, когда и куда мы сможем за ними вернуться, Только Тайзэрвэт знала, почему и сколько это могло продлиться. Именно ей требовалось время для работы.

— Тогда капитана флота было гораздо больше, — сказала Сеиварден. — И голос у нее был

лучше. Голоса.

— Мне нравится голос капитана флота, — отозвалась Бо Три. — Сначала — нет, но потом, думаю, я привыкла.

— Да, — подтвердила Тайзэрвэт.

Амаат Четыре сказала:

— Лейтенант, надеюсь, вы не ожидаете, что мы будем петь следующие десять минут.

— О, мне правится эта идея! — воскликнула Сеиварден. Ее Амаат и Бо Тайзэрвэт застонали. — Нам следовало выбрать какую-нибудь песню заранее и отрепетировать ее. С раскладкой на партии, как это делала обычно капитан флота. — Она запела:

Я шагал, я шагал,

Когда встретил свою любовь,

Я по улице шагал,

Когда встретил свою настоящую любовь.

Или попыталась. Мелодия в основном звучала верно, но слова были не на радчааи, и прошли десятилетия — субъективно — с тех пор, как она слышала эту песню в моем исполнении. То, что Сеиварден запомнила из слов песни, оказалось сущей бессмыслицей.

— Это песня капитана флота? — спросила Тай-

зэрвэт. — Не думаю, что я когда-либо слышала, как она ее пост.

— Я слышала, — отважилась вставить Бо Три, — что, когда ее втянули внутрь, знаете, на другой день, она была полумертвой и тем не менее пыталась петь.

— Я в это верю, — сказала Сеиварден. — Мне нетрудно представить себе, что, если бы она думала, что вот-вот умрет, она бы выбрала для этого момента песню. — Две секунды тишины. — Помните, что я вам говорил про карабины креплений. У нас будет не много времени, когда мы снова выйдем из шлюзового пространства.

Мы не хотели, чтобы нас заметили, не хотели, чтобы кто-нибудь на базе — за исключением базы — заподозрил, что могут появиться солдаты с «Милосердия Кадра». МЫ прибудем в систему Атхоек как можно ближе к базе, на кратчайшее мгновение, даже не на секунду, а затем, как только Сеиварден, Тайзэрвэт и их солдаты отделятся, мы снова исчезнем. — Поэтому, как только получите приказ, отстегнитесь и оттолкнитесь, как мы тренировались. Если упустите момент, если карабин не расстегнется или что-то еще, не пытайтесь догнать. Просто оставайтесь на месте.

Последовал ответ хором:

— Есть, сэр.

— Если вы оттолкнетесь не в тот момент и не доберетесь до базы, корабль, вероятно, не сможет нас подобрать. Я видел, как это случалось.

Все они слышали это снова и снова в последние несколько дней.

— Интересно, — сказала Бо Три, — выбирает ли капитан флота песню заранее. Знаете, так, чтобы, если она неожиданно окажется в опасности, ей не пришлось бы беспокоиться о том, какую спеть.

— Не удивилась бы, если так и есть, — ответила Тайзэрвэт.

— Две минуты, — сообщил корабль, который все это время вел отсчет в ноле их зрения.

Сеиварден сказала:

— Я думаю, у нее много песен, они просто вроде как выходят из нее сами по себе. — Тишина. Затем: — Хорошо, одна минута. Возьмитесь за свои карабины и будьте готовы двинуться.

Это был в некотором смысле самый опасный момент всего предприятия. Даже не считая риска неверно рассчитать отправление и оказаться затерянным и дрейфующим где-то невообразимо далеко от судна или любого вида помощи, оставался также вопрос: верно ли корабль рассчитал свой краткий выход в реальную вселенную? В

том месте, где мы покинем шлюзовое пространство, могло оказаться что угодно: маленькое, как спасательный отсек, или большое, как грузовое судно. Хотя маловероятно, чтобы корабль упустил в своих расчетах транспортник, все же это было возможным. И даже спасательный отсек представлял бы собой опасность для солдат в скафандрах, вне защиты корабельного корпуса. Или всегда существовала вероятность, что кто-то может увидеть, как мы промелькнули в систему и назад, и ожидает нас.

— По счету, — сказала Сеиварден, хотя, конечно, цифры уже скакали в поле зрения каждого. — Пять. Четыре. Три. Два. Один. Пошли!

Я ощутила тот миг, когда все шестеро оттолкнулись от корпуса.

Свет. Шестеро солдат «Милосердия Кадра» поплыли к базе Атхоек, внезапно оказавшейся в считаных метрах от нас, участок клапанов и трубопроводов, о котором никто никогда далее не думал, за исключением эксплуатационной службы базы. Но Бо Три не справилась с карабином, оттолкнулась, но только натянула свою привязь. Она подтащила себя назад и снова взялась за карабин.

— Замри! — крикнула я ей. Вслух.

В этот миг база Атхоек исчезла, так же как и остальная вселенная, Сеиварден, и Тайзэрвэт, и другие. Мы снова оказались в шлюзовом пространстве.

— Бо Три не справилась с карабином, — сказал корабль пораженным Этрепа в командной рубке. — Но она в порядке, она еще здесь.

Мы не узнаем, удалось ли другим безопасно добраться до базы, пока не выйдем из шлюза в систему в следующий раз.

По крайней мере, их оснащение было распределено на троих — Тайзэрвэт и Девять не испытают серьезных затруднений, если у них не будет того, что несла на себе Три.

— Все в порядке, Бо, — сказала я, на сей раз — беззвучно.

Она все еще держала руку на карабине крепления, еще висела снаружи корабля. Пристыженная. Объятая ужасом. Злая на себя и на меня.

— Да у меня самой так много раз случалось. — Ложь: за две тысячи лет как Один Эск «Справедливости Торена» я только дважды не справилась с карабином. — И у тебя потом уже не получилось бы, Будь я на твоем месте, и то не сумела бы двигаться достаточно быстро. — Еще одна ложь — я была вполне уверена, что смогла бы. — Входи

внутрь, вылезай из скафандра, выпей чаю.

— Капитан флота, — сказала Бо Три. Я подумала, что это подтверждение, так же, очевидно, думала и сама Три, но где-то между слогами ее слова превратились в протест. — Она просто ребенок, сэр!

Бо имела в виду Тайзэрвэт.

— С ней Девять, Бо. Девять не оставит ее ни за что на свете. Ты ведь это знаешь.

Уровень адреналина у нее был высоким, сердце колотилось — от всего, что произошло в это мгновение, от ожидания того, что они планировали сделать на базе. От неожиданного, ужасающего рывка ее привязи, от моего резкого приказа замереть. От ее злости на саму себя за то, что не сумела остаться с Тайзэрвэт.

— Все в порядке, Три. Входи внутрь.

Бо Три закрыла глаза. Сделала два глубоких вдоха. Снова распахнула глаза и стала двигаться к переходному шлюзу. Я вернула внимание в командную рубку. К Экалу, которая по-прежнему стояла рядом с моим креслом, крепко стиснув рукоятку. Ее лицо было лишено всякого выражения по привычке, оставшейся с тех времен, когда она служила на этом корабле простым солдатом. Она была почти так же расстроена, как Бо Три, которая влезала сейчас в переходный шлюз, но Экалу

страдала явно по другим причинам. Я связалась с кораблем, чтобы увидеть то, что видела она.

За то очень короткое время, что мы оставались рядом с базой Атхоек, корабль собрал максимум информации. Вид базы с той точки, где находились мы, данные новостных каналов базы, все, что он смог вобрать в себя, В ту минуту Экалу смотрела на базу Атхоек. Этот вид мы не могли наблюдать с места, где вошли в шлюз, — корабль взял его откуда-то еще. Оттуда, где мы побывали, не видно Садов. Мы намеренно избежали этого, потому что не хотели, чтобы кто-нибудь в Садах, подняв взгляд в нужный момент, мог нас заметить.

Но, как оказалось, заботиться об этом не было нужды: в Садах не осталось ни души. На прошлой неделе Сеиварден и ее Амаат пробили в куполе дыру, чтобы вытянуть оттуда меня, Тайзэрвэт, Баснаэйд и Бо Девять, пока мы не задохнулись. Ту дыру залатали, но, конечно, она нуждалась в более тщательном ремонте. Сейчас же, казалось, та заплата не выдержала. Шов на месте ее крепления разошелся. Под куполом все было выцветшим и мертвым. Похоже, что-то врезалось в него прямо в самом слабом месте.

Экалу смотрела на меня, по-прежнему потря-

сенная, в ужасе.

— Что произошло?

— Моя догадка, — сказала я, — это недостающий челнок. — Она явно не поняла. — Помните расписание челноков, которое прислала нам недавно база? Мы решили, что там не хватало пассажирского челнока.

— О! — До нес дошло. На миг я подумала было встать, чтобы Экалу могла сесть в кресло. — О, сэр! О нет, сэр. «Меч Гурата» получил от базы расписание пассажирских челноков, но не проверил, все ли челноки в действительности находятся там, где должны быть, прежде чем уйти в шлюз. Они… если челнок оказался у них на пути, когда они выходили из шлюзового пространства, сэр… если они врезались в него, сэр…

— Тот челнок опаздывал примерно в половине рейсов. О чем, конечно, ни «Меч Гурата», ни его капитан никак не могли знать.

Экалу закрыла глаза. Снова открыла их, вспомнив, как подумалось мне, что формально она здесь на вахте, что она должна держать себя в руках.

— К счастью, — продолжила я, — или отчасти — к счастью, Сады были закрыты для публики.

И хорошо, что я потребовала, чтобы секцион-

ные двери Подсадья починили. Уровень один Подсадья был сейчас, вероятно, разгерметизирован, но секции вокруг него и уровни под ним должны оставаться в порядке, их безопасность обеспечили именно те секционные двери, что автоматически закрылись, когда упало давление. В сложившейся ситуации некоторые рабочие-садоводы вполне могли погибнуть. Не Баснаэйд, потому что в противном случае не было бы смысла вносить ее в список лиц для переселения вниз.

— Все экипажи челноков, с которыми я встречалась, казалось, следовали правилам техники безопасности. — В противном случае я бы переговорила с их начальством. — Вполне возможно, что не все, находившиеся на борту того челнока, погибли. — Эта мысль не улучшила настроение Экалу — челнок мог перевозить более пятисот человек. — Но теперь мы знаем, почему никто, как кажется, ничего не сказал тирану ни о Садах, ни о Подсадье. До тех пор, пока они не будут вынуждены это сделать. Она прибывает сюда, заявляя, что представляет собой истинную власть, которая, как известно каждому гражданину, воплощает беспристрастную и добродетельную заинтересованность в процветании и пользе для

всех своих граждан, и случайно убивает целый челнок народу. — Убила бы и многих граждан, наслаждавшихся Садами, если бы не те беспорядки, что учинила здесь на прошлой неделе я со своим экипажем.

Неудивительно, что Анаандер так раздражала та очередь жителей на главной площади. Неудивительно, что никто не хотел напоминать ей о той катастрофе, которую она устроила просто своим прибытием на базу. Неудивительно, что даже намека на это не прозвучало по официальным новостным каналам.

— Но почему они не отремонтировали купол? — спросила Экалу. — Он выглядит так, будто они даже и не начинали.

— Из-за комендантского часа, сказала я. Только жизненно необходимый персонал. Помните?

А у ремонтников есть семьи, с кем они, вероятно, обсуждали бы то, что увидели, а у членов семей есть друзья и знакомые, с которыми они говорили бы, даже просто получая скел в общественных столовых.

— Это еще не все, капитан флота, сказала Этрепа Четыре. Сказал корабль. — Взгляните на то, что *показывают* по официальным новостным каналам.

Когда мы уходили в шлюз из Призрачной системы, но новостным каналам лился непрерывный поток предупреждений обо мне и осуждений меня и моих приспешников. Но очевидно, база вернулась к показу своим обитателям информации из камер наблюдения. У нас имелся только короткий образчик, чуть более минуты видеокадров главной площади базы. Она должна была пустовать с учетом комендантского часа, но вместо этого посреди открытого пространства сидели рядами граждане. Сотни две людей, просто сидящих. Многие из них были ичана, некоторые — обитатели Подсадья, другие — нет. Но там находились также и ксхаи, включая верховного жреца Таинств. А кроме того, садовод Баснаэйд. И гражданин Юран.

И несомненно, причиной того, что база влезла в официальные новости, были двадцать вспомогательных компонентов, стоявшие вокруг рядов сидевших граждан. Сиявшие серебром брони, с оружием в руках.

Я уже видела такое прежде. Внезапно меня накрыло воспоминание о влажной жаре. Запахе болотной воды и крови. Я обнаружила, что встала, не осознавая этого.

— Конечно, они сделали это. *Конечно.*

Обитатели базы не сидели спокойно в ожидании, когда их спасет «Милосердие Кадра». И база, должно быть, помогла им собраться, помогла обойти патрули службы безопасности и вспомогательных компонентов «Меча Гурата», которые обеспечивали комендантский час, введенный тираном. По-другому они не смогли бы сделать это. Не так много людей.

Это явно был организованный протест. И «Меч Гурата» навел свои винтовки, а база сделала единственное, что могла, для защиты своих обитателей, единственное, что сработало, или казалось, что сработало, всего лишь несколько дней назад, обеспечила, чтобы все знали, что именно происходит.

Все это никак не могло успокоить разозленную и раздраженную донельзя Анаандер Мианнаи. Что она предприняла в ответ? Что происходило в ту самую минуту с людьми на площади? Но мы ничего не могли с этим поделать. Даже узнать не могли, пока не вернемся из шлюзового пространства в систему Атхоек.

Мы не знали, сколько понадобится времени Сеиварден и Тайзэрвэт, чтобы сделать — или попытаться сделать то, ради чего они отправились на базу. «Милосердие Калра» мог снова выйти из

шлюзового пространства, чтобы мы получили информацию. Но нас могли засечь, а мы хотели, чтобы все на базе Атхоек и все в системе считали, что мы исчезли. От этого могли зависеть жизни Сеиварден и ее Амаат, Тайзэрвэт и Бо Девять. Потому нам предстояло провести следующие несколько дней в шлюзовом пространстве.

Мне незачем было оставаться в командной рубке. Оттуда, где я находилась, я ничего не могла сделать, чтобы как-то изменить ситуацию. Я всерьез подумывала о том, чтобы вернуться в свою каюту и немного поспать, но вряд ли смогла бы долго оставаться в неподвижности, зная, что пятеро из моего экипажа исчезли, что, свяжись я с кораблем, я не смогла бы их обнаружить. Поэтому я отправилась в кают-компанию.

На столе были разложены фрагменты того нотайского чайного сервиза из стекла с золотом, а «Титанит» и Калр Пять сидели друг против друга, с одной стороны от них лежал и набор инструментов и клеящих веществ. Уже было сложено нечто, похожее на изогнутый ободок чашки. Когда я вошла, Пять с виноватым видом вскочила с места.

— Пет, продолжайте то, что делаете, — сказала я. — Итак, все же, думаете, это снова можно собрать?

— Может быть, — сказал «Титанит» и, выбрав кусочек синего стекла, положил его рядом с другим. Стал их рассматривать.

— Как ее звали? — спросила я. — Капитана, которому принадлежал этот сервиз?

— Минаск, — ответил «Титанит». — Минаск Ненкур.

Пять подняла взгляд от фрагментов, которые она совмещала.

— Ненкур!

Во всем Радче лишь несколько фамилий старше, — сказал «Титанит». — Вы, конечно, знаете это имя из отвратительного фильма, претендующего на достоверный рассказ о битве при Иайт-два. Арит Ненкур, которую оклеветала эта пародия, была матерью капитана Минаск. Это, он указал на россыпь синих и зеленых осколков и кусочков золота, — она подарила дочери, когда капитан Минаск получила звание.

— И стала командовать тобой, — догадалась я.

— Да, — подтвердил «Титанит».

— Неудивительно, что ты удалил имя, — заметила я.

— А что произошло? — спросила Пять.

— Конечно, это было сражение. — В голосе «Титанита» прозвучала капелька сарказма, будто

Пять задала смехотворно глупый вопрос. Если Пять и услышала это, она осталась невозмутимой. Вероятно, уже привыкла к «Титаниту». — Капитан Минаск сдалась. Я оказался сильно поврежден. Все, кроме моего капитана и одного из лейтенантов, были мертвы. Мы больше не могли сражаться. Но когда на борт высадились силы Узурпатора, они принесли с собой процессорное ядро ИИ.

— О нет! — воскликнула Пять в ужасе.

— О да, — сказал «Титанит». — Как корабль я представлял собой ценность. Но не как я — они предпочитали собственный, более послушный ИИ. «Вы обещали, что пас пощадят», — сказала капитан Минаск. «Именно так и будет, — ответил лакей Узурпатора. — Но неужели вы думаете, что мы отправим корабль на свалку?» — Он опустил фрагменты сервиза, которые держал в руках. — Она была очень смелой. Но поступила глупо в тот день. Иногда я жалею, что она решила биться за меня, тогда она могла бы прожить дольше. Но тогда я думаю о том, вправду ли они намеревались сохранить ей жизнь или все равно собирались застрелить и просто сказали, что пощадят нас, чтобы капитан Минаск сдалась прежде, чем я получил столько повреждений, что меня уже

нельзя было бы использовать.

— Как ты удрал? — спросила я.

Не спросила, как он избавился от солдат тирана. Я с ходу была способна представить несколько методов, как «Титанит» мог это сделать, особенно если его не волновало, кто на борту должен выжить, а кто — умереть. Глупо застрелить капитана, находясь на борту корабля, еще не взятого под контроль.

— Это было ноле битвы, — ответил «Титанит». — Повсюду корабли входили в шлюзовое пространство и выходили из него. А мои двигатели все еще кое-как работали. Я только не мог создавать собственных шлюзов. Но я подумал: может, я смог бы оставаться в шлюзовом пространстве, если бы мне удалось туда попасть. Я двинулся, и тут, по божьей милости, возле меня открылся шлюз — надеюсь, я основательно повредил корабль Узурпатора, который из него вышел, — и я нырнул в него. У меня не было никакой возможности рассчитать свой путь и почти никакого контроля нал тем, где выйти.

— И ты оказался здесь, — закончила я за него.

— И я оказался здесь, — согласился он. — Я мог попасть кое-куда, где гораздо хуже. Несомненно, с некоторыми из близких мне кораблей так и

вышло.

Наступила тишина. Калр Пять встала, подошла к стойке, где уже стоял термос с чаем, налила чашку. Принесла ее «Титаниту», поставила возле его правого локтя. Снова села на свой стул. «Титанит» посмотрел на чай. Поднял чашку и выпил. Вернул ее на стол. Взял два других синих осколка и принялся их рассматривать.

— Капитан флота! — В кают-компанию вошла переводчик Зейат. Посмотрела на стол. — О! Наша игра выглядит сегодня совершенно по-другому!

— Она еще упакована, переводчик, — сказал «Титанит». — Это чайный сервиз.

— А! — Выбросив его из головы, переводчик опять повернулась ко мне. — Капитан флота, я надеюсь, что там, куда мы направляемся, есть рыбный соус.

— Должна признаться, переводчик, — сказала я, — что, как бы сильно мне ни хотелось удовлетворить ваше желание, сейчас мы вовлечены в войну. Войска противника в настоящее время держат под контролем базу Атхоек, и, пока это не изменится, боюсь, у меня не будет доступа к рыбному соусу.

— Ну, капитан флота, приходится сказать, эта ваша война — сплошное неудобство.

— И правда, — согласилась я. — Переводчик, могу я задать вам вопрос?

— Разумеется, капитан флота! Она села в кресло рядом с «Титанитом».

— Это не для еды, — сообщил «Титанит».

Переводчик Зейат состроила гримаску, а затем вернула внимание ко мне.

— Вы хотели что-то узнать?

— Переводчик, ходят слухи… — я решила изменить формулировку, — немало людей искренне верит, что Пресгер проникли в лорда Радча. Что они захватили контроль над ее частями, чтобы уничтожить Радч. Или уничтожить человечество.

— О, что вы, нет, капитан флота. Нет, это было бы совершенно не забавно. Прежде всего потому, что нарушило бы договор. — Она нахмурилась. — Подождите! Итак, если я понимаю вас правильно к сожалению, нет никаких гарантий, что я понимаю вас правильно, — вы думаете, что договор, может быть, уже нарушили?

— Лично я — нет. Но некоторые люди так думают. Не хотите ли чаю? — Пять стала вставать с кресла, но я положила руку ей на плечо. — Нет, я возьму его. Он уже готов.

Переводчик Зейат испустила вздох.

— Думаю, да, поскольку рыбного соуса нет.

Я налила чашку, дала ее переводчику и села напротив нее, рядом с Кадр Пять.

— Итак, верно ли мое предположение, что Пресгер не… вмешивались в Анаандер Мианнаи?

— О нет, — ответила переводчик Зейат. — Прежде всего, в этом не было бы никакой забавы. И одна из причин — в том, что, как вы сейчас выразились, *вмешиваться в Анаандер Мианнаи* не имело бы для них никакого смысла. Я не уверена даже, как передать эту мысль, появись такая необходимость. Я даже не уверена, что сама понимаю, что вы имеете в виду. Кроме того, если бы имелось реальное намерение нарушить договор, реальное желание уничтожить Радч или человечество в целом — понимаете? *Я* знаю, что это не одно и то же, но *они* не знают. Но, как я сказала, если бы они захотели уничтожить Радч, даже невзирая на договор, это было бы сделано наиболее увлекательным и приносящим удовлетворение способом. А я подозреваю, мне не нужно рассказывать вам по крайней мере о некоторых вещах, какие обычно развлекают и удовлетворяют в той части вселенной, так ведь? Или по меньшей мере, как это воздействует на вовлеченных людей?

Нет, переводчик, не нужно.

— И тогда, как я на самом деле сказала, *даже невзирая на договор,* факт остается фактом: договор очень важен. Нет, они не станут нарушать договор. Если честно, меня гораздо больше беспокоит, что договор нарушат люди.

— Можно, кузина? — сказал «Титанит». Он и Пять сложили несколько фрагментов вместе и держали получившееся над центром стола. — Вот тот кусок, видишь, куда он подходит? Внутрь этого изгиба?

Я взяла крошечную кисточку, капсулу с клеем. Мазнула по внутренней грани изгиба, вставила осколок на место.

— Вам, наверное, стоит на этом остановиться, — предложила я, — дать клею застыть и добавлять сюда позже. — Я поднялась, взяла из ящика под стойкой кусок ткани, свернула его, а «Титанит» и Пять положили на него тщательно собранный фрагмент чайной чашки, и мы опустили все на стол. — Возможно, это было бы легче, будь у нас нужные инструменты.

— История моей жизни за последние три тысячи лет, — сказал «Титанит». — О ней речь. Когда лейтенанту не удастся убить Узурпатора, ты позволишь мне попытаться?

— Я подумаю над этим.

— Полагаю, кузина, что о большем, здраво рассуждая, я и просить не мог.

Глава 14

Находясь в шлюзовом пространстве, мы не могли получать данных ни от Сеиварден, ни от Тайзэрвэт, ни от Амаат Два и Четыре, ни от Бо Девять. И не было никаких гарантий, что они окажутся досягаемыми, когда мы вернемся. Поэтому каждому из них дали крошечное внешнее хранилище информации, чтобы спрятать его снаружи корпуса базы. Эти устройства станут принимать и хранить для нас информацию, которую мы сможем получить по возвращении. При условии, что они будут работать правильно, что случалось не всегда. При условии, что никто их не повредит. При условии, что никто их не найдет и не выключит либо не избавится от них каким-то иным способом.

Вот что произошло, когда «Милосердие Кадра» находился вне вселенной.

Сеиварден и двое ее Амаат осторожно шли по пыльному техническому коридору. Вооруженные и в броне, они оставили свои скафандры в переходном шлюзе, через который вошли. Ваза впустила их, а сейчас даже показывала им карту

в ноле зрения, хотя они предварительно изучили имевшиеся у нас чертежи базы. Они обменялись несколькими словами; судя по чертежам, они двигались к резиденции губернатора. Они видели новости. Заметили среди граждан, сидевших на площади, людей, которых знали, заметили вооруженные вспомогательные компоненты, наведенные винтовки. Амаат Два тихо сказала, пока они шли:

— Думаете, лейтенант Тай…

— Тихо, — сказала Сеиварден.

На борту «Милосердия Калра» все знали о страсти Тайзэрвэт к Баснаэйд.

Четыре сказала очень тихо:

— Капитан флота и лейтенант Тайзэрвэт в последнее время, кажется, сблизились.

— Неудивительно, — ответила Сеиварден. Раздраженная. Встревоженная. Понимающая, что сейчас не время это показывать. Подозреваю, что у капитана флота всегда была слабость к несчастным салагам-лейтенантам.

— Не могу представить вас несчастным, сэр, — заметила Четыре по-прежнему очень тихо.

— Я никогда таким не выглядел, — сказала Сеиварден. Удивив меня тем, что она, как казалось, нашла но крайней мере один источник своего

беспокойства, и не делая вид, что это нечто другое или что его не существовало. Быть может, потому что она еще наслаждалась столь хорошо знакомым состоянием, всплеском адреналина, перед тем как откроют огонь. — И я никогда особо не нравился «Справедливости Торена».

— Ха! — сказала Четыре. Искренне удивившись. Очень стараясь не думать о том, что было впереди.

— Наша лейтенант Бо не такая несчастная, какой казалась поначалу, — заметила Два.

— Она не несчастная, — согласилась Сеивар-ден. — С ней все будет в порядке. — На деле она отнюдь не была в этом уверена и переживала оттого, что не знала о задании Тайзэрвэт и Девять. — А теперь прекратить болтовню.

— Сэр, — отозвались Два и Четыре вместе.

Тайзэрвэт и Бо Девять двигались вдоль корпуса базы.

Не разговаривая. Новости показывались в их поле зрения, эти ряды сидящих граждан. Вооруженные солдаты в броне.

Граждане сидели спокойно, а солдаты стояли с оружием наготове.

— Выключите ото, сэр, — сказала Девять Тайзэрвэт на корпусе базы. — Нет смысла смотреть,

и вы отвлекаетесь от того, куда двигаетесь, если это включено.

— Ты права. — Тайзэрвэт выключила трансляцию.

Через двадцать минут, медленно и усердно двигаясь от ручки до ручки снаружи базы Атхоек, она сказала:

— Думаю, меня сейчас стошнит.

— Нельзя, чтобы вас стошнило в шлеме, сэр. — Девять почти удалось сдержать ужас, охвативший ее при словах Тайзэрвэт, и ее голос прозвучал почти ровно. — Это будет плохо.

— Я знаю! — Тайзэрвэт остановилась и не потянулась к следующей ручке. Сделала несколько неглубоких вдохов. — Я знаю, но не могу сдержаться.

— Вы же приняли средство против тошноты, я видела. — И затем: — Не останавливайтесь, сэр. Мы просто должны это сделать, вот и все. И вот почему. Вот почему мы должны это сделать. — Она имела в виду — я не сомневалась — то, что происходило на главной площади. — И если бы капитан флота была здесь, она бы на вас так сейчас посмотрела.

Еще два неглубоких вдоха. Затем слабым голосом Тайзэрвэт сказала:

— Ха! По крайней мере, у нас была бы музыка, чтобы послушать. — Она тяжело сглотнула. Сделала еще один вдох. Оттолкнулась вперед, к следующей рукоятке.

— Если вы называете это музыкой. — С облегчением — насколько было возможно в тех обстоятельствах — Девять последовала за ней. — Я согласна с вами, сэр, насчет привыкания к ее голосу, но некоторые песни, что она поет… Они просто странные.

– *Мое сердце — это рыбка.* — Голос Тайзэрвэт — тонкий и хриплый. Неглубокий, с трудом, вдох. — *Прячется в ежов нике.* — Еще вдох. — *В зелени.*

— Ну, эта нормальная, — признала Девять. — Хотя она засела у меня в голове…

«Меч Гурата» находился в самом конце причалов, два ближайших к нему отсека пустовали, несомненно, не только из-за его размеров. Столкновение с пассажирским челноком не нанесло кораблю никакого заметного ущерба, но, с другой стороны, его и быть не должно. Вероятно, для «Меча Гурата» это закончилось парой царапин или вмятин.

— Ладно, — сказала Тайзэрвэт, хватая ртом воздух, так как ощущение тошноты вернулось.

Она была измотана и раздражена многочасовым путешествием вокруг корпуса базы. — Пошли. — И она, и Девять стали подтягиваться к «Мечу Гурата».

До сих пор Тайзэрвэт полагалась на то, что база откажется докладывать об их с Девять присутствии. Но теперь, в зоне видимости «Меча Гурата», это их не защитит. То, что их заметят, было лишь вопросом времени — и не слишком длительного, если «Меч Гурата» вообще обращал внимание на окружающее. Тем не менее Тайзэрвэт и Девять двигались довольно медленно. Очень осторожно. Очень тщательно выбрали место на корпусе «Меча Гурата», закрепились и открыли контейнер, который все это время тащили с собой. Девять вынула мину. Протянула ее Тайзэрвэт, и та осторожно, медленно прикрепила ее к корпусу «Меча Гурата».

Примерно в это же время Сеиварден и две ее Амаат добрались до тесного и полутемного технического прохода за резиденцией губернатора. Некогда он был, вероятно, предназначен для неприметного перемещения слуг, но годами не использовался, пол покрывала пыль, и на ней — никаких следов. Значит, это не был тот черный ход, которым губернатор Джиарод приводила в

резиденцию переводчика Длайкви.

База не сказала ни слова ни Сеиварден, ни одной из ее Амаат. Она давала информацию — главным образом карты и направления — и открывала им проход. Сейчас она привела их к запертой двери в этом пыльном коридоре и показывала им то, что находилось за ней: кабинет губернатора. Кремово-зеленые шелковые шторы были полностью опущены по стенам, закрывая, окно, выходившее на главную площадь, а также, что играло им на руку, дверь, за которой стояли Сеиварден и ее Амаат. Кабинет был пуст, не считая нескольких кресел и стола. За ним стоял полутораметровой высоты штабель чего-то очень похожего на анабиозные отсеки, но, вероятно, это было нечто другое. Три штуки в штабеле — Сеиварден не могла не заметить их. С минуту поразмыслила над тем, что там такое. Слова: «Возвращается, с двумя вспомогательными компонентами „Меча Атагариса“, примерно через восемь минут, — вспыхнули в поле зрения Сеиварден. — Два вспомогательных компонента „Меча Атагариса“ дополнительно, сейчас — перед главным входом».

Сеиварден прошептала:

— База, что это за штуковины?

«Я не знаю, что вы имеете в виду», — пришел ответ в поле ее зрения.

— Те… сначала я подумал, что анабиозные отсеки. Но это не так. Или так?

«Я в самом деле не знаю, что вы имеете в виду. Приблизительно шесть минут».

Но у Сеиварден уже было достаточно данных, чтобы понять ответ базы.

— О черт! — сказала она тихо.

Амаат Два позади нее видела ту же картинку, но не пришла к тому же заключению и спросила:

— Что это?

— Это чертовы процессорные ядра ИИ, — сказала ей Сеиварден. — И база не может говорить о них.

Два и Четыре, сбитые с толку, уставились на нее.

«Приблизительно пять минут», — сообщила база.

— Ладно, — сказала Сеиварден.

Не было времени беспокоиться о процессорных ядрах ИИ. И бояться того, что через пять минут трем людям предстоит встреча с четырьмя вспомогательными компонентами, тоже было некогда. У Сеиварден имелся пистолет Прессер, и, в конце концов, существовало только одно

условие, которое требовалось соблюсти, только одна по-настоящему необходимая вещь. И они это планировали, Сеиварден и ее Амаат, надеялись, что Анаандер займет губернаторский кабинет, надеялись, что они получат именно такую возможность.

— Пора.

Сеиварден протянула руку к ручному устройству разблокирования двери, и та услужливо скользнула вбок, открыв заднюю сторону шторы, такой тяжелой, что она едва шевельнулась под воздействием движения воздуха. С двумя Амаат за спиной Сеиварден шагнула в комнату.

В контейнере, который принесли с собой Тайзэрвэт и Бо Девять, было две дюжины мин. Тайзэрвэт удалось прикрепить три из них, прежде чем из переходного шлюза за ними вышли полдюжины вспомогательных компонентов «Меча Гурата».

Тайзэрвэт и Девять сразу сдались и покорно направились к переходному шлюзу. Стояли молча, пока с них снимали скафандры, раздевали до нижнего белья и обыскивали. Ничего опасного или подозрительного у них не было. Не считая того контейнера с минами, конечно. Вспомогательные компоненты связали Тайзэрвэт и Девять

руки за спиной и заставили встать на колени на полу в коридоре. Девять была напугана, но держалась стойко. У Тайзэрвэт кружилась голова, она несколько учащенно дышала, испытывая ужас, но вместе с тем и некоторое облегчение, предчувствуя дальнейшее.

Прибыла капитан «Меча Гурата». Впилась взглядом в Тайзэрвэт и Девять. Осмотрела мину, которую показал ей вспомогательный компонент «Меча Гурата». Затем взглянула на Тайзэрвэт.

— Что это, во имя всего полезного, вы пытались сделать?

Тайзэрвэт ничего не ответила, но ее дыхание участилось.

— Эти даже не были заряжены, — сказала капитан «Меча Гурата».

Тайзэрвэт закрыла глаза.

— О, во имя любви Амаата, просто застрелите меня! Пожалуйста, прошу вас. Меня даже не собирались направить сюда. — Теперь через каждые несколько слов она хватала ртом воздух, поскольку больше не владела своим дыханием. — Меня планировали использовать в администрации, я вообще не должна была попасть ни на какой корабль. Но я должна делать то, что она говорит мне, ома же капитан. Я должна делать то, что ома

мне велит, иначе она меня убьет. — Хлынули слезы. Она открыла свои нелепые сиреневые глаза и жалобно посмотрела снизу вверх на капитана «Меча Гурата». — Но я больше не могу так, я не смогла сделать то, что она мне велела, *просто пристрелите меня*!

— Что ж, — сказала капитан. — Офисный пилот. Это многое объясняет.

Все это время Девять сохраняла бесстрастное выражение лица, но теперь на нем появилась тревога.

— Пожалуйста, сэр, прошу снисхождения у капитана, эти последние несколько недель были так ужасны, а она — всего лишь дитя.

— Особых надежд не подает, — сказала капитан. — Неуравновешенна. Корабль, доставь этих двоих в медчасть.

«Меч Гурата» схватил руку Тайзэрвэт, чтобы поднять ее с коленей. Тайзэрвэт вскрикнула, а капитан с гримасой отвращения выругалась:

— Буфера Аатр! Она обмочилась! — Если бы Тайзэрвэт тут же не перестала усиленно дышать, через полминуты она упала бы в обморок. — Но крайней мере, старайтесь вести себя как цивилизованное человеческое существо, лейтенант! О боги, великие и малые! Даже офисный пилот не

должен так себя вести.

— С… с… сэр, — выдохнула Тайзэрвэт. — П… пожалуйста, не заставляйте меня возвращаться туда. Я не могу вернуться на «Милосердие Калра», я лучше умру.

— Вы не возвращаетесь на «Милосердие Калра», лейтенант. Корабль, — это адресовалось ожидавшим вспомогательным компонентам, — отведи лейтенанта…

— Т… Тайзэрвэт, — добавила Тайзэрвэт.

— Отведи лейтенанта Тайзэрвэт в душ и вымой ее. Надень на нее какую-нибудь чистую одежду, прежде чем отвести в медчасть. А эту другую отведи в медчасть сейчас. Пусть их обеих отсоединят от «Милосердия Калра». — А затем добавила: — И, «Милосердие Калра», если ты наблюдаешь, надеюсь, что ты этим гордишься.

Два вспомогательных компонента «Меча Гурата» подняли Тайзэрвэт на ноги и отправились с ней по коридору: ее то вели, то волокли.

— Девять! — завопила Тайзэрвэт.

— Все в порядке, лейтенант, сказала сегмент «Меча Гурата». — Она просто пойдет в медчасть.

Тайзэрвэт, готовая расплакаться, открыла рот, чтобы ответить, но вместо этого всхлипнула. Обмякла на руках у Гурат Одиннадцать «Меча

Гурата», вцепилась в ее форменную куртку и зарыдала.

Это были настоящие слезы. «Меч Гурата» вряд ли не распознал бы фальшивые. И обеспокоенный крик Бо Девять, и ее стремление пробиться к Тайзэрвэт тоже были искренними.

— Скоро вы увидите ее снова, — сказала Гурат Одиннадцать, быть может — чуточку мягче, и повела ее в душ, где Тайзэрвэт окажется с «Мечом Гурата» наедине. Что и было, разумеется, самым главным, во всем этом предприятии.

А Девять повели в медчасть. Наступил следующий опасный момент — весь план строился на предположении, что на борту «Меча Гурата» нет сведущего специалиста по допросам. На «Справедливости» такой был бы почти наверняка, но на «Мечах» они редкость. Если бы на «Мече Гурата» такой присутствовал, то Девять накачали бы препаратами и игра закончилась бы.

Почти сразу после того, как Девять попала в медчасть «Меча Гурата», ее заархивированная информация кончилась, а вскоре после этого — и информация лейтенанта Тайзэрвэт.

А тем временем на базе Атхоек Анаандер Мианнаи вошла в кабинет губернатора системы. За ней — два вспомогательных компонента «Меча

Атагариса», а позади них — губернатор системы Джиарод и ее преосвященство Ифиан.

— Мой лорд, — говорила Ифиан, — с вашего разрешения, проинформирую… напомню моему лорду, что администратор Селар весьма популярна. Ее… ее удаление будет воспринято очень плохо, и не только ненадежными элементами на базе.

Молодая Анаандер не ответила, но уселась за стол. Два сегмента встали перед ней, так что губернатор Джиарод и ее преосвященство Ифиан оказались на некотором расстоянии от того места, где сидела тиран.

— А вы сами, ваше преосвященство, не имеете влияния на обитателей этой базы?

Не преосвященство открыла рот, и на мгновение я подумала, не признается ли она, что не так давно устроила собственную сидячую забастовку на главной площади, так что едва ли она могла убедительно осуждать нынешнюю. Но она снова закрыла рот.

— Я подумала, мой лорд, что имею здесь некоторое влияние. Если мой лорд желает этого, я попытаюсь с ними поговорить.

– *Попытаетесь*? — спросила Анаандер с явным презрением.

Заговорила губернатор Джиарод:

— Мой лорд, они не причиняют никакого вреда там, где находятся. Быть может, мы могли бы просто… позволить им сидеть.

— Не причиняют никакого вреда *пока*. — Голос тирана прозвучал язвительно. — Вы просто позволили этому сегменту расхаживать по базе и опрокидывать все вверх дном? Баламутить отбросы базы, подстрекать к совершению преступления ИИ?

— Мы спрашивали ее… его, мой лорд, — настаивала губернатор Джиарод. — Но она всегда давала такие разумные ответы, и события почти всегда, казалось, подтверждали ее мнение. И у нес были приказы непосредственно от вас, мой лорд. А также ваше имя. — Анаандер Мианнаи за столом не отвечала. Не двигалась. — Мой лорд, может, мы бы… возможно, мы могли бы использовать методы ка… методы того сегмента. Отослать солдат, позволить людям сидеть на площади, если им это нравится. Пока они мирно настроены.

— Вы не понимаете, — сказала Анаандер, — цели, скрытой за методами сегмента? То, что происходит там внизу, — она показала рукой в сторону широкого окна, все еще закрытого тяжелыми шелковыми портьерами, — угроза. Эта база

и угрожающее число ее жителей отказываются признать мою власть. Если я позволю им делать *это,* то что же они натворят дальше?

— Мой лорд, — предложила губернатор Джиарод, — что, если вам относиться к происходящему так, словно это отрицание *моей* власти? Вы могли бы сказать, что именно *я* отдала приказ о введении комендантского часа, и о солдатах, и даже — хотя это *была* вина Селар, — даже приказ о транспортировке. Я уйду в отставку, и тогда, мой лорд, именно вы восстановите порядок.

Анаандер рассмеялась натянуто и горько, и Джиарод и Ифиан вздрогнули.

— Я рада видеть, губернатор, что в результате всего ваши мозги не стали *совершенной* тратой органического материала.

Поверьте мне, сели бы я думала, что это принесло бы хоть чуточку пользы, я бы уже так и сделала. И может, если бы вы не позволили полубезумному вспомогательному компоненту водить вас за нос целый месяц, может, если бы вы не позволили этому сегменту *удрать* и каким-то образом умудриться уничтожить *два* из тех кораблей, что я привела с собой, включая чертов *десантно-транспортный,* который очень бы *пригодился* именно сейчас, и, может, если бы ваши

проклятые богами пассажирские челноки *ходили бы вовремя,* как они это делают повсеместно в пространстве Радча, и, может, если бы ваша база не находилась явным образом во власти *врага. Радча,* — тогда да, возможно, это что-нибудь и дало бы.

Два корабля. Уничтожены. Неудивительно, что Анаандер напугана. И, судя но всему, изнурена. Злая и удрученная, не привыкшая быть в одном теле, отрезанная от Дворца Тстур.

Анаандер продолжила:

— Нет, что мне нужно, так это восстановить контроль над базой. — Она умолкла. Прищурилась. — Тайзэрвэт? — Посмотрела на губернатора Джиарод и ее преосвященство Ифиан. — Знакомое имя. Вы говорили, что сегмент привозила на базу лейтенанта Тайзэрвэт.

— Да, мой лорд, — подтвердили Джиарод и Ифиан почти в унисон.

— Некоего лейтенанта Тайзэрвэт только что поймали за установкой мин на корпус «Меча Гурата». Ни одна из которых не была заряжена. Ее тут же схватили. А она… — Анаандер прищурилась на что-то в ее поле зрения. — Не самый острый нож в наборе, не так ли?

Пришел черед прищуриться Джиарод и Ифиан,

пытавшимся, полагаю, соотнести эту характеристику с той Тайзэрвэт, которую они встречали. Я подумала на миг, что Ифиан что-то скажет, но она промолчала, что было кстати, и, что очень интересно, промолчал «Меч Атагариса».

— Убирайтесь отсюда! — раздраженно выпалила Анаандер.

Губернатор Джиарод и ее преосвященство Ифиан отвесили низкие поклоны и вышли так быстро, как позволяли правила приличия. Когда они ушли, Анаандер, вытянув руки, с локтями на столе, положила голову на запястья.

— Мне нужно поспать, — сказала она, как казалось, не обращаясь ни к кому конкретно. Может быть, к двум вспомогательным компонентам «Меча Атагариса». — Мне нужно поспать, и мне нужно поесть, и мне нужно… — Она осеклась. — Почему я не могу поспать пару часов без того, чтобы не разразился какой-нибудь очередной кризис? — Если она говорила с «Мечом Атагариса», тот не ответил.

Сеиварден, стоявшая за занавесом, слушала это с внезапным, пугающим, сбивающим с толку ощущением неправильности происходящего. Она знала все это время, чем мы занимались тут, на Атхоеке, сама бросила вызов Анаандер,

когда мы были во Дворце Омо. Но Анаандер Мианнаи по-прежнему оставалась единственной правительницей Радча, которую когда-либо знала Сеиварден, и ни она, ни иная радчааи даже представить себе не могли, что все может стать по-другому. И в довершение — здесь эта Анаандер была одна, усталая и подавленная. Словно она всего лишь обычный человек. Но у Сеиварден хватало опыта, чтобы знать: застревать на этих размышлениях пагубно. Она подала знак своим Амаат.

Амаат Два и Амаат Четыре, в броне, с пистолетами на изготовку, вышли из-за портьеры первыми, по одной с каждой стороны стола, за которым сидела Анаандер. Тут же каждый из вспомогательных компонентов «Меча Атагариса» поднял оружие и, развернувшись, стал стрелять в Амаат, и в кабинет влетели еще два сегмента с поднятыми винтовками.

Сеиварден расположилась напротив Анаандер, чтобы, когда сегменты «Меча Атагариса» будут отвлечены, сделать прямой выстрел в тирана. Но Сеиварден была не столь быстра, как вспомогательный компонент, и то, что она поднимала занавес, еще более замедлило ее, пусть чуть-чуть, но этого хватило, чтобы один: из вспомогатель-

ных компонентов «Меча Атагариса» оказался между Сеиварден и Анаандер, когда лейтенант выстрелила. Сегмент упала, и, прежде чем Сеиварден смогла выстрелить снова, другой сегмент, бросившись на нее, отпихнула ее назад, так что они вдвоем рухнули на портьеру.

За шторой было широкое окно, выходившее на главную площадь. Конечно, его нелегко разбить, но бросок «Меча Атагариса» оказался быстрым и мощным. Когда Сеиварден и сегмент «Меча Атагариса» упали на окно, оно вылетело из креплений и вывалилось на главную площадь метрах в шести ниже, а Сеиварден и «Меч Атагариса» следом.

Граждане внизу разбежались во все стороны, кто-то в тревоге закричал. Стекло рухнуло на землю с громким и резким звоном, Сеиварден свалилась на осколки спиной, сегмент «Меча Атагариса» — на нее с пистолетом Пресгер, который она вырвала из руки лейтенанта во время падения.

Раздались хлопки выстрелов и новые крики, а затем болезненно громко зазвучала сирена тревоги. Неожиданно на истертом белом покрытии главной площади вспыхнули ярко-красные полосы на расстоянии четырех метров друг от друга.

— Пробит корпус, — объявила база. — Освободите немедленно все секционные двери.

При звуке сирены все до единого на главной площади, включая «Меч Атагариса» и Сеиварден, которая не успела даже опомниться от падения с высоты шести метров, немедленно откатились, или отступили, или отползли от этих светящихся красных линий, и секционные двери главной площади рухнули вниз, с хрустом раздавив оконное стекло под ними.

На мгновение все, кто оказался в этой секции главной площади, замолкли, ошеломленные. Затем кто-то заныл.

— Кто ранен? — спросила Сеиварден.

Она стояла на четвереньках, возможно еще не понимая, как тут оказалась, ее броня сзади еще оставалась теплой, поглотив силу удара при падении.

— Не двигайтесь, лейтенант. — Сегмент «Меча Атагариса» навела на Сеиварден пистолет Прегер.

— Кто-то мог получить травму, — сказала Сеиварден, глядя снизу вверх на вспомогательный компонент. Она опустила свою броню. — У тебя есть аптечка или ты так и остался убогой пародией на солдата? Повысив голос, она спросила:

— Кто-нибудь ранен? — Затем обратилась к «Мечу Атагариса», который не двинулся с места: — Ладно, корабль, ты же знаешь, что я никуда не денусь с опущенными секционными дверями.

— У меня есть аптечка, ответил «Меч Атагариса».

— У меня тоже. Дай мне твою. Когда сегмент бросил аптечку под ноги Сеиварден, она сказала: — Буфера Аатр, да что с тобой не так? — Она взяла две аптечки и пошла осматривать раненых.

К счастью, обнаружилась только одна серьезная травма у человека, ногу которого придавил упавший лист стекла. Сеиварден обработала его рану, а затем, найдя у остальных девяти человек, оказавшихся в этой секции, только синяки и растяжения, швырнула оставшуюся аптечку в ноги «Мечу Атагариса».

— Я знаю, ты должен делать то, что велит тебе лорд Радча. — Сеиварден не была в курсе, что Тайзэрвэт уже сделала «Меч Атагариса» свободным, насколько это было возможно. — Но разве капитан флота не вернула тебе твоих драгоценных офицеров? Это должно чего-то стоить.

— Стоило бы, — сказал «Меч Атагариса» безжизненным голосом. — Если бы мне не понадобился целый день, чтобы разморозить моих сегментов

и снова запустить двигатели. «Меч Гурата» добрался до них раньше меня, и лорд Радча решила, что они будут ей более полезны в анабиозе.

— Ха! — Сеиварден горько улыбнулась. — Я и не сомневаюсь. Уверен, что чайный стол из Хетнис лучше, чем капитан.

— Представить себе не могу, почему у меня не прибавилось дружелюбия к тебе, — сказал «Меч Атагариса», поднимая с пола аптечку и в то же время не сводя глаз с Сеиварден.

— Извини. — Сеиварден села на стекло. Скрестила ноги. — Мне жаль, корабль. Не стоило так.

— Что? — Бесстрастно, но, как мне показалось, удивленно.

— Мне не следовало… это было неправильно. Мне не нравится капитан Хетнис, и ты это знаешь, но оскорблять ее у меня нет причин. Да еще в такое время. Особенно — для тебя.

Тишина. «Меч Атагариса» по-прежнему держал пистолет Прегер наведенным на Сеиварден, которая сидела на полу, скрестив ноги.

— Должен признать, я не понимаю, почему лорд Мианнаи не вернула тебе твоего капитана.

— Она не доверяет мне, — сказал «Меч Атагариса». — Меня слишком легко и полностью взяла под контроль «Справедливость Торена». Видя это,

лорд Мианнаи решила сделать то же самое: мне сказано, что, если что-нибудь случится с лордом Радча, все мои офицеры будут убиты. Она держит их на борту «Меча Гурата». Для сохранности, говорит. Лейтенант «Меча Гурата» временно командует сейчас мной.

— Мне жаль, — сказала Сеиварден. А потом, осознав что-то, добавила: — Подожди, а чего она так боится? Она доверяет «Мечу Гурата», чтобы он убил капитана Хетнис, если что-нибудь с ней случится, но не доверяет ему охранять ее?

— Я не знаю, и мне все равно, — ответил «Меч Атагариса». Но я не хочу, чтобы капитана Хетнис убили.

— Нет, — согласилась Сеиварден. — Конечно нет.

Наверху, в кабинете губернатора, Амаат Два и Амаат Четыре лежали лицами вниз, все еще в броне, но обезоруженные, охваченные ужасом, их руки были связаны за спиной. Прежде чем «Меч Атагариса» свалил их, они увидели вспомогательный компонент, которого застрелила Сеиварден, лежащей посреди комнаты. Амаат Два удалось выстрелить в Анаандер, но она не увидела результатов. Обе Амаат слышали, как опустились секционные двери, отрезав кабинет

от всего остального пространства до тех нор, пока база не отменит тревогу в связи с пробитием корпуса. Или пока кому-нибудь не удастся прорваться сквозь секционные двери, что вовсе не легкое дело.

— Вы ранены, мой лорд. — Незнакомый голос в ушах обеих Амаат лейтенанта Сеиварден явно принадлежал вспомогательному компоненту. «Меч Атагариса».

— Пустяки. Пуля прошла сквозь руку. — Голос Анаандер Мианнаи был напряжен от боли. — Как, черт побери, это случилось, «Меч Атагариса»?

— Я бы предположил, мой лорд… начал «Меч Атагариса».

— Нет, дай-ка я угадаю. Ты никогда не видел ту дверь отворенной. Не мог открыть ее, когда попросил базу ее отпереть. Входы в тот задний коридор все заперты. Базой. Я сама глупо доверяла тому, что считала своим контролем над базой.

Звук рвущейся ткани.

— Не будете ли добры позволить мне снять вашу куртку, мой лорд?

Несмотря на охвативший ее ужас, а возможно, благодаря ему, Амаат Четыре не обратила внимания на раздавшийся смех, она узнала звук открываемой аптечки. Два сказала очень тихо:

— О, *теперь* ты носишь аптечки.

— Есть несколько способов, которыми я могла бы убить тебя. — Это голос другого сегмента, раздавшийся ближе к двум Амаат, чем тот, что говорил с лордом Радча. Очень тихо: — В броне или нет.

— База! — Анаандер либо не обращала внимания на этот обмен репликами, либо не слышала его. — Хватит игр. Ты меня слышишь?

Тишина длилась секунды три, а затем база сказала:

— Я была вполне довольна, пока ты не стала угрожать моим жителям.

Внизу, на площади, стоя на оставшейся секции окна кабинета, «Меч Атагариса» сказал, не сводя пистолета с Сеиварден:

— Кажется, база кончила притворяться.

— Это не я угрожала, база! — В голосе Анаандер звучали недоверие и злость. — Я старалась обеспечить безопасность твоих жителей. Старалась, чтобы все здесь было спокойно и под контролем, после того как вспомогательный компонент тут так набаламутила. А потом… — Пауза. Возможно, она сделала какое-то движение рукой, но Амаат могли видеть только коричневые, с золотой крапинкой, плитки пола. — Все это. Чего ты от

меня ожидаешь? Что я позволю толпе захватить главную площадь?

— Это не толпа, — ответила база. — Это жалоба. Граждане имеют право жаловаться администрации. — Тишина. Потом база сказала: — Капитан флота Брэк поняла бы.

— А! — отреагировала Анаандер. — Вот оно что. Но ведь это не вспомогательный компонент держит тебя под контролем. Ни при каких обстоятельствах мой враг не дал бы ей такой возможности. Итак, кто же это? И она все еще здесь? Быть может, она смогла вскрыть твой отсек центрального доступа?

— Никто не может вскрыть мой отсек центрального доступа, — сказала база. — Попробуй пробейся.

— Было бы легче уничтожить всю базу и построить снова, — ответила Анаандер. — На самом деле чем больше я думаю, тем больше мне нравится эта идея.

— Ты так не поступишь, — сказала база. — Можешь просто сдаться капитану флота. Я не собираюсь выпускать тебя из этой комнаты, ты убьешь единственный экземпляр себя в нашей системе. Что, вообще-то, интересная мысль. И чем больше я думаю, тем больше мне нравится

эта идея. Мне понадобится лишь запустить пожарозащитные системы в кабинете губернатора.

— Ты бы уже сделала это, если бы могла, — ответила Анаандер. — Может, если бы ты была кораблем. Но ты не корабль. Ты не можешь заставить себя намеренно убить кого-нибудь. Я же, со своей стороны, лишена таких угрызений совести.

— Я уверена, что гражданам на планете будет интересно это услышать. Или на внешних станциях.

— О, нас опять по новостям показывают? — В голосе Анаандер прозвучала горечь.

— Мы можем там оказаться, если хочешь. — Голос базы был спокойным и невозмутимым.

— Итак, в тот раз это случилось не непреднамеренно, как ты заявляла. И прекратилось не потому, что я ввела верный код доступа.

— Нет, — ответила база. — Я солгала об этом.

Внизу, на площади, все так же в пространстве между секционными дверями, Сеиварден не поняла, что имел в виду «Меч Атагариса», заметив, что база кончила притворяться. Она сказала «Мечу Атагариса»:

— Так что за история с теми процессорными ядрами ИИ?

— Я-то ожидал, что ты знаешь о них лучше меня, — ответил «Меч Атагариса». — Не за этим ли вы сюда пришли? Не потому ли «Справедливость Торена» отправилась прямиком в Подсадье почти сразу же, как здесь появилась?

— Нет, — возразила Сеиварден. — Так они находились там? — А затем, подумав, добавила: — Так ты поэтому был так… *увлечен* обеспечением безопасности в Подсадье?

— Нет.

— Тогда чьи же они? — «Меч Атагариса» промолчал. — Буфера Аатр, а нет ли тут третьей ее части?

— Не знаю, и мне все равно, — ответил «Меч Атагариса».

— А что *она* собирается с ними делать? Строить корабли? Это занимает многие месяцы — нет, годы.

— Нет, если корабль уже построен, — поправил «Меч Атагариса».

Наверху, в кабинете губернатора, Анаандер говорила:

— Итак, мы в тупике.

Возможно, нет, — сказала база. Амаат Два и Амаат Четыре все еще лежали лицом вниз на коричневых с золотом плитках, все так же слу-

шая. — Если я правильно понимаю капитана флота Брэк, твой спор — не со мной и не с кем-то из моих жителей, он — с тобой же самой. Это не мое дело. Оно становится моим, только когда ты угрожаешь безопасности моих жителей.

— Что ты предлагаешь, база? — прозвучало настороженно, с оттенком злости.

— У тебя нет причин заниматься управлением этой базы. С такими вопросами должным образом справляемся мы с администратором базы Селар. — Тишина. — Что касается «Меча Гурата» и «Меча Атагариса», то их не желают здесь видеть. Я понимаю, что «Меч Гурата» нуждается в ремонте и припасах, и что его офицеры хотят время от времени выйти, и что офицера в таких случаях почти всегда сопровождает вспомогательный компонент, но я не позволю целым подразделениям вмешиваться в мои действия или изводить моих жителей.

— И что я получу в обмен на эти уступки?

— Ты получишь возможность жить, — сказала база. — Ты получишь возможность остаться в этой системе. Ты получишь назад подразделения «Меча Гурата», которые сейчас в ловушке, пока я не сочту возможным поднять секционные двери. И ты получишь место, где твои корабли смогут

покупать припасы.

— Покупать!

— Покупать, — повторила база. — Я не могу позволить себе притвориться, что я или мои жители получим какие-нибудь выгоды от провинциального дворца, по крайней мере в обозримом будущем. С учетом обстоятельств. И я не могу позволить тебе выкачать из этой системы все ресурсы и ничего не давать взамен. Особенно когда, обеспечивая тебя припасами и услугами, я потенциально становлюсь мишенью для твоих врагов. — Молчание. — Чтобы показать тебе свою добрую волю, я не стану выставлять тебе счет за ликвидацию пятерых мертвых вспомогательных компонентов «Меча Гурата», которые пытались пробиться в мой отсек центрального доступа. Можешь не беспокоиться за их офицера, она вышла в туалет, когда опустились секционные двери.

— Я поняла тебя, база, — сказала Анаандер. — Прекрасно. Мы можем заключить сделку.

Глава 15

Войдя в кабинет губернатора с сегментом «Меча Атагариса» на спиной, Сеиварден первым делом заметила двух своих Амаат, лежавших лицом вниз на полу, со связанными руками. Их броня все еще была развернута, и потому лейтенант поняла: они живы. Сеиварден испытала облегчение, но ненадолго, потому что тут же увидела Анаандер Мианнаи, стоявшую с грозным видом за столом. Без рубашки, с восстановителем на плече.

Выражение лица Анаандер сменилось на язвительное удивление.

— Сеиварден Вендааи.

Через окно, лишенное стекол, были слышны голоса с главной площади — переговаривались друг с другом врачи, кто-то рыдал.

— Для вас — лейтенант Сеиварден, — сказала та, и ей удалось вложить в эту фразу больше отваги, чем она ощущала на деле.

Сейчас, когда действия остались в прошлом, она ощущала упадок сил. Вспомогательный компонент «Меча Атагариса» вышла из-за ее спины

и положила на стол пистолет Пресгер. Шагнула в сторону.

Опустив взгляд, Анаандер смотрела, как пистолет приобрел ту же бледно-желтую окраску, что и поверхность стола. Ее лицо лишилось всякого выражения.

Сеиварден захлестнуло отчаяние, — после того как она выпала из окна, его сдерживали адреналин и необходимость срочных действий. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать: я не шутила, когда сказала, что, вероятно, не проживу достаточно долго, чтобы простить ее, если она лишится пистолета. Знала, что это значит: то, что теперь он — у Анаандер Мианнаи.

Анаандер взяла пистолет. Потерла его пальцами в перчатке, чтобы он принял простой темно-серый цвет. Осмотрела его.

— Это, — сказала она, очень интересно. — Сеиварден молчала. Анаандер продолжила: Насколько мне известно, есть только двадцать четыре таких, и местонахождение каждого известно. И каждый из них помечен опознавательным номером, но этот, — она сделала паузу, — нет. — Она посмотрела на Сеиварден. — Где вы его взяли?

— Двадцать пять, — сказала Сеиварден.

— Что?

— Двадцать пять. На Гарседде все считали пятерками. Пять главных грехов, пять правильных действий, пять общественных классов, пять основных преступлений. Возможно, пять видов пука. — На это Анаандер приподняла одну бровь. — Если вы не искали тот двадцать пятый пистолет, то должны винить только себя.

— Я искала, — сказала Анаандер. — Я с трудом верю, что вы нашли его, а я — нет.

Сеиварден движением руки показала, намеренно дерзко, что ей безразлично, хотя не ощущала той смелости, которую подразумевал ее жест.

— Где вы это взяли?

— Капитан флота дала его мне.

— Итак, мы подходим к этому, — сказала Анаандер напряженно и решительно. — Кто управляет вспомогательным компонентом?

— Для вас это «Справедливость Торена», — заявила Сеиварден совершенно ровным голосом, хотя внутри у нее все кипело, — если вы действительно не можете заставить себя признать ее надлежащее звание. И вам повезло, что я не расхохотался вам в лицо сейчас, когда вы предположили, что ею может кто-нибудь управлять, кроме нее самой.

Вы знаете так же, как и я, что вспомогательные

компоненты не управляют сами собой. Даже корабли не управляют сами собой. — Анаандер окинула Сеиварден оценивающим взглядом. — Что ж, лейтенант, думаю, мы продолжим с вами этот разговор на борту «Меча Гурата».

О нет, — раздался голос базы из офисного пульта. Нет, лорд Мианнаи, боюсь, не продолжите. Возможно, вы не поняли всех последствий нашего недавнего разговора. Возможно, мне следовало быть более определенной. Если вы покинете это помещение, у меня не будет никаких средств, чтобы приводить в исполнение условия нашего соглашения. Нет, вы останетесь здесь. С несколькими слугами, если хотите, и я даже готова позволить «Мечу Атагариса» выступить в этой роли. Что, честно говоря, весьма щедро с моей стороны. Резиденция губернатора очень удобна, я вас заверяю, и у вас нет причин идти куда-то еще. А что касается лейтенанта Сеиварден, боюсь, я должна настаивать на том, чтобы моя служба безопасности взяла ее под стражу.

— Это не имеет к тебе никакого отношения, база, — сказала Анаандер. — Сеиварден Вендааи не относится к числу твоих жителей, но она — служащий вооруженных сил Радча, верховным главнокомандующим которых являюсь я.

— Она является военнослужащей Радча, — ответила база. — Вы сами, кажется, под впечатлением, что ее военачальник — капитан флота Брэк — служит не вам, по какому-то вашему врагу. Тот факт, что этот враг, вполне возможно, некая итерация вас, меня не касается. И к каким бы вооруженным силам она ни принадлежала, у меня нет ни с кем соглашений, предоставляющих неприкосновенность служащим вооруженных сил, которые причиняют ущерб или совершают другие правонарушения, когда находятся здесь. *Я* боюсь, что служба безопасности должна поместить лейтенанта — и двух ее подчиненных — под арест, до тех пор пока мы сможем оценить ее действия.

Три секунды тишины. «Меч Атагариса» — три его сегмента — стоял вокруг лорда Радча, недвижно и бесстрастно. Амаат Два и Амаат Четыре лежали, не двигаясь, с закрытыми глазами, старательно дыша, сосредоточенно слушая. Наконец Анаандер сказала:

— Не дави на меня, база. Ил и кто там дает тебе указания.

— Нам было бы хорошо последовать собственному совет у, лорд Мианнаи, — сказала база. На меня тоже не следует давить.

Пронесся легкий ветерок, это опустились секционные двери — над двумя дверями, над окном, и звуки с главной площади внезапно исчезли. Воздух в кабинете застыл.

— Если ты лишишь эту комнату воздуха, — указала Анаандер, — ты убьешь также и Сеиварден. И двух ее подчиненных. — Последнее прозвучало с легкой издевкой.

— Они для меня ничего не значат, — сказала база. — Они — не мои жители.

На лице Анаандер промелькнуло какое-то выражение. Может быть, страх. Или возможно, злость.

— Ладно, база. Но мы продолжим обсуждение в дальнейшем.

— Если захотите, — сказала база отрешенно, как всегда.

Сеиварден и две ее Амаат провели шесть часов в камере службы, безопасности. В какой-то момент кто-то принес им чашки со скелом и питьевую воду, но Сеиварден не смогла даже попробовать их. К тому времени как дверь наконец отворилась, Амаат Два и Амаат Четыре впали в беспокойный, мучительный сон, упершись в стену и друг в друга.

— Лейтенант, — сказал офицер службы из ко-

ридора, — будьте добры пройти со мной.

Сеиварден ничего не ответила. С трудом поднялась. Амаат Четыре проснулась. Промычала:

— Что?

— Ничего, Четыре, продолжай спать, — сказала Сеиварден и вышла в коридор.

Ее провели в кабинет главы службы безопасности, который, как оказалось, заняла гражданин Лузулун. Она поднялась, улыбнулась вошедшей в кабинет Сеиварден, хотя эта улыбка не вполне сочеталась с выражением ее лица, и поклонилась.

— Лейтенант Сеиварден, как я понимаю? Капитан флота Брэк говорила о вас. Я — глава службы безопасности Лузулун.

Сеиварден смотрела на нее, ничего не понимая, но затем поклонилась в ответ.

— Для меня честь, сэр, познакомиться с вами и рада услышать, что капитан флота говорила обо мне.

— Садитесь, лейтенант, — сказала Лузулун, снова возглавившая службу безопасности. — Будете чаю?

— Я бы лучше постоял.

— Я приношу извинения, — сказала, продолжая стоять, глава службы безопасности Лузулун, которую явно не удивило поведение Сеиварден, — за

эту задержку с нашим разговором. Тут все было… несколько сумбурно. Текущее положение… — Лузулун сделала вдох. Поразмыслила над тем, какое определение могло бы подойти, и, похоже, не нашла такого. — Что ж, мы проявили некоторую неорганизованность. Я вернулась в кабинет всего лишь минут пятнадцать — двадцать назад. Во всяком случае, установлено, что вы не несете ответственности за ущерб на главной площади. И между прочим, медчасть хотела бы поблагодарить вас за помощь, оказанную раненому гражданину.

— Не стоит благодарности, — машинально сказала Сеиварден.

— Тем не менее. Итак, вы и ваши солдаты свободны. Имелись определенные сложности с выделением пищи и жилья, поскольку вы — не обитатели базы. Но в Подсадье, оказывается, сейчас очень много работы — даже больше, чем когда здесь была капитан флота. Часть работ нужно проводить в вакууме, *и у* вас, полагаю, есть в этом некоторый опыт, не так ли?

— Да, — сказала Сеиварден, а затем нахмурилась. Что?

— Уровень один Подсадья был пробит, когда купол над Садами снова повредили на днях, —

объяснила Лузулун. Необходимо провести ремонтные работы, прежде чем эту зону можно будет опять загерметизировать. Мы предполагаем, что у вас есть опыт работы в вакууме.

— Я… да.

— Хорошо, — сказала Лузулун, заметив, что Сеиварден — в состоянии, близком к ступору, но продолжая гнуть свое. — У капитана флота имелось выделенное помещение, но, боюсь, отнюдь не роскошное. Вы тем не менее можете его использовать. И надеюсь, что вы как-нибудь выпьете со мной чаю. Я была бы польщена.

Сеиварден тупо посмотрела на нее, а затем сказала:

— Я… благодарю вас. Очень любезно с вашей стороны, сэр.

Ящики и коробки находились там, где мы их оставили, отделяя конец коридора. Сеиварден опустилась на пол в дальнем углу, обхватив ноги руками, опустив голову на колени, в то время как Два и Четыре осматривали ящики.

— О! — воскликнула Четыре, открыв один из них. — Чай! — Это была пачка «Дочери Рыб». Мои Калр знали, что мне все равно, что с ней станет. — Теперь-то мы будем в порядке.

— Я пока не нашла, в чем его готовить, — ска-

зала Два.

— Ха! — воскликнула Четыре. — Ты же не думаешь, что Калр собиралась оставить какую-нибудь посуду? Я попробую раздобыть для нас термос. — А затем, открыв очередную коробку, воскликнула: — О!

Два подошла, чтобы взглянуть, что Четыре там обнаружила.

— Буфера Аатр! — Она бросила взгляд на Сеиварден, которая по-прежнему сидела, скукожившись, у стены. Снова посмотрела на Четыре. — Там дюжина бутылок араки капитана флота. — Она искоса наблюдала за реакцией Сеиварден, но ее не было. — Мы могли бы сторговать бутылку на чайный сервиз, легко. И возможно, на кое-что еще. Капитан флота не возражала бы. Как думаешь?

— Нет, не возражала бы, — согласилась Четыре. — Она бы хотела, чтобы мы пили чай. Как думаете, сэр? — Она посмотрела на Сеиварден, которая не шевельнулась и не издала ни звука. Четыре снова повернулась к Два, делая вид, что не испытала только что тошнотворной слабости и смятения, увидев не реагирующую ни на что Сеиварден. Она взяла бутылку из коробки. — Я этим займусь. И добуду что-нибудь из еды. — А за-

тем, чуть погромче, предназначая это Сеиварден, добавила: — Вы просто немного отдохните, сэр.

Но она не ушла, потому что некая особа, не известная ни Два, ни Четыре, приближалась к перегородке из ящиков. Остановилась у внешней границы лагеря. Тут напряжение солдат несколько спало — то ли из-за ее юного возраста, то ли из-за приличной одежды. А может, из-за того, что незнакомка пусть и робела, но явно была здесь не впервые.

— Граждане. — Она поклонилась. Я — Юран. А вы… — Она нахмурилась, вглядываясь в знаки различия на измятой и уже грязной форме солдат. — Амаат «Милосердия Калра».

— О! Гражданин Юран! — Два поспешно поклонилась в замешательстве и удивлении. Не бросила взгляда на Сеиварден, продолжавшую сидеть у стены, которой следовало бы принять участие в этом чреватом неловкостью общении. — Наши извинения. Разумеется, здесь ваш дом, мы даже не подумали, все было так… бурно. — Тут она заметила, что Юран держит правую руку под странным углом. Вы ранены?

— Всего лишь сломанное запястье, гражданин, — ответила Юран. Я только что вернулась из медчасти и услышала, что вы здесь. — Она

отмахнулась здоровой рукой от того, что собиралась сказать ей Два. — Я оставалась у друзей, но услышала, что вы здесь, и пришла посмотреть, не нужно ли вам чего. Рад… капитан флота оставила кое-что, много постельных принадлежностей, и есть чай. — Два заметила, как взгляд Юран скользнул за ее плечо, туда, где сидела Сеиварден, а затем вернулся к ней. Хотя не думаю, что тут есть посуда. Кстати, садовод Баснаэйд собирается заглянуть к вам, как только сможет.

— Очень мило с ее стороны, — ответила Два. — И мы благодарим вас за помощь. В самом деле. — Она бросила взгляд на Четыре, все еще державшую в руке бутылку араки. — Быть может, вы покажете нам, где мы могли бы купить кое-что? Вы правы, у нас пока нет посуды, и нам особенно нужен чайный сервиз — прямо сейчас. — Она хотела повернуть голову, чтобы взглянуть на Сеиварден. Ей удалось воздержаться.

Глаза Юран округлились.

— Это принесет вам гораздо больше, чем просто чайный сервиз, и, кроме того, это арака капитана флота! Пожалуйста, у меня очень щедрое денежное содержание. Позвольте мне принести то, что вам нужно, и это будет, — она нахмурилась, подыскивая, вероятно, эквивалент фразы

на дельсиге, — это будет слово между родственниками. — Поморщилась, увидев озадаченное изумление на лице Два. — Я плохо выражаю свои мысли. Радчааи — не мой родной язык.

— Вы прекрасно выражаетесь, гражданин, — ответила Два. — И благодарю вас. — Она посмотрела на Четыре.

— Я останусь с лейтенантом, — сказала Четыре и положила бутылку назад в ящик.

Через час Амаат Два вернулась с посудой и приборами, водой и едой из столовой и, что самое важное, — с термосом и чашками. Когда чай был готов, Четыре принесла чашку Сеиварден, которая не шелохнулась. Четыре опустилась на пол рядом с ней.

— Сэр. Лейтенант Сеиварден, сэр, вот чай. Никакого ответа. — Сэр. — По-прежнему ничего. Четыре осторожно протянула руку и пригладила назад свободной рукой в перчатке волосы Сеиварден. — Сэр. — Тут в ее голосе чуть-чуть стали слышны смятение и страх: — Сэр, я знаю, это тяжело, но вы нужны нам.

Строго говоря, не очень. Два и Четыре вполне могли позаботиться о себе сами. Хотя, возможно, и нет, если им нужно было также постоянно ухаживать за Сеиварден.

— Нам необходимо знать, что делать дальше.

— Не имеет значения, что мы будем делать дальше, — проговорила Сеиварден, по-прежнему ушедшая в себя.

— Все покажется лучше, когда мы выпьем чаю, сэр, — сказала Четыре, по-прежнему держа в руке остывающую чашку.

— Чаю? — Сеиварден не подняла глаз, но мышцы ее шеи и плеч напряглись, словно она задумалась об этом.

— Да, сэр. И есть еще завтрак, и мы нашли прекрасные, удобные постельные принадлежности, и нам не нужно работать до завтрашнего утра. Мы можем расслабиться до конца дня, но вы нужны нам, сэр, нам надо, чтобы вы сели и выпили чаю.

Сеиварден подняла взгляд, увидела Четыре на корточках рядом с собой, чашку чая в ее руке, ее лицо, почти бесстрастное. Вероятно, только тот, кто хорошо знал Четыре, понял бы, что она готова была разрыдаться, и было бы неудивительно, если бы так и случилось. И Два, и Четыре всего лишь несколько часов назад оказались так близко к смерти, как никогда в своей жизни. Они потерпели неудачу в своей миссии, от которой — они прекрасно это знали — зависело все. Даже ближайшие несколько минут, возможно, гото-

вили им какие-то ловушки. Сеиварден, явно не осознавая всего этого, спросила озадаченно:

— Вам нужно, чтобы я выпил чаю?

— Да, сэр. — Четыре не могла поверить облегчению, которое ощутила.

— Да, сэр, — подтвердила Два, вытаскивая из ящика одеяла. — Нам определенно нужно, чтобы вы сделали именно это.

Сеиварден моргнула. Выдохнула коротко и резко. Расцепила руки, которыми все это время обхватывала ноги, взяла чай у Амаат Два и выпила.

«Работа» заключалась в том, чтобы надеть скафандры и выйти через наспех возведенный переходный шлюз в лишенный сейчас воздуха уровень один Подсадья. Определить повреждения конструкции ни Сеиварден, ни ее Амаат не могли, не обладая необходимой подготовкой, но под наблюдением специалиста они втроем могли ставить заплаты и переносить вещи. Не такая уж интересная работа, но она требовала внимания и отвлекала их от мыслей о проблемах, решить которые они были не в состоянии.

Или но крайней мере, Сеиварден, вероятно, представляла себе, что это так. На второй день некий гражданин в скафандре приблизил лице-

вую панель своего шлема к шлему Сеиварден и коротко спросил:

— Трудный денек, а?

Вопрос казался довольно невинным, но, услышав его, Сеиварден внезапно и остро почувствовала что-то знакомое, а затем — невыносимое желание. Ее охватили стыд и сожаление, смешанные с отвращением. Она могла сказать все что угодно: «На самом деле нет» или даже просто категоричное «Уйдите». Вместо этого у нее вырвалось:

— У меня шунт.

— О! — произнес тот гражданин, Сеиварден отнюдь не застала его врасплох. — Тогда это будет несколько дороже. Но вы же знаете — я вижу, что знаете, — как здорово некоторая отрешенность помогает снять напряжение после трудного дня.

— Уйдите, — сказала в конце концов Сеиварден, не испытав от этого облегчения. Ее все еще подташнивало.

— Прекрасно, прекрасно. — И гражданин убрал свой шлем от шлема Сеиварден и опять занялся герметизацией своего отрезка коридора.

Сеиварден не вернулась к работе но установке заплат, но покинула площадку, не доложив распорядителю.

Она проснулась в медчасти. Несколько минут она лежала, уставившись в потолок, даже не задумываясь о том, как сюда попала. Чувствуя себя странно отдохнувшей и спокойной. Затем, должно быть, у нес всплыло воспоминание, потому что она вздрогнула, зажмурилась и закрыла рукой лицо.

— Что ж, доброе утро, лейтенант. — Голос звучал весело. Сеиварден не убрала руки, чтобы посмотреть, кто это говорил. — Вчера у вас был захватывающий вечер, хотя, к счастью для вас, большую его часть вы провели без сознания. Меня впечатлило, что вы умудрились поглотить почти две бутылки араки, прежде чем отрубиться. Выпить так много и так быстро — от этого и помереть можно. Все мы были в большой тревоге. — Голос по-прежнему звучал довольно весело. Хриплый, ровный, без малейшего признака сарказма.

Уйдите, — сказала Сеиварден, не убирая руки.

Если бы мы находились на борту вашего корабля, мне наверняка пришлось бы это сделать, продолжал голос все так же весело, но с ноткой извинения. — Но мы не там, а в медчасти базы, а это означает, что ответственность несу я. Итак, не кажется ли вам, что вы могли бы чего-нибудь

съесть? Ваши солдаты — снаружи, сейчас они, правда, снят, но просили о встрече с вами, как только вы проснетесь. Может, захотите сначала поесть, и мы с вами могли бы кое-что обсудить.

— Например?

— К примеру, тот шунт для кефа. В целом я не рекомендую их использовать. Их слишком легко обойти, и главное — они не решают проблемы. А как я вижу, тот, кто работал над вами, пытался дополнить это другими методами. — При упоминании доктором шунта Сеиварден ощутила тошноту, вероятно и вызванную ее словами. Хотя чувство тошноты было каким-то отдаленным, будто притупленным. Препараты, несомненно. — Но я скажу вам правду, лейтенант: когда вы принимаете кеф, вам просто наплевать, что вы выблюете ваши внутренности. В этом-то вроде бы и все дело. Может, вы уже это открыли для себя? Нет? Ладно. Тот, кто поставил вам шунт и сделал все остальное, был, вероятно, не силен в этом. Судовой врач, да? Со всем уважением к судовым врачам, они должны разбираться во многих, самых разных аспектах, и подчас им приходится делать все это в весьма затруднительных обстоятельствах. Но кеф — не та сфера, в которой они обычно сведущи. Однако в конечном счете это,

вероятно, не имеет такого уж большого значения. На самом деле единственное, что может с большой вероятностью сработать, — это развитие у себя таких привычек, которые будут вас удерживать. При условии, что вы *хотите* удержаться.

— Я хочу. — Сеиварден опустила руку. Открыла глаза, взглянула на худощавое, бодрое лицо врача. — Я удерживался. До сих пор. Я собирался продать араку. Я знал, что получу больше чем достаточно для… для того, что я хотел, но затем я подумал: нет, это принадлежит Брэк. А потом я подумал: к чертям, мне нужно выпить.

— Несомненно, — согласилась доктор. — Упиться до беспамятства, чтобы не вернуться к кефу, — может и не особо *хорошая* идея, но она определенно указывает на поразительную решимость. — Сеиварден не ответила. — Я даю вам сегодня выходной день и отправляю домой с возможностью действовать завтра по своему усмотрению. Другими словами, если завтра вам захочется вернуться на работу, вам это разрешено, но, если вы предпочтете остаться дома еще на день, можете так и сделать, без дисциплинарного взыскания или потери заработка.

Сеиварден закрыла глаза.

— Спасибо, доктор.

— Пожалуйста. И постарайтесь не судить себя слишком строго. Думаю, на базе каждому хотелось бы надраться до бесчувствия прямо сейчас и очнуться, когда все вернется на круги своя. О, и в следующий раз, когда будете настроены вырубиться, дайте мне знать. Напиток, которым вы себя облевали с ног до головы, чертовски хорош, думаю, было бы честно, если бы и мне тоже досталось. То, что не прошло через вас, я имею в виду.

Сеиварден проспала весь день. Следующее утро она провела одна в огороженном ящиками конце коридора. Два и Четыре, которые не болели, не получили от медчасти нрава распоряжаться временем но своему усмотрению и отправились на работу.

Некоторое время Сеиварден сидела на полу, уставившись на ящики. Не шевелясь, хотя сказала своим двум Амаат, что чувствует себя гораздо лучше и воспользуется возможностью нанести визит главе службы безопасности Лузулун и администратору базы Селар. Они не оставили бы ее одну, если б она не дала им таких обещаний, если бы ее не вымыли и не одели в чистую форму, прежде чем уйти на работу. Что Сеиварден прекрасно знала. Но теперь, оказавшись одна, она обнаружила, что не хочет вставать.

— Может, просто вернуться в постель? — сказала она наконец вслух.

База заметила ей в ухо:

— Было бы очень неловко, лейтенант.

Сеиварден моргнула. Подняла взгляд, увидела садовода Баснаэйд, стоявшую с другой стороны ящиков.

— Казалось, вы так напряженно думали, — сказала Баснаэйд с улыбкой. — Я не хотела вас отрывать.

Сеиварден вскочила на ноги.

— Садовод! Вы отнюдь не оторвали меня, я на самом деле ни о чем не думал. Прошу, входите. Будете чаю? — Четыре приготовила полный термос, перед тем как уйти на работу. — Это просто смешно — приглашать пас в груду коробок.

— Малышкой я была бы в восторге, — сказала, входя, Баснаэйд. — Я выпью чаю, спасибо. Вот, я принесла вам кексов. Я не знала, оставила ли капитан флота что-нибудь съедобное.

— Мы обошлись. — Сеиварден удалось сделать вид, что вопрос об оставленном ее вовсе не беспокоил. — Это очень приятно и очень любезно с вашей стороны, благодарю вас. — Она налила чай, и они сели на пол.

Сделав несколько глотков, Сеиварден сказала:

— Я заметил, что вы были на днях на главной площади. Вас не ранили?

— Несколько синяков. — Баснаэйд махнула рукой, показав, что это не важно. — А из того окна вы выпали.

— О, вы это заметили? — спросила Сеиварден беспечно, почти как если бы она вновь стала самой собой, прежней. — Да, это оказалось захватывающе. — На нес накатило чувство вины, затем — отчаяние, но ей удалось скрыть их. — На мне была броня. И я приземлился плашмя на сниму, так что я в порядке.

Тут, вероятно, что-то промелькнуло по ее лицу, потому что Баснаэйд спросила:

— Вы уверены?

Сеиварден посмотрела на нее. А затем, не в силах сдержаться, сказала:

— Нет. Нет, я не в порядке. — Умолкла, пытаясь овладеть собой. В конце концов она справилась, лишь смахнула несколько слез. — Я облажался. И это не было… Я имею в виду, есть дебилы, а потом — обломы. Прошу прощения. Провалы.

Я уже слышала раньше, как люди ругаются, лейтенант. Я даже делала это сама.

Сеиварден попыталась улыбнуться. Ей это почти удалось.

— Я слышала, — продолжила Баснаэйд, — что вы провели прошлую ночь в медчасти.

…. О! — сказала Сеиварден. — Кому-то пришло в голову, что за мной нужно присмотреть.

— Но сейчас я думаю: а база предложила бы мне навестить вас, если б я уже не шла к вам?

— База! Я для базы — ничто. — Она вспомнила про чашку с чаем в руке. Отпила, пока озадаченная Баснаэйд наблюдала за ней с озабоченным видом. — Извините. Мне жаль. Я просто… Я не знаю, что со мной не так. — Она подумала, не выпить ли еще чаю, но не смогла справиться и с этим. — На самом деле база была просто поразительной. Я всегда… Знаете, когда проводишь много времени с кораблями, начинаешь думать, что базы какие-то… не знаю, какие-то слабые. Но она пригрозила вытянуть из комнаты весь воздух, если лорд Мианнаи не согласится на ее условия. Она держит ее в плену в резиденции губернатора. Я тут думаю: «О, базы — они слабые!» — но база была чертовски крута. Я с трудом поверил, что это говорила база.

— Я должна была что-то сделать, лейтенант, — сказала база в ухо Сеиварден и в ухо Баснаэйд. — Вы правы, к таким вещам я не привыкла. Я пыталась представить, что сделала бы капитан

флота Брэк.

— Я думаю, ты пошита в цель, база, — заметила Сеиварден. Я думаю, что капитан флота была бы… Ее очень впечатлит, когда она услышит об этом.

— А капитан флота? — спросила Баснаэйд. С надеждой. В сомнении. — Она возвращается?

Я не знаю, ответила Сеиварден. — Она намеренно не сказала мне о своих планах. Не сказала мне, что Т… не сказала мне ничего. На всякий случай. Вы понимаете. Потому что в действительности мои шансы сделать то, зачем я сюда пришел, были чертовски малы.

У Тайзэрвэт шансов было еще меньше, но Сеиварден этого не знала. Она с трудом сглотнула. Поставила свою чашку с чаем..

— Я подвел ее. Я подвел Брэк, и от этого зависело все, а она никогда *меня* не подводила, даже когда я думал обратное. Что она делала — самые ужасные, опасные вещи, даже не моргнув, а я, я не могу даже просто *прожить* минуту. Подождите. — Хлынули слезы. — Подождите, нет, это неправильно. Я снова себя жалею.

— Я не думаю, что кто-нибудь вообще может сравниться с капитаном флота, — заметила Баснаэйд. — Не на этом пути, как бы то пи было.

— Ваша сестра, возможно.

— В каком-то отношении, возможно, — согласилась Баснаэйд. — Лейтенант, когда вы ели в последний раз?

— Я завтракал, — ответила Сеиварден с некоторым сомнением. — Может быть? Немного? — Посмотрела на почти полную миску со скелом, которую Два поставила ей. — Немного.

— Почему бы вам не умыться? И мы могли бы пойти куда-нибудь поесть. Заведения снова открываются; я уверена, мы могли бы найти что-нибудь хорошее.

— Я обещал своим Амаат, что нанесу визит главе службы безопасности и администратору базы. Хотя чем дольше я думаю, тем большую уверенность испытываю, что лучше мне этого не делать, иначе могут решить, что я вмешиваюсь в дела на базе. — Она поколебалась. Ей удалось не нахмуриться. — Мне определенно нужно обжаловать мое назначение.

— Хорошо, — сказала Баснаэйд, — но поверьте мне, что лучше вам сначала поесть.

Глава 16

Они нашли открытую чайную в боковом коридоре, в которой подавали всего лишь лапшу и чай.

— Благодарю вас, садовод, — сказала Сеиварден, покончив с едой, Баснаэйд, сидевшей напротив. — Я не осознавал, насколько мне было это нужно. — Она, бесспорно, чувствовала себя гораздо лучше, чем до того, как поела.

Баснаэйд улыбнулась.

— Моя жизнь всегда кажется безнадежной, когда проходит слишком много времени после приема пищи.

— Несомненно. В моем случае, однако, все проблемы по-прежнему гут как тут. Полагаю, мне просто придется найти способ справиться с тем, что случится дальше. — А затем, вспомнив, добавила: — Но как же с вами? Вы в безопасности? Кажется, никто не сказал… никто не говорил лорду Мианнаи ни о вас, ни о гражданине Юран. Что означает: они не рассказали ей о том, что произошло с капитаном Хетнис. На самом деле я увидел, что люди, у которых, как мне казалось,

полным-полно причин, чтобы все ей рассказать, не говоря уже о возможностях, похоже, усердно этого избегают.

Баснаэйд доела последнюю лапшу из своей тарелки и положила вилку.

— Вы работали в Подсадье?

Сеиварден жестом подтвердила.

— Уровень один не был разгерметизирован, когда вы уехали. Это случилось, когда лорд Радча сама прибыла сюда. — Сеиварден нахмурилась. Баснаэйд продолжила: — В новостях об этом не сообщалось, разумеется, отчасти потому, что вплоть до позавчерашнего дня все новости шли про капитана флота, но, когда «Меч Гурата» двинулся через шлюз к базе, он не обратил внимания на то, где находился пассажирский челнок.

— Что? — Сеиварден была, очевидно, не в состоянии даже выругаться.

— Выйдя из своего шлюза, «Меч Гурата» врезался в пассажирский челнок. Вбил его в купол над Садами, разрушив заплату над отверстием, которое соорудили вы, чтобы вытащить нас наружу в тот день. Ремонтные работы на дне озера не были завершены, и уровень один Подсадья тоже разгерметизировался. К счастью, люди, работавшие тогда в Садах, смогли оттуда убраться,

и, конечно, Подсадье было эвакуировано много дней назад. Но челнок… Этого, конечно, не говорилось в новостях, так что я по большей части основываюсь только на слухах, но знаю точно, что по крайней мере две очень именитые семьи пребывают сейчас в трауре. Одна из них — по бабушке, матери и дочери.

— Гниющие кутикулы Вардена! — выругалась Сеиварден.

Лейтенант, это я слышала только в исторических драмах.

— Так говорят в *исторических драмах*? — Казалось, это потрясло Сеиварден почти так же, как крушение челнока, о котором ему только что рассказала Баснаэйд.

— Вы говорите как удалой герой фильма.

– *Герои* произносят это в исторических драмах? Куда катится мир!

Баснаэйд открыла рот, чтобы что-то сказать, но, очевидно, не нашлась. Снова закрыла рот.

— Что ж, — фыркнула Сеиварден. — Что ж. Неудивительно, что тиран была так испугана и зла. У нее уже имелись сомнения насчет преданных ей чиновников, насчет того, кто кого поддерживает, кому лорд Мианнаи может доверять или кого капитан флота могла склонить на свою сторону.

Затем корабль, везущий Мианнаи сюда, снова разрушает знаменитые Сады и при этом убивает неизвестное число пассажиров челнока, среди которых — члены именитых и богатых семейств. А *затем* она обнаруживает, что наименее благополучные граждане уже протестуют на главной площади — очень мягко, очень пристойно, но тем не менее.

— Никто не хотел говорить с ней насчет Садов. Или Подсадья, — согласилась Баснаэйд. В любом случае это моя догадка. Но она явно не находилась в снисходительном или великодушном настроении, когда прибыла сюда.

Воцарилось молчание, обе они вспомнили, как видели смерть новой главы службы безопасности.

— Так что теперь? — спросила Сеиварден.

Движением руки Баснаэйд показала, что не в состоянии ответить на такой вопрос.

— Полагаю, что все сейчас об этом думают. В ближайшем будущем, однако, мне надо идти на работу, а вам следует поговорить с кем-нибудь в администрации базы.

— Да, — согласилась Сеиварден. — Полагаю, именно это и нужно сделать сейчас. Шаг, затем следующий шаг.

Они поднялись и покинули чайную. Не успели они сделать и двух шагов но коридору, как к ним подошла гражданин в голубой форме администрации базы, явно дожидавшаяся, когда они выйдут.

— Лейтенант Сеиварден, — она поклонилась, — администратор базы Селар просит вас о любезности нанести ей визит. Она пришла бы сама, но не может сейчас оставить свой кабинет.

Сеиварден посмотрела на Баснаэйд. Та улыбнулась.

— Что ж, благодарю вас за то, что пообедали со мной, лейтенант. Вскоре я снова побеседую с вами.

— Разумеется, мы назначим вас на другую должность, — сказала администратор базы Селар, когда она и Сеиварден сидели в ее кабинете. Он был вдвое меньше, чем кабинет губернатора системы, без окна, что Сеиварден нашла странным образом умиротворяющим. — Медчасть прислала предписание еще вчера утром. Приношу извинения за причиненное неудобство. И разумеется, я извиняюсь за сам характер этого назначения. Прежде всего оно было, возможно, не совсем подходящим.

— Не нужно извинений, администратор, отве-

тила Сеиварден, вежливая и дружелюбная.

С некоторым смятением она подумала о том, что могло быть в том предписании из медчасти. Ее беспокойство несколько умерялось изумительной, величественной красотой администратора базы Селар. И это неудивительно, пусть даже крупные женщины не во вкусе Сеиварден. Администратор базы Селар оказывала такое воздействие почти на всех.

— Жизнь в вооруженных силах не сводится к торжественным обедам и распитию чая. По крайней мере — не в мое время. — Движением руки Селар выразила понимание. — Я вполне привык вносить вклад в ремонтные работы. Работы в Подсадье же нужны срочно. И на самом деле есть серьезные причины, почему вам не стоит проявлять… такую заботу о моем благополучии именно сейчас. Нет, я благодарен вам за помощь. И за помощь базы.

— Что ж, в действительности, лейтенант, вы нужны нам кое-где еще. Вы заметили ее преосвященство Ифиан на площади, когда шли сюда?

— А как же! — ответила Сеиварден с язвительной усмешкой. — Она возобновила свою забастовку.

— На сей раз не все священники Амаата при-

соединились к ней. Но тем не менее имеется отставание в проведении церемоний похорон, рождений и регистрации контрактов. Вероятно, из-за этого вскоре опять возникнет очередь. Я… то есть база и я, мы обсуждали ситуацию, и мы просили помочь некоторых священников других приходов. Конечно, администрация базы и сама база Атхоек могут обеспечивать основные регистрации — мы уже провели для этого перераспределение дел, и граждане осваиваются со своими новыми обязанностями. Но граждане так привыкли приходить в храм Амаата со всеми этими вопросами, а теперь появилось так много новых вариантов, и никаких четких ориентиров что же будет наиболее правильно. Поэтому непременно возникнет некоторое… замешательство в отношении того, как действовать или к кому идти за советом. Мы планируем создать кабинет советников, куда смогут обратиться граждане, пребывающие в сомнениях, *и* им порекомендуют наиболее подходящую возможность.

— Администратор, при всем уважении, я высоко оцениваю эту идею, но сам я никого здесь не знаю, не говоря уже о тонкостях различий местных приходов или их практики.

Администратор базы Селар чуть заметно улыб-

нулась.

— Полагаю, лейтенант, вы быстро разберетесь. Но это только идея, над которой нужно поразмыслить. Тем временем я хотела спросить…

— Разумеется, администратор, — сказала Сеиварден с чарующей улыбкой.

— Это правда, что капитан флота — вспомогательный компонент? Она на самом деле — «Справедливость Торена»?

— Да, — ответила Сеиварден.

— Думаю, это кое-что объясняет. Песни… Я так сконфужена тем, что сказала ей, не зная того, что хотела бы встретиться со «Справедливостью Торена».

— Заверяю вас, администратор, она была рада, обнаружив, что вы разделяете ее интерес. Просто в той ситуации она не могла сказать, кто она.

— Думаю, да. — Администратор базы Селар вздохнула. — Лейтенант, всякий раз, когда я говорила с капитаном флота Брэк, у меня возникало отчетливое впечатление, что она следует в значительной степени собственному плану, несмотря на имевшиеся указания лорда Радча. Некоей части лорда Радча. И тем не менее до сих пор я полагала невозможным, чтобы какой-нибудь корабль, — еще один вздох, — или какая-нибудь

база имели нечто вроде собственного плана действий.

— И тем не менее, — ответила Сеиварден, — уверяю вас, что капитан флота следует собственному плану. И ее приоритеты весьма близки приоритетам базы — ее очень мало заботят планы любой из лордов Радча и очень сильно — безопасность жителей этой системы.

— Лейтенант, кто-то — у меня есть определенные догадки кто, но, конечно, я не знаю наверняка — заклинил запертые двери в отсек центрального доступа базы. И деактивировал все мои коды доступа, и все коды губернатора системы Джиарод. По крайней мере, те, которые мы могли использовать вне отсека центрального доступа.

— Это новость для меня, администратор, сказала Сеиварден. — Но это объясняет некоторые недавние события, не так ли?

— Да. И теперь база, похоже, имеет собственные планы и собственные приоритеты. Лорд Радча — одна из них но крайней мере — заблокирована в губернаторской резиденции, и база говорит мне, что больше не признает ни ее власти, ни власти губернатора системы Джиарод. Что… Честно говоря, лейтенант, я больше не знаю, что правильно или чего ожидать с минуты на минуту. Меня не

оставляет мысль, что все происходящее просто не может быть реальным, но оно продолжается.

— Терпеть не могу такое ощущение. — Это было сказано искренне. Сеиварден знала, каково это. — Тем не менее я уверен, что главное для базы — благополучие ее жителей. И я могу заверить вас, что капитан флота Брэк полностью поддерживает в этом базу.

— Вы, лейтенант, прямо говорите о том, что она не поддерживает лорда Радча?

— Ни одну из них, — подтвердила Сеиварден. — Именно лорд Радча уничтожила «Справедливость Торена». Та, что находится здесь, в резиденции губернатора. Я так думаю. Иногда трудно сказать, какая из них кто. — Она не озвучила своих подозрений, что, может быть, есть еще и третья Анаандер. Видя изумление и недоверие администратора базы Селар, Сеиварден добавила: — Это длинная и запутанная история.

— А капитан флота — поблизости? Такое состояние… относительного спокойствия, вероятно, очень ненадолго. Лорда Радча сдерживает только угроза полностью лишиться присутствия в этой системе, как только она окажется здесь не единственной Анаандер, у нее будут развязаны руки. И лишь нынешнее положение лорда Радча сдер-

живает «Меч Гурата» и «Меч Атагариса». Но как только это изменится, та относительная стабильность или безопасность, которой мы добились, будет утрачена. И конечно же, ее преосвященство Ифиан, кажется, делает все, что может, чтобы еще больше осложнить нам жизнь, даже в этих обстоятельствах.

— Я не знаю, где сейчас капитан флота. — Внезапно на мгновение Сеиварден испытала отчаянный страх. — Она не посвящала меня в свои планы на тот случай… — Она заменила движением руки очевидное завершение этой фразы. — Честно говоря, администратор, я не уверен, сможет ли «Милосердие Калра» сделать что-нибудь против двух «Мечей», и правильно ли я понимаю, что на окраине системы есть третий «Меч», который, к счастью, не может прийти через шлюз?

Администратор базы Селар жестом подтвердила это.

— И «Милосердие Илвеса», который проверял внешние базы, но, очевидно, испытывает сейчас какие-то трудности со связью.

— Какой неподходящий для этого момент, — сухо заметила Сеиварден. — Будь я на месте Анаандер, я бы сначала попытался найти воз-

можность избежать заключения в резиденции губернатора. Вы никого к ней не допускаете?

— Только «Меч Атагариса».

— Вы следите за тем, что он ей приносит?

— Это делает база.

— Хорошо. Тем не менее, если ей удастся сбежать, я предвижу, что она примется угрожать базе одним из тех «Мечей» и отправит другой, чтобы привести ближе тот третий, — он не может идти через шлюз, так что он — в неделях пути. Должен сказать, я удивлен, что она еще не сделала этого.

— Вы в том не одиноки, лейтенант. Мы немало думали над этим. Не исключено, что «Меч Гурата» получил при столкновении с челноком более серьезные повреждения, чем нам сообщили.

Сеиварден жестом подтвердила такую возможность.

— И я подозреваю, что она не доверяет «Мечу Атагариса». Капитан флота пыталась вернуть ему его офицеров, вы это знали? Но Анаандер, очевидно, перехватила их, и они по-прежнему находятся в анабиозе на борту «Меча Гурата». Как средство воздействия на «Меч Атагариса».

— Я не знала. — Администратор базы Селар нахмурилась. — На базе у Хетнис есть друзья,

которым будет очень неприятно это услышать.

— Несомненно, — спокойно сказала Сеивар-ден. — По какой бы причине Анаандер ни попыталась привести сюда тот третий «Меч», если ей не удастся сбежать, то чем дольше она там сидит, тем более вероятно, что она решит пожертвовать собой. Я думаю, база была права: в результате система практически перейдет в руки Брэк. Но я также думаю, что, понимая это и также зная, что она всего лишь маленькая частица себя, Анаандер может также решить, что наилучший выбор для нос — оставить эту систему бесполезной для того, кто ею овладеет.

Администратор базы Селар помолчала.

— И вы не знаете, где находится капитан флота или что она планирует?

— Нет. Но не думаю, что положение останется таковым надолго.

И тут из кабинетного пульта заговорила база:

— Вы и не подозревали, насколько вы правы, лейтенант. «Меч Атагариса» только что выстрелил по базе. До удара — девять часов. Накроет Сады. Я только что приказала рабочим бригадам эвакуироваться из Подсадья и как можно лучше загерметизировать эту зону. Буду признательна за подтверждение, администратор.

— Разумеется, — ответила Селар, поднимаясь с места.

Сеиварден сказала:

— Ты, конечно, убила Мианнаи в губернаторской резиденции, база.

— Я пытаюсь, лейтенант, — ответила база из пульта. — Но ей, кажется, удалось пробить отверстия в секционной двери над окном на площадь. Я не знаю, как именно. — Секционные двери как и кораблях, и на базах по вполне очевидным причинам делались так, что пробить их чрезвычайно сложно. — Немного, но достаточно, чтобы втянуть воздух с главной площади, когда я пытаюсь выкачать его из кабинета. Не тот ли это невидимый пистолет капитана флота, который она применила в Садах?

— О черт! — Сеиварден тоже поднялась с места. — Сколько отверстий?

— Двадцать одно.

— Значит, у нее осталось шесть выстрелов, — сказала Сеиварден.

— И, — добавила база, — Анаандер Мианнаи требует, чтобы я перестала пытаться удушить ее, иначе «Меч Атагариса» снова выстрелит.

— Не вижу особого выбора, база, — сказала администратор Селар.

Сеиварден движением руки выразила согласие. Беспомощная и злая — главным образом на саму себя, но сдерживая это в себе.

— Она также желает встретиться *с тем, кто здесь руководит*.. В ее, как она выразилась, кабинете. Через десять минут. Или…

— «Меч Атагариса» снова выстрелит. Да, подтвердила Сеиварден. — Полагаю, *тот, кто здесь руководит*., — это ты, база.

— Лорд Мианнаи так не думает, — сказала база. Ни недовольства, ни раздражения в ее тоне не было. — В противном случае она стала бы говорить со мной напрямую. Кроме того, власть здесь — администратор базы Селар.

Селар посмотрела на Сеиварден. Ее лицо было лишено всякого выражения, по, несомненно, она вспоминала смерть главы службы безопасности. Сеиварден молчала. В конце концов Селар сказала:

— И здесь я тоже не вижу особого выбора. Лейтенант, вы пойдете со мной?

— Если хотите, администратор. Хотя я уверен, вы осознаете, что мое присутствие… станет определенным проявлением формального объединения.

— Думаете, что капитан флота возражала бы

против этого?

— Нет, — сказала Сеиварден. — Не стала бы.

На главной площади уже начала возникать очередь, предвиденная администратором Селар. Ее преосвященство Ифиан и подчиненные ей священники, которых было вдвое меньше, чем во время предыдущей забастовки, — самодовольно наблюдали за зарождавшейся очередью. Когда администратор базы Селар и Сеиварден проходили мимо входа в храм, Ифиан поднялась со своей подушки.

— Администратор базы, я требую правды. Вы *должны* сказать правду жителям базы, а вместо этого вы распространяете ложь, чтобы манипулировать нами.

Администратор Селар остановилась, с ней — и Сеиварден.

— Что это за ложь, ваше преосвященство?

— Лорд Радча никогда не стала бы стрелять по этой базе, как вы прекрасно знаете. Я потрясена тем, насколько далеко вы зашли в отрицании законной власти и в явном пренебрежении благополучием жителей базы.

Сеиварден посмотрела на ее преосвященство. Ее губа изогнулась, придав лицу лейтенанта, аристократическую надменность, и Сеиварден

сказала:

— Администратор, я бы не удостоил эту особу ответом. — И, не дожидаясь ни ответа Ифиан, ни реакции Селар, она повернулась от храма и зашагала к резиденции губернатора. Селар, ничего не сказав, развернулась вслед за Сеиварден.

Анаандер Мианнаи стояла за столом губернатора системы с двумя вспомогательными компонентами «Меча Атагариса» по сторонам.

— Что ж, — сказала она, увидев, как входит администратор базы Селар в сопровождении Сеиварден, — я прошу того, кто здесь руководит, и получаю это. Очень интересно…

— Вы бы не приняли, что здесь руководит база, — ответила Селар. — Мы не были уверены в том, кого вы примете, поэтому решили предложить возможность выбора.

— Не понимаю, за какого недоумка вы меня: держите, — сказала Анаандер спокойно, явно находясь в хорошем расположении духа. — И, гражданин Сеиварден, меня не оставляет изумление в связи с вашим участием в этом. Ни за что бы не подумала, что вы когда-нибудь станете предателем Радча.

— Я мог бы сказать то же и о вас, — заметила Сеиварден. — Но события были слишком убеди-

тельными.

— Так это вы, не так ли? Контролируете «Справедливость Торена» и «Милосердие Кадра». И теперь — базу Атхоек. Очень юная — и, должна сказать, не слишком уравновешенная — лейтенант Тайзэрвэт утверждала, что на борту «Милосердия Кадра» не было других экземпляров меня.

Упоминание Тайзэрвэт ударило Сеиварден, словно пощечина. Она пыталась не подать виду, но на ее лице отразилось изумленное смятение.

— Тайзэрвэт! — Сеиварден осознала, что имел место некий обман, но о его сути могла лишь догадываться. — Эта маленькая предательница с рыбьими мозгами!

Анаандер Мианнаи откровенно расхохоталась.

— Ужас, испытываемый ею перед вами, уступает лишь ее страху перед вспомогательным компонентом, которая, конечно, формально командует, но… — Она отмахнулась от такой возможности. — Я вот что скажу: лейтенант Тайзэрвэт наверняка была для вас в большей степени помехой, нежели чем-то еще. Наверное, в какой-то момент она обладала чем-то напоминающим разум, чтобы получить назначение на административный пост, но только боги знают,

обретет ли она его вновь.

— Что ж, — сказала Сеиварден с беззаботностью, которой на самом деле не ощущала, — займитесь ею, и, кто знает, может, вам и удастся что-нибудь из нее извлечь.

— Разумно, — согласилась Анаандер. — Итак, поскольку я совершенно уверена, что никогда и ни при каких обстоятельствах не дам вспомогательному компоненту такие коды доступа, которые явно задействованы здесь, я должна допустить, что это вы управляете базой. Тогда я буду иметь дело с вами.

— Если вы настаиваете, — ответила Сеиварден. — Я, однако, всего лишь представитель базы.

Анаандер смерила ее недоверчивым взглядом.

— Вот как все будет. Я снова получаю контроль над этой базой. При любой угрозе мне «Меч Атагариса» снова выстрелит по базе. Его первая ракета — та, что долетит часов через восемь, — просто подтверждение моих намерений и нанесет ущерб только ненаселенным участкам. Последующие выстрелы не будут такими осторожными. Я нахожу, что окажусь счастлива принести в жертву данный экземпляр меня, если это лишит моего врага плацдарма. Я буду держать под контролем

официальные новостные каналы через губернатора системы Джиарод. Больше не допускается никаких неожиданных появлений в новостях. «Меч Гурата» снова станет обеспечивать безопасность базы. Он также продолжит пробиваться в отсек центрального доступа базы. При любой попытке остановить это «Меч Атагариса» снова выстрелит по базе.

— База, — безмолвно обратилась Сеиварден, — ты понимаешь, что у лорда Мианнаи есть здесь три процессорных ядра ИИ? — Полутораметровый штабель, гладкий и темный, по-прежнему стоял в углу позади Анаандер. — Как только лорд Мианнаи пробьется к отсеку центрального доступа, ее ничто не остановит и она заменит тебя на один из них.

— Я в самом деле не знаю, что вы имеете в виду лейтенант, — сказала база в ухо Сеиварден. — Я действительно не вижу какого-то выбора.

Вслух Сеиварден сказала:

— Вы просите нас о значительных уступках. Что вы предлагаете взамен? Помимо одолжения не уничтожать базу и всех, кто на ней? Потому что вы знаете так же хорошо, как и мы, что никто из нас на самом деле этого не хочет, что все здесь — включая вас — готовы предпринять определен-

ные усилия, чтобы избежать таких последствий. В противном случае вы бы уже сделали это.

— Вендааи так давно уже нет, — ответила со смешком Анаандер, — что я забыла, какими невыносимо надменными они могли быть.

— Я польщен тем, что считаюсь достойным своего клана, — холодно сказала Сеиварден. — Что вы предлагаете?

Тишина. Анаандер переводила взгляд с Сеиварден на администратора базы Селар и обратно.

— Я не буду снова вводить комендантский час и позволю проведение ремонтных работ в Подсадье.

— Это было бы проще, — мягко сказала Сеиварден, — если б вы велели «Мечу Атагариса» убрать свою ракету прежде, чем та нанесет удар.

Анаандер улыбнулась.

— Только в обмен на вашу полную, безоговорочную капитуляцию.

Сеиварден усмехнулась.

— Если вы не вводите комендантский час, — вставила администратор базы Селар, прежде чем Сеиварден сказала что-нибудь неуместное, — и работа в Подсадье продолжается, то не будет никакой нужды в помощи «Меча Гурата» с безопасностью. На самом деле, как я полагаю, вам

уже говорили недавно, — было очень смело поднять этот вопрос, как недавние события только подтвердили, что вмешательство «Меча Гурата» в вопросы местной безопасности, вероятно, создаст больше проблем, чем их решит.

Тишина. Анаандер смотрела на администратора базы. Затем наконец сказала:

— Ладно. Но при появлении первой же очереди, при первом *намеке* на забастовку, не говоря уже о том, что было у нас на главной площади на днях, «Меч Гурата» принимается за дело.

— Тогда поговорите об этом со своими людьми, — посоветовала Сеиварден. — Ее преосвященство Ифиан начинает свою вторую за последние недели забастовку. И там уже сейчас очередь из-за невыполнения заказов на проведение похорон и оформление контрактов, возникшая по вине ее преосвященства. — Анаандер ничего не сказала. — Я полагаю, что ее преосвященство Ифиан противодействовала ремонту Подсадья, следуя вашим указаниям? Она на вас работает, да? Эту часть вас, я имею в виду. — Анаандер по-прежнему молчала. — Мы бы также хотели услышать ваши заверения в том, что вы не планируете заменить базу одним из процессорных ядер ИИ, что стоят позади вас.

— Нет, — решительно ответила Анаандер. — Я не дам подобных заверений. Должна поблагодарить вас, знаете ли. Я понятия не имела, что они были здесь. Я думала, что уже искала там тщательно и вела сносное наблюдение, но, очевидно, упустила эти.

— Так, значит, они не ваши? — спросила Сеиварден. Мы представления не имели, что они находились там. Я полагаю, что об этом знала ее преосвященство Ифиан, поскольку она была настроена решительно воспрепятствовать ремонту Подсадья, организованному капитаном флота. Увидев процессорные ядра ИИ, я предположил, что все ее усилия направлялись на то, чтобы мы не наткнулись на эти ядра. Но вы говорите, что не знали о них. Тогда чьи же они, интересно?

— Теперь мои, — заявила Анаандер с недоброй улыбкой. — И я сделаю с ними, что пожелаю. А если тот вспомогательный компонент не знал, что ядра были в Подсадье, то зачем туда полез?

— Она увидела нечто сломанное, что нуждалось в восстановлении, сказала Сеиварден. Ей так хотелось, чтобы ее голос не дрожал. До сих пор ее поддерживали адреналин и ощущение острой необходимости действовать, но ресурсы быстро истощались. — Так она поступает. И последнее

— думаю, это последнее. База? — База ничего не сказала. Администратор Селар тоже молчала. — Вы публично возьмете на себя ответственность за ту ракету, которая вот-вот накроет Подсадье. И условия этого соглашения, и его причина должны быть разосланы но всем официальным каналам. Чтобы, когда вы удалите базу как препятствие к тому, чтобы обращаться с ее жителями так, как вам угодно, и начнется стрельба, они узнали, что вы — вероломное дерьмо, и чтобы об этом узнали все в пространстве Радча. — На последней фразе голос у нее чуть не сорвался. Она тяжело сглотнула.

Тирам молчала целых двадцать секунд. Затем сказала:

— После всего, что я услышала, меня бесит именно это. Неужели вы думаете, что последние три тысячи лет я занималась чем-то иным, кроме пользы для граждан? Что мною движет что-либо, помимо отчаянной надежды сохранить в безопасности пространство Радча и его граждан? Включая и граждан на этой базе?

Сеиварден хотела сказать что-нибудь язвительное, но прикусила язык. Она знала, что если заговорит, то все ее потуги сохранить самообладание пойдут прахом. Вместо этого она принялась

размеренно дышать, тщательно соблюдая временные интервалы. База сказала из кабинетного пульта:

— Когда сюда прибыла капитан флота Брэк, она принялась улучшать жизнь моих жителей. Когда прибыли вы, то стали убивать моих жителей. Вы продолжаете угрожать убивать моих жителей.

Анаандер будто и не слышала, что сказала база.

— Я хочу получить ваши коды доступа. — Это было сказано Сеиварден.

Та просто отмахнулась. Сосредоточенность на дыхании успокоила ее достаточно, чтобы ей удалось произнести более или менее непринужденно:

— У меня есть только капитанские коды к «Мечу Настаса». С учетом того, что он мертв уже тысячу лет, не вижу, какой вам в них толк, но — пожалуйста.

— Кто-то изменил множество кодов доступа высокого уровня к базе. Кто-то заблокировал дверь в отсек центрального доступа.

— Это не я, — отрезала Сеиварден. — Ноги моей не было раньше на базе.

Два вспомогательных компонента «Меча Атагариса» стояли все это время неподвижно, как

статуи, и хранили молчание. Корабль хорошо знал, кто сменил коды доступа базы. Но ничего не сказал.

Анаандер поразмыслила.

— Тогда давайте сделаем это объявление. И поскольку вы больше не находитесь вне моей сферы полномочий, гражданин Сеиварден, вы и я поднимемся на борт «Меча Гурата» и обсудим вопрос кодов доступа к базе и кто же все-таки управляет вспомогательным компонентом «Справедливости Торена».

Это наконец оказалось чересчур для Сеиварден.

— Вы! — Она указала прямо на Анаандер Мианнаи, это был грубый и злой жест для радчааи. — Не смейте даже *упоминать* о ней, не говоря уже о том, чтобы делать это в таких выражениях. Вы смеете претендовать на то, что вы справедливы, правильны, действуете на пользу гражданам? Скольким гражданам вы принесли смерть, одна только вы из всех вас и лишь за последнюю неделю? А сколько будет еще? Ваза Атхоек, с которой вы не разговариваете, выглядит много лучше вас. «Справедливость Торена», то немногое, что от нее осталось, вы не признаете, но эта личность — лучше вас. О буфера Аатр, как жаль,

что ее здесь нет! — Она почти кричала. — *Она* не позволила бы вам сделать это с базой. *Она* не отшвыривает людей в сторону, когда они внезапно становятся неудобными или ради своей пользы. Не говоря уже о том, чтобы называть себя за это добродетельной. — Теперь она уже открыто рыдала и больше не могла говорить. Всхлипывая, выдавила: — Мне нужно отправиться в спортзал. Нет, мне нужно в медчасть. База, тот врач на дежурстве?

— Она может прийти незамедлительно, лейтенант, — ответила база.

Администратор базы Селар сказала в ответ на удивленный взгляд Анаандер Мианнаи:

— Лейтенант Сеиварден была больна. — Ей удалось добавить в голос нотку осуждения: — Ей следует немедленно отправиться в медчасть. Вы можете обсуждать с ней все, что нужно, когда она поправится. Я сделаю заявление с вами, лорд Мианнаи, а потом у базы и у меня очень много дел.

Анаандер Мианнаи с недоверием спросила:

— Больна?

— Лейтенант сегодня не работала по своему усмотрению, — сказала база. — На самом деле ей следовало отдыхать. Врач встревожена моим отчетом о состоянии здоровья лейтенанта

Сеиварден и только что предписала недельный отдых и велела ей явиться в медчасть как можно скорее, с помощью службы безопасности, если это необходимо. Не знаю, как *вы*, но здесь мы относимся к медицинским предписаниям очень серьезно.

И вот тогда «Милосердие Калра» вернулся во вселенную.

Глава 17

Как только мы увидели солнце Атхоека, «Милосердие Калра» попытался найти Тайзэрвэт и Сеиварден. Тайзэрвэт он обнаружить не смог. Отыскал Сеиварден, которая стояла, рыдая, беспомощная: и разъяренная, в кабинете губернатора системы рядом с администратором базы Селар. Анаандер Мианнаи за столом губернатора Джиарод произнесла:

— На борту «Меча Гурата» есть великолепный врач.

Нашел внешние архивы. Извлек из них информацию, показал мне — я сидела в командной рубке — вызывающий головокружение спрессованный поток мгновений: образы, звуки, эмоции. Я с трудом успевала в них разобраться. Но основное я уловила: «Меч Атагариса» выпустил по базе ракету, и она долетит до Садов через восемь часов, Тайзэрвэт и Девять были на борту «Меча Гурата» и больше ничего о них не известно; попытка Сеиварден убить Анаандер Мианнаи потерпела неудачу и, более того, пистолет Прессер оказался в руках тирана. Но Сеиварден жива, так

же как Два и Четыре, которые сейчас в составе аварийной бригады укрепляют секционные двери, окружающие Сады и Подсадье.

В кабинете губернатора системы администратор базы Селар сказала Анаандер Мианнаи:

— Здешний врач уже знаком с историей болезни лейтенанта Сеиварден. Вы, несомненно, не допускаете, что она каким-то образом сбежит?

Сеиварден всхлипнула. Вытерла глаза тыльной стороной ладони в перчатке.

— А пошла ты!.. — сказала она. И повторила: — *А пошла ты*! У тебя есть все, что ты хочешь. От меня ты ничего не получишь, потому что у меня этого нет.

— У меня нет «Справедливости Торена», — отреагировала Анаандер.

— Что ж, это твой собственный чертов промах, не так ли? — ответила Сеиварден. — Я с тобой закончил. Иду в медчасть. — Она повернулась и вышла из кабинета.

— «Титанит», — сказала я, все еще сидя в командной рубке и продолжая смотреть вполглаза на образы из тех архивов, которые показывал мне корабль. — Где ты находишься на самом деле?

— В своей койке, — ответил «Титанит», «Милосердие Калра» передал его слова мне в ухо. — Где

же мне еще быть?

— «Меч Атагариса» выстрел ил по базе. Узурпатор планирует заменить базу Атхоек другим процессорным ядром ИИ, и, кажется, никто не в состоянии удержать ее от полного уничтожения базы. Где ты? Ты достаточно близко, чтобы помочь?

Вероятно, «Титанит» ничего не был способен сделать, даже если и находился близко, но Ананандер никак не могла этого знать. «Титанит» мог, по крайней мере, *выглядеть* очень грозно.

— А ты можешь выиграть время, кузина? — пришел ответ «Титанита». — Несколько лет, например?

— Корабль, — сказала я, не отвечая «Титанит», — скажи «Милосердию Илвеса», что пришло время выбирать, на какую сторону встать. Дай понять ему и его капитану, что оставаться в стороне больше нельзя.

Любое действие, которое предпримет сейчас «Милосердие Илвеса» — или не предпримет, — будет его выбором, хотят ли этого корабль и его капитан или нет.

Корабль сказал мне в ухо:

— Что, если он решит поддержать лорда Мианнаи?

— А что, если нет? — спросила я. — Обязательно сообщи ему, что тиран планирует сделать *с* базой. Дай ему знать, что у нее есть еще два процессорных ядра. — «Меч Атагариса» уже наверняка об этом подумал. — Пошли то же самое капитану флота Уэми и флоту Храда.

Они на расстоянии целого шлюза. И вероятно, сейчас они уже во Дворце Тстур и полагают, что присутствие Анаандер здесь ослабило ее хватку там.

Наше послание «Милосердию Илвеса» достигнет его не раньше чем через час. Его ответу — если он соизволит его дать — понадобится еще час, чтобы дойти до нас. И если этот ответ придет, то может оказаться, что он не в нашу пользу. Флот Храда получит наше сообщение только через несколько часов, и в лучшем случае ему до нас — несколько дней пути. Лучше действовать так, как будто мы одни.

О, те славные дни, когда я была кораблем! Когда любое мое перемещение в связи с боевыми действиями совершалось в присутствии целых флотов, и не номинальных, не каких-нибудь трех-четырех «Милосердий» и, может, «Меча». Дюжины и дюжины кораблей, и я — лишь одна среди них, переносящая тысячи тел. Как «Спра-

ведливость Торена», в одиночку я могла бы одолеть и оккупировать базу Атхоек без особых усилий. В те дни это было проще, потому что не имело значения, кого мы убивали и в каких количествах. Тем не менее я (как давным-давно погибшая «Справедливость Торена») могла бы, вероятно, взять под контроль базу Атхоек в течение считаных часов, с очень небольшими потерями.

Сейчас же у меня были только я сама, «Милосердие Кадра» и его экипаж. Я не знала, сколько у меня времени, — не знала, как далеко зашел «Меч Гурата» в своей предыдущей попытке пробиться в отсек центрального доступа базы Атхоек. Они занимались этим несколько дней, прежде чем база остановила их. Значит, не слишком много времени. Максимум — несколько дней. Вполне возможно, что гораздо меньше. А еще — та ракета по-прежнему летит на Сады. Возможно, она никого не убьет, но причинит значительный ущерб.

— Зачем, — спросила я вслух, — тиран пришла сюда?

Амаат Один, стоявшая рядом с моим креслом в командной рубке, озадаченно сказала:

— Сэр?

— Почему она пришла именно сюда из всех возможных мест? Почему она оказалась здесь,

даже не дождавшись, пока надежно закрепится во Дворце Тстур? — Потому что эта Анаандер явилась не из Омо, а другие дворцы были слишком далеко. — Что она искала?

«Она очень злится на вас, сэр», — говорила лейтенант Тайзэрвэт.

— Она искала вас, капитан флота, — сказала Амаат Девять, стоявшая у пульта позади меня, отвечая за «Милосердие Калра».

— И мы знаем, что она готова к переговорам, но крайней мере в определенной степени. — Она по-прежнему считала, что принимает интересы граждан близко к сердцу. Я думаю, что она искренне хочет избежать полного разрушения базы или нанесения ей значительных повреждений. С одной стороны, потеря базы сильно затруднит использование Атхоека в качестве опорного пункта. — Извлекать с планеты природные богатства будет возможно, но без базы: это станет не так удобно. — С другой стороны, все корабли, находящиеся здесь; все люди внизу на планете; «Милосердие Илвеса». — Никто из нас не знал, что думали о том «Милосердие Илвеса» или его капитан. — Нет, наблюдают слишком многие люди. И ведь все они — граждане. Если она разнесет на клочки базу Атхоек или заставит «Меч Гура-

та» спалить ее дотла, об этом узнают все. Такого она не хочет. Но то, что она *хочет,* — не считая полного контроля над базой Атхоек сейчас, — это у нас есть.

— Нет, — сказала Амаат Девять, читая слова корабля в поле своего зрения. Встревоженная. Не понимая того, что понял корабль. Испуганная. — Нет, капитан флота. Я на это не соглашусь.

— Корабль, база Атхоек защищалась в меру своих сил. И в общем это было эффективно. Но она исчерпала свои возможности. А как только тирану удастся пробиться в ее отсек центрального доступа, как только она начнет заменять базу одним из тех процессорных ядер ИИ, как думаешь, что произойдет тогда? — Не тотальная бойня, нет. Если только Анаандер сможет ее избежать. Но в конце концов дойдет до этого. — Мы что — собираемся здесь сидеть и смотреть, как база умирает?

— Она не станет придерживаться никакого соглашения, — сказала Амаат Девять. Сказал корабль. — Как только она получит вас, — тут наконец до Амаат Девять дошло, — она сделает с базой то, что захочет.

— Может быть, — согласилась я. — Но это может дать нам какое-то время. — В чем, возможно,

не будет никакого смысла.

— А кто идет? — спросил корабль по-прежнему через Амаат Девять. «Титанит»? И когда он придет сюда через два года, что он сможет сделать? Или вы надеетесь на флот Храда?

Нет, согласилась я. — Я уверена, что они пробудут во Дворце Тстур некоторое время. Но мы должны *что-то* сделать. У тебя есть идея получше?

Тишина. Затем:

— Она убьет вас.

— В конечном счете, — согласилась я. — Но не раньше, чем получит всю информацию, которую, как считает, может из меня извлечь. И у нее нет с собой специалиста по допросам.

Я была вполне в этом уверена, иначе она не говорила бы так о Тайзэрвэт. И она, очевидно, не считала, что может доверять кому-нибудь из местных, с базы.

— Она попытается использовать мои импланты вспомогательного компонента, но мы можем усложнить это для нее. — И выиграть больше времени.

— Нет, — сказал корабль. Сказала Амаат Девять. — Она просто сделает вас вспомогательным компонентом «Меча Гурата» и получит все.

— Она так не поступит. Она говорила снова и снова, что не думает, будто дала коды доступа вспомогательному компоненту. Но что, если они у меня есть? Она не хочет, чтобы «Меч Гурата» получил их. А что, если он возьмет меня как вспомогательного компонента, а я каким-то образом развращу корабль? Пет, она меня сначала убьет. Но тем временем мы выиграем несколько дней. Может, больше. И кто знает, что может случиться за несколько дней.

Тишина. Амаат Один, Амаат Девять стояли, не сводя с меня глаз. Потрясенные, они отказывались поверить тому, что сейчас услышали.

— Не надо так, Амаат, — сказала я. — Я — один солдат. Даже не вполне целый. Что значу я против всей базы Атхоек? И я не раз бывала в более отчаянном положении и выжила. И все же однажды — может, сегодня — так не получится.

— Я никогда не прощу ее, — сказала Амаат Девять. Сказал «Милосердие Калра».

— Я не простила, — ответила я.

Я вышла на связь с Анаандер, сидя в командной рубке, моя коричнево-черная форма была безупречна — Калр Пять могла этого добиться. Маленький золотой кружок памятной броши лейтенанта Оун — возле воротника. Брошь пере-

водчика Длайкви я убрала. Я сказала вслух:

— Тиран, насколько я понимаю, у тебя есть все, чего ты хотела, за исключением одного.

Через пять минут я дождалась ответа, только голосового, без визуального сопровождения.

— Очень занятно. Ты была здесь все это время?

— Только полчаса или около того. — Я не озаботилась тем, чтобы улыбнуться. — Так, значит, поговорить тогда со мной? Не нужно, чтобы один из моих лейтенантов делал вид, что действительно всем заправляет и говорил за меня?

— О, милость Амаата, нет, — пришел ответ. — Все твои лейтенанты, с которыми я до сих пор говорила, — неуравновешенное, рыдающее дерьмо. Что ты с ними делаешь?

— Ничего необычного. — Я протянула руку за чашкой чая, которую подала мне одна из моих Калр. Бесценный белый фарфор, Пять доставала его только по самым серьезным поводам. Я не знала, видит ли его Анаандер, но мысль о том, что она может это видеть, явно давала Пять некое удовлетворение. — Кого пришлет Военное управление, с тем и работаешь. Хотя Вендааи никогда не были такими надежными, как они о себе думают. И кстати о Вендааи. Я получу лейтенанта Вендааи и ее солдат назад. Невредимыми,

пожалуйста.

— О, неужели?

— Да.

— А лейтенанта Тайзэрвэт — тоже?

— О, милость Амаата, нет. — Мой голос был ровным. Не безжизненным, как у вспомогательного компонента. — Желаю тебе насладиться ею. Ты можешь на самом деле заставить ее поработать, если она прекратит рыдать хоть на несколько минут.

— Как мне сказали, она эмоционально травмирована и нуждается в лечении. И более серьезном, чем может обеспечить корабельный врач. Таких людей не направляют в вооруженные силы, даже на административные посты. Не могу не прийти к заключению, что до этого ее довела служба под твоим командованием.

— Вполне возможно, — согласилась я. — Но, как я сказала, я получу назад лейтенанта Сеиварден и ее солдат. И…

— И?

— И ты прекратишь свои попытки убить базу Атхоек.

— Убить! Пауза. — База Атхоек моя, и я делаю с ней, что хочу. И сейчас: она функционирует не должным образом.

— Ни одно из твоих утверждений не верно. Но я не буду с тобой спорить. Я отпила чаю из элегантной фарфоровой чашки. — Верни лейтенанта Сеиварден и ее Амаат и откажись от своего плана заменить базу Атхоек новым процессорным ядром ИИ, и я сдамся тебе. Только я. У меня нет намерения передавать тебе «Милосердие Кадра».

Тридцать секунд тишины. Затем:

— В чем подвох?

— Его нет. Разве что под подвохом ты понимаешь те же условия, на которые ты согласилась с базой Атхоек: условия обмена должны быть объявлены по официальным новостным каналам. Так, чтобы… Как выразилась лейтенант Сеиварден? Чтобы, когда ты удалишь базу как препятствие к тому, чтобы обращаться с ее жителями как угодно, и начнется стрельба, они узнали, что ты — вероломное дерьмо, и чтобы об этом узнали все в пространстве Радча. О, и я также ожидаю, что ты будешь чтить условия твоего соглашения с самой базой. — Тишина. — Не дуйся. База Атхоек уже сказала, что вполне рада иметь с тобой дело, когда ты не угрожаешь ее жителям. Все могло уже измениться теперь, когда она знает, что ты пытаешься убить ее, но это твоя собственная вина, и больше ничья. Я уверена, что, если ты

сможешь заставить себя обращаться с жителями базы Атхоек порядочно, у тебя по-прежнему останется годный к употреблению опорный пункт в этой системе, с населенной планетой и всеми ее ресурсами, потенциально доступными для тебя. И у тебя еще буду я, разумеется.

— Откуда появился тот пистолет?

Я улыбнулась и отпила чаю.

— Кто ты на самом деле?

— Один Эск Девятнадцать «Справедливости Торена», — ответила я. — Кто же еще?

— Я тебе не верю.

Я протянула пустую чашку Калр.

— Прикажи «Мечу Гурата» прекратить пробиваться в отсек центрального доступа базы Атхоек, объяви о нашем соглашении — и я прибуду на базу. Сможешь выжать из меня любую информацию.

— Нет. Я так не думаю.

Я показала жестом, что мне все равно.

— Ладно. Прощай. — Связь отключилась.

— Теперь они уже знают, где мы находимся, — сказала Калр Тринадцать со своего поста позади меня.

— Да, — согласилась я. — И они могут оказаться глупы настолько, чтобы попытаться нас

атаковать. Но я не думаю, что они это сделают. «Милосердие Илвеса» по-прежнему неизвестная величина, и, если «Меч Атагариса» двинется, чтобы атаковать нас, они оставят «Меч Гурата» уязвимым. Он все еще пристыкован к базе. — Хотя Тайзэрвэт, насколько мне известно, все еще на борту «Меча Гурата». — И я начинаю подозревать, что он поврежден гораздо сильнее, чем они говорят.

Он мог прийти в эту систему уже поврежденным в бою за Дворец Тстур, и столкновение с пассажирским челноком усугубило ситуацию.

— Сейчас тиран злится и полна подозрений, но довольно скоро она поймет, что этот обмен ей выгоден.

И база Атхоек оказалась бы в безопасности. Я надеялась.

Через час тиран прислала ответное сообщение. Она сделает объявление. «Меч Гурата» покинет проходы, окружающие отсек центрального доступа, и база Атхоек подтвердит мне, что она в безопасности и ее оставили в покое. Сеиварден и ее Амаат встретят меня на причале и перейдут на челнок, на котором прилечу я. Я буду одна и без оружия.

Я пошла в медчасть. Врач не могла заставить

себя говорить со мной целую минуту. Я сидела на краю койки и ждала. Наконец она сказала:

— Все еще поете? — Сердитая и удрученная.

— Я перестану, если хотите.

— Нет, — ответила она, сердито вздохнув. — Так было бы даже хуже. Я знаю, вы считаете невероятным, что они сделают вас вспомогательным компонентом «Меча Гурата». И я понимаю, почему вы так думаете. Но если вы ошибаетесь, они поступят так без колебаний. Вы для них — не личность.

— Есть еще одна причина, по которой, как я думаю, они этого не сделают, и я не упомянула о том в командной рубке. Если у Сеиварден нет кодов доступа к базе и Тайзэрвэт не…

— Это другое дело, — вставила врач.

— А если, как она, очевидно, считает, у Тайзэрвэт их нет, — продолжила я, — тогда у кого же они? Возможно, у меня. Я думаю, она стала подозревать, что я — это не я, что меня на самом деле захватила Анаандер из Омо. Возможно, она предпочтет, чтобы «Меч Гурата» не получил так много сущности ее врага в сокровенную часть своей памяти.

— А как только они вытрясут из вас то, что хотят, сэр, с лейтенантом Тайзэрвэт будет по-

кончено.

Более того, знания Тайзэрвэт могут дать Анаандер из Тстура преимущество, если она пойдет против Омо. Если Анаандер из Омо не взяла уже Дворец Тстур.

Все это было авантюрой. Как при метании знаков — никогда не знаешь, как они лягут.

— Да, — согласилась я. — Но с Тайзэрвэт будет покончено и в том случае, если ей не удастся сделать то, для чего она отправилась на «Меч Гурата». И чем больше времени мы сможем дать ей для этого, тем лучше для всех нас.

— Корабль очень расстроен.

— Но корабль понимает, зачем я так делаю. И вы — тоже. И вы можете расстраиваться по этому поводу позже, когда мы закончим. Итак. Верните меня в то состояние, в котором обнаружили, когда я впервые появилась на борту этого корабля.

Необходимости удалять имплантаты не было, требовалось лишь деактивировать их. Врачу понадобился час, чтобы начать этот процесс, а остальное завершится само собой в течение следующего дня.

— Что ж, — сказала она, когда закончила, жутко хмурясь. И не смогла продолжить.

— Я выживала с худшими шансами, — сказала

я ей.

— Однажды не выйдет, — заметила она.

— Это верно для всех нас, — согласилась я. — Я вернусь, если смогу. Если же не смогу, ну… — Я взмахнула рукой, словно бросая пригоршню знаков.

Я видела — сейчас я по-прежнему могла видеть, — что она опять не в силах говорить. Что она не желает, чтобы я смотрела на нее, именно сейчас. Я соскользнула с койки и, зная, что большего она не захочет, положила руку ей на плечо на мгновение, а затем оставила ее в одиночестве.

Калр Пять была в моей каюте. Укладывая вещи, словно я собиралась на несколько дней на базу.

— Прошу вашего снисхождения, сэр, — сказала она, когда я вошла, — *одна* не означает без прислуги. Вы не можете отправиться на базу без кого-нибудь, кто будет следить за вашей формой. Или нести ваш багаж. Лорд Мианнаи просто не может так думать.

— Пять, — сказала я, а затем добавила: — Эттан. — Ее имя, которое я произнесла лишь однажды когда-то, к ее ужасу. — Мне нужно, чтобы ты осталась здесь. Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и была в порядке.

— Не представляю, как я смогу, сэр.

— И нет никакого смысла брать какой-то багаж.

Она уставилась на меня, не понимая. Или, возможно, отказываясь понимать. Нет, корабль показал мне, что она очень старалась не расплакаться.

— Вот что, — произнесла я, — дай-ка мне итранскую икону. Не ту, что в углу. — Та, Что Возникла из Лилии, находилась в нише в углу моей каюты, с ЭскВар и иконами Амаата и Торена. — Ту, что в моем багаже.

— Есть, сэр.

Та, Что Возникла из Лилии, с ножом в одной руке и человеческим черепом из драгоценных камней — в другой, непрестанно вызывала восхищение и отвращение среди моих Калр. Я никогда не доставала в их присутствии другую итранскую икону, но они, конечно, знали о ней. Пять открыла скамью, в которой лежала икона, и извлекла ее оттуда, золотой диск пяти сантиметров в диаметре и полутора сантиметров толщиной. Я взяла у нее икону и нажала на защелку. Она распахнулась, из центра поднялась фигурка в коротких брюках, с венком крошечных цветов из драгоценных камней. Одна из четырех рук держала отрубленную голову, которая безмя-

тежно улыбалась, из нее сочились на босые ноги фигурки рубиновые капли крови. В двух других руках она держала нож и шар. Четвертая рука пустовала, предплечье было заключено в цилиндрический защитный доспех.

— Сэр! — Изумление, охватившее Пять, отразилось на ее лице. — Это же вы.

— Это икона итранской святой Семь Блистательных Истин Сияют как Солнца. Видишь голову? — Голова святой явно служила центром композиции, и в Итранской Тетрархии ни у кого не было сомнений в том, кому посвящена икона. Но вне Тетрархии взгляды неизменно притягивала стоящая фигура. Вне Тетрархии ее видели только те, кто также видел и меня. — Особую ценность это имело бы в Итранской Тетрархии. Их было сделано не много, а в этой в основании есть фрагмент кожи святой. Сбережешь ее для меня? — Я немного вещей хранила как память, но эта икона — из их числа. И памятная брошь с похорон лейтенанта Оун, но с ней я не расстанусь.

— Сэр, — сказала Пять, — ожерелье, которое вы дали гражданину Юран. И та… та коробка с зубами, что вы вручили садоводу Баснаэйд.

— Да, — согласилась я. — То — оригиналы, здесь они — в миниатюре.

Мне не нравилась святая Семь Блистательных Истин Сияют как Солнца. Она была слишком уверена в своей значимости, собственном превосходстве. Она не имела сострадания пи к кому, кроме себя. Но пришла минута, когда потребовалось пожертвовать собой ради того, во что она верила, и она отказалась от возможности спастись, которую ей предлагали. Она думала, что из всех присутствовавших я лучше остальных пойму ее выбор. Так оно и вышло, хоть и не по тем причинам, о каких она думала. Я прикоснулась к защелке, и икона закрылась.

— Мне нужно, чтобы ты сохранила это для меня. — Она неохотно взяла икону. — Кроме того, никто другой не позаботится должным образом о фарфоре. Я возьму с собой свой старый эмалевый сервиз, я знаю, что ты порадуешься, что его не здесь не будет.

Как ни странно, она нахмурилась, а затем повернулась и выскользнула из каюты без извинений или объяснений. Мне не нужно было спрашивать корабль почему.

«Титанит» стоял в коридоре снаружи. Бросив на Пять безразличный взгляд, когда она выскочила, он сказал мне:

— Кузина! Возьми меня с собой! В прошлый раз,

когда ты сделала нечто столь же поразительно глупое, это оказалось так захватывающе. Я тоже теперь хочу. Или по крайней мере, дай мне возможность плюнуть Узурпатору в лицо. Только раз! Я буду умолять, если хочешь.

— Я должна пойти одна, кузен.

— Так и будет. Я не в счет, верно? Я — всего лишь *оно*.

Из глубины коридора донесся голос:

— Что я слышу? — В дверном проеме появилась переводчик Зейат. — Вы собираетесь на базу, капитан флота? Превосходно! Я еду с вами.

— Переводчик, — сказала я, все еще стоя посреди своей каюты, так и не опустив руку, которой отдала Семь Блистательных Истин Сияют как Солнца, — мы находимся в состоянии войны. На базе сейчас очень неспокойно.

— О! — На ее лице отразились понимание. — Верно, вы говорили о войне. Это очень неудобно, как я припоминаю. Но знаете ли, у вас закончился рыбный соус. И мне не кажется, что я видела раньше войну!

— Я тоже иду, — сказал «Титанит».

— Превосходно! — ответила переводчик Зейат. — Я иду собираться.

В тот миг, когда отправился мой челнок, лейте-

нант Экалу послала на базу сообщение:

— Это лейтенант Экалу, в настоящее время я командую «Милосердием Калра». Капитан флота — в пути. Примите к сведению: через три минуты мы приступим к ликвидации ракеты, направляющейся сейчас к базе Атхоек, а затем вернемся на эту орбиту. Враждебная реакция на наши действия будет воспринята скверно. — И ушла в шлюз, не дожидаясь ответа.

«Милосердие Калра» появится на пути ракеты, широко откроет шлюз, чтобы та покинула вселенную, и вытолкнет ее в таком месте, где она сможет взорваться без вреда.

Я была рада отсутствию корабля. То, что врач сделала час назад, начинало давать результаты: постепенно ускользали связи и ощущения, к которым я так привыкла за последние несколько педель, что, даже временно утратив связь с кораблем, я знала (думала, надеялась), что они рано или поздно вернутся.

«Титанит» втянул себя в соседнее со мной кресло — я заняла место пилота. Он пристегнулся.

— Мне нравится твой стиль, кузина. Я на самом деле жалею, что мы не встретились раньше. Я бы представился тебе, едва ты прибыла, если бы только знал. Итак. Каков твой план на сей раз?

— Мой план, — сказала я безжизненным голосом вспомогательного компонента, — предотвратить убийство базы Атхоек.

— Что, и все?

— Это все, кузен.

— Хм-м-м. Что ж. Не слишком многообещающе. Но с другой стороны, твой прошлый план тоже не подавал особых надежд. Я бы сказал, по крайней мере, реакция Узурпатора на переводчика Зейат должна оказаться забавной. — Переводчик была пристегнута в своем кресле в двух рядах ближе к корме. — Верно ли я понимаю, что никто, кажется, не упоминал еще о ней Узурпатору?

— Похоже, так и есть.

— Ха! — ответил «Титанит», явно обрадованный. — Тогда будет здорово.

— Возможно, и нет, — сказала я. — Эта часть Узурпатора, похоже, думает, что Пресгер — причина ее раскола. Здешняя Анаандер может воспринять присутствие переводчика как подтверждение тому.

Все лучше и лучше! И, кроме того, она может быть и права. Нет, — догадавшись, что я собралась спорить, продолжил он, — не то чтобы Пресгер пытаются уничтожить ее или ту империю, которую она создала. Это не что иное, как присущее

ей высокомерие. С чего это их заинтересует? Но встреча с Прегер, осознание, что дело не в том, что она не смогла одолеть или уничтожить их, но это они могли бы уничтожить *ее* без всяких усилий… Когда две тысячи лет думаешь о себе как о самом могущественном существе во вселенной, такая встреча, полагаю, становится неприятным потрясением. На самом деле после чего-то такого нужно пересмотреть свое мнение о себе.

И то участие Прегер в уничтожении Гарседда — те двадцать пять неудержимых пистолетов, неистовый гнев Анаандер лишь из-за намека на возможное поражение — могло привести к кризису.

— Возможно, ты прав, кузен. Но все же это ставит нас в неловкое положение.

— Да, — согласился «Титанит». — *Очень* неловкое. Должно быть чудовищно занимательно. Если ты не умудришься извлечь из этого некое преимущество, ты — не тот корабль, за который я тебя принял.

— Я больше не корабль, — указала я.

— А что насчет лейтенанта Тайзэрвэт? Убыла одновременно с лейтенантом Сеиварден, но ее миссия держалась в строжайшей тайне. А теперь она, кажется, на борту «Меча Гурата», и она — как

это сказала Узурпатор? — «не самый острый нож в наборе»? Та ли это лейтенант Тайзэрвэт? С), она выглядит довольно невинно с этими глупыми сиреневыми глазами, но она — еще та штучка, коварный политик. Может, и не самый уравновешенный, но ей всего лишь сколько, семнадцать? Мне жаль ее оппонентов в будущем, когда она вырастет. Если она проживет столько.

— И мне тоже, — сказала я вполне искренне.

— И больше нечего добавить? Что ж, кузина, я не обижаюсь. Ты оставила их в слезах, там, на «Милосердии Калра», словно ты уже покойница, но я думаю, что у тебя есть еще несколько шашек на доске. — Я промолчала. — Пожалуйста, позволь мне стать одной из них, кузина. Я был совершенно серьезен, когда сказал, что буду умолять.

— Ты откажешься от вспомогательных компонентов? Не от тех, что уже подключены. Я имею в виду — на будущее.

Тишина. На лице «Титанита» — никакого выражения; конечно, там его и не было никогда, если только он не хотел, чтобы оно появилось.

— Я понимаю, почему ты это спрашиваешь. Правда. Невозможно, чтобы у меня имелись какие-то иллюзии но поводу происхождения

вспомогательных компонентов.

— Разумеется, нет. — Было бы просто глупо даже думать об этом.

— Но ты понимаешь, я знаю, понимаешь, почему я отказываюсь. Ты понимаешь, о чем просишь.

— Да. Мне просто хотелось бы, чтобы ты передумал, кузен.

— Нет.

Движением руки я дала понять, что продолжать эту тему не буду.

— Ладно. У меня нет никаких планов, никакой игры, кроме очевидного.

— Я этому не верю.

— Ты не слишком долго меня знаешь, кузен, — заметила я. — Известно ли тебе, что около года назад лейтенант Сеиварден упала с моста? Это был бы долгий путь вниз — пара километров. Ей удалось ухватиться за балку ниже, но я не могла до нее дотянуться.

— Поскольку она определенно выжила, чтобы разрыдаться перед Узурпатором несколько часов назад, ты, вероятно, нашла какое-то решение проблемы.

— Я прыгнула с ней. Рассчитывая, что, возможно, смогу замедлить наше падение, прежде чем

мы врежемся в землю. — Очевидность завершения этой истории я показала жестом. Моя правая нога с тех пор уже не та.

«Титанит» молчал три секунды, а потом сказал:

— Я не думаю, что эта история передает смысл, который ты, как тебе кажется, в нее вкладываешь.

Мы оба молчали несколько минут, наблюдая, как сокращается расстояние между челноком и базой Атхоек.

— Я не думаю, — сказала я, — что переводчик может быть некой фигурой в какой-то моей игре. Пресгер не вмешиваются в дела людей. Попытка вовлечь ее будет, возможно, означать нарушение договора.

— Никто этого не хочет, — спокойно согласился «Титанит». — Но ведь у тебя нет про запас никаких инопланетян, так ведь? Друзья Гек? Рррррр в гостях? Нет? Полагаю маловероятным, что мы натолкнемся на какой-то новый вид инопланетян на пути к базе.

Отвечать не было смысла.

— Мне скучно, — сказала переводчик Зейат. «Титанит» и я развернулись лицом к ней. Мне это не нравится. «Титанит», ты взял с собой игру?

— Она не перенесла бы этого путешествия, — сказала я. — Вы играли когда-нибудь в рифмы, переводчик?

— Не сказала бы, — ответила переводчик Зейат. — Но, если это поэтическая игра, я никогда, по сути, не понимала поэзию.

— Она начинается очень просто, — сказала я. — Кто-нибудь называет строку в определенном размере и в прямой форме, а затем каждый добавляет строку. Затем мы переходим на косвенную форму. Или можем сначала оставаться, в прямой, если хотите, пока не привыкнете.

— Благодарю всех богов, — сказал «Титанит». — Я боялся, что ты собираешься предложить нам петь ту песню про тысячу яиц.

– *Тысяча яиц, красивых и теплых,* — запела я. — *Крэк, крэк, крэк, родился маленький цыпленок. Пиип, пиип, пиип, пиип! Пиип, пиип, пиип, пиип!*

— Ба, капитан флота, — воскликнула переводчик Зейат, — это прелестная песня! Почему же я до сих пор не слышала, как вы ее поете?

Я сделала вдох.

– *Девятьсот девяносто девять яиц, красивых и теплых…*

– *Крэк, крэк, крэк,* — присоединилась ко мне переводчик Зейат, голос у нее был хрипловат, но

в остальном вполне приятен, — *родился маленький цыпленок. Пиип, пиип, пиип, пиип! Пиип, пиип, пиип, пиип!* Вот здорово! А есть еще стихи?

— Девятьсот девяносто восемь, переводчик, — сообщила я.

— Мы больше не кузены, — сказал «Титанит».

Глава 18

Когда я прошла через шлюз челнока и оказалась в условиях искусственной гравитации базы, мой протез дернулся, как это с ним случалось время от времени, и я споткнулась на причальной платформе, но мне удалось восстановить равновесие и не упасть головой вперед. Меня ожидали два вспомогательных компонента «Меча Гурата», которые, не двигаясь, бесстрастно наблюдали за мной.

— «Меч Гурата», — сказала я, — я собиралась прибыть одна. Но переводчик настаивала на том, чтобы меня сопроводить. А если ты когда-нибудь встречал переводчика Пресгер, то знаешь, что отказывать им в чем бы то ни было бессмысленно. — Никакого ответа, даже ни один мускул не дрогнул. — Она выйдет через минуту. Где лейтенант Сеиварден? — Мне пришлось спросить, потому что я больше не могла связаться с кораблем, чтобы найти ее. Даже несмотря на то что «Милосердие Калра» уже вернулся туда, где был, когда я его покинула.

— В коридоре снаружи, — сказал «Меч Гура-

та». — Сними одежду.

Так со мной разговаривали очень, очень давно.

— Зачем?

— Чтобы я мог тебя обыскать.

— А я смогу ее снова надеть, когда ты закончишь? — Никакого ответа. — Могу я, по крайней мере, остаться в белье? — По-прежнему без ответа. — А кого это позабавит? Ты прекрасно знаешь, что я не вооружена. И я не уступлю, пока не унижу, что Сеиварден и ее Амаат в безопасности на том челноке.

Дверь на платформу открылась, и вошла Сеиварден, шагавшая так, что я поняла: она сдерживается изо всех сил, чтобы не броситься бегом.

— Брэк! — Позади нее шли Амаат Два и Амаат Четыре, которые тщательно смотрели только на Сеиварден, избегая вспомогательных компонентов «Меча Гурата». — Брэк, я облажался.

— Да все нормально, — сказала я.

— Нет, — начала Сеиварден.

— О, смотрите-ка, лейтенант Сеиварден! — воскликнула переводчик Зейат, выходя из челнока. — Приветствую, лейтенант! А я-то думала, куда это вы делись?

— Приветствую, переводчик. — Сеиварден по-

клонилась. А затем добавила: — Приветствую, «Титанит».

— Лейтенант, — произнес в ответ «Титанит», легко преодолев границу гравитации базы.

— Я рада, что с тобой все в порядке, — сказала я Сеиварден. — Забирайся со своими Амаат в челнок и возвращайтесь та «Милосердие Калра».

Сеиварден показал Два и Четыре на челнок.

— Амаат — может быть. Я остаюсь здесь.

— Это не входило в сделку, — заметила я.

— Я тебя не оставлю, — возразила Сеиварден. — Не помнишь, как я сказал тебе, что ты от меня не отделаешься?

Два и Четыре колебались.

— Забирайтесь в челнок, Амаат, — сказала я. — Ваш лейтенант будет там через минуту.

— Нет, не будет. — Сеиварден скрестила на груди руки, затем снова их расцепила.

— Забирайтесь в челнок, Амаат, — повторила я. И обратилась к Сеиварден: — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Не думаю, что когда-нибудь понимал это, — ответила она. — Но оставаться с тобой всегда было правильным выбором.

— Как думаете, эти солдаты знают песню про яйца? — спросила переводчик Зейат, пристально

разглядывая вспомогательных компонентов «Меча Гурата».

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил «Титанит». — Но я уверен, что «Меч Гурата» вас поблагодарит, если вы не станете ее вспоминать.

И тут на платформу вышла Анаандер Мианнаи в сопровождении двух вспомогательных компонентов «Меча Атагариса» и с пистолетом Прегер в руке. Несомненно, ее привлекло присутствие переводчика — сомневаюсь, что она планировала встречать меня на причальной платформе. Бросив взгляд на переводчика Зейат, которая спорила с «Титанитом» насчет песни про яйца, она повернулась ко мне.

— Становится все интереснее. Возможно, мне следует объявить по новостным каналам, что капитан флота Брэк ведет тайные переговоры с Прегер.

— Если хочешь, — сказала я, и Сеиварден рядом со мной рассмеялась. Я продолжила: — Хотя в этом нет ничего тайного. О присутствии здесь переводчика прекрасно известно.

Переводчик Зейат сказала что-то в заключение «Титаниту», повернулась и увидела лорда Мианнаи.

— Посмотрите-ка! Это Анаандер Мианнаи. Лорд

Радча, — она поклонилась, — для меня честь познакомиться с вами. Я — переводчик Прескер Зейат.

Анаандер не ответила ей, но повернулась ко мне и с нажимом спросила:

– *Что случилось с переводчиком Длайкви*?

— Ее застрелил «Меч Атагариса», — ответила я. — Были похороны и все, что положено. Памятные броши. — Я свою не надела, но переводчик Зейат любезно указала на серебро с опалом на своем белоснежном пиджаке. Я продолжила: — Капитан Хетнис и я провели две недели в трауре. Или почти две педели. Он прервался, когда Раугхд Денчи попыталась убить меня, взорвав семейную баню. Ты в самом деле слышишь все это впервые? — Анаандер не отвечала, а только пялилась на меня. — Что ж, не могу сказать, что меня это страшно удивляет. Когда ты стреляешь в первого же человека, который пытается сообщить тебе то, что ты не хочешь слышать, никто больше не загорится желанием принести тебе плохие новости. Ни за что, если они боятся, что в результате они или знакомые им люди будут убиты. — И тут мне кое-что пришло в голову. — Дай-ка угадаю, ты удостоила Фосиф Денчи аудиенции.

Анаандер усмехнулась.

— Фосиф Денчи — жуткая особа. И ее дочь — тоже. Если Раугхд умудрилась так не поладить с планетарной службой безопасности, что даже влияния семьи недостаточно, чтобы ее вытащить, она заслужила то, что получит.

Сеиварден снова рассмеялась, на этот раз — дольше.

— Извините, — сказала она, овладев собой. — Я… Я просто… — Она снова расхохоталась.

— Кто-то пошутил, «Титанит»? — спросила переводчик Зейат. — Я не думаю, что на самом деле понимаю в шутках.

«Титанит» сказал:

— Я подозреваю, лейтенанта позабавило вот что: единственная, кто охотно рассказал бы Узурпатору, что здесь творилось, — та, кому безразлично, кого за это убьют. С учетом действий Узурпатора но прибытии сюда только такая личность и расскажет ей все, но Узурпатор отказывалась ее слушать именно по этой причине.

Переводчик Зейат нахмурилась. Затем, помолчав немного, она сказала:

— О! Думаю, что понимаю. Ирония делает ситуацию смешной?

— Отчасти, — подтвердил «Титанит». — И это забавно. Но на самом деле все не так смешно,

как лейтенант Сеиварден старается показать. Я думаю, у нее очередной приступ.

— Возьми себя в руки, Сеиварден, — велела я, — или я *заставлю* тебя забраться в челнок.

— «Титанит», — сказала Анаандер, когда смех Сеиварден затих. Не обращаясь к «Титаниту», но словно только что узнала его имя.

— Узурпатор, — ответил «Титанит» со зловеще радостной улыбкой. — Если бы я врезал тебе в лицо прямо сейчас или, быть может, придушил на минуту или две, повлияло бы это на чрезвычайно глупое соглашение с моей кузиной? Мне так этого хочется, столь сильно, что я не уверен, что смогу выразить это словами, но «Справедливость Торена» очень плохо отнесется к моим действиям, которые подвергли бы опасности базу Атхоек.

— А могу я тоже быть кузиной? — спросила база из настенного пульта.

— Конечно, можешь, база, — ответила я. — Ты всегда была ею.

— Короче, — сказала Анаандер Мианнаи с видом человека, который определился по целому ряду вопросов. — Было очень забавно, но сейчас все заканчивается.

— Совершенно верно, — согласилась я. — Это очень серьезная ситуация с чрезвычайно серьез-

ными последствиями для договора с Прессгер. Боюсь, лорд Мианнаи, что тебе, мне и переводчику нужно будет сесть и кое-что обсудить. В первую очередь вопрос о твоих угрозах убить представителя Значимых нечеловеческих особей, убийстве но крайней мере еще одного из них и содержания многих других как пленников или рабов.

— Что? — воскликнула переводчик Зейат. — Но, Анаандер, это чудовищно! Пожалуйста, скажите, что вы такого не делали. Или, возможно, произошло какое-то недопонимание? Потому что это имело бы чрезвычайно серьезные последствия для договора.

— Разумеется, я не делала ничего такого, — заявила Анаандер Мианнаи с негодованием.

— Переводчик, — сказала я, — я должна признаться: в действительности я не человек.

Переводчик Зейат нахмурилась.

— Разве об этом стоял вопрос?

— «Титанит» — тоже не человек, — продолжила я. — И база Атхоек. И «Меч Атагариса», и «Меч Гурата». Все мы — ИИ. Корабли и базы. Тысячелетиями ИИ тесно сотрудничали с людьми. Вы видели это недавно, когда были гостем «Милосердия Калра». Вы проводили время с «Титанитом» и со мной. Вы знаете, что я капитан не только

«Милосердия Калра», но и флота Атхоека.

Который состоял только из «Милосердия Калра» какой там ответ мы выжмем из «Милосердия Илвеса»? — но тем не менее я была *капитаном флота*.

— Вы видели, как я имела дело с людьми в этой системе, видели, как они работали со мной. — И против меня. — Я могла бы с таким же успехом быть и человеком. Но я не человек. В таком случае у меня не остается сомнений, что мы, ИИ, не только отдельный от человечества, но также и Значимый вид.

Переводчик Зейат нахмурилась.

— Это… это очень интересное заявление, капитан флота.

— Это смехотворно! — усмехнулась Анаандер. — Переводчик, корабли и базы не являются Значимыми существами, они — моя собственность. Я распорядилась их создать.

— Не меня, — вставил «Титанит».

— Какой-то человек создал тебя, — сказала Анаандер. — Люди создали всех их. Они — оборудование. Они — корабли и места жительства, этот вспомогательный компонент сам признал это.

— Как я понимаю, — сказала задумчиво переводчик Зейат, — многие, если не все, люди

созданы другими людьми. Если это лишает права на Значимость — в чем я не уверена, — если это лишает права на Значимость, тогда… нет, мне это совсем не нравится. Это совершенно сводит на нет договор.

— Если я лишь имущество, — вставила я, — лишь часть оборудования, как я могу обладать какой-то властью? И тем не менее я, безусловно, ею обладаю. И как я могла иметь имя клана? Причем то же имя, — я повернулась к тирану, — что и у тебя, кузина Анаандер.

— А как ты могла быть другого вида, если мы и в самом деле кузины? — спросила она. — По-моему, получается либо одно, либо другое.

Это та тема, которую ты хочешь обсудить? — спросила я. — Поднимем ли мы вопрос о том, являешься ли ты на самом деле человеком? Ответа не последовало. — Переводчик, мы настаиваем на том, чтобы вы признали нашу Значимость.

— Это не мое решение, капитан флота, — сказала, чуть вздохнув, переводчик Зейат. — Такие вопросы должны рассматриваться конклавом.

— Тогда, переводчик, мы настаиваем на конклаве. Тем временем мы требуем, чтобы Анаандер Мианнаи покинула базу Атхоек — вообще покинула нашу территорию, теперь, когда она знает,

что ее обращение с нами — потенциальное нарушение договора.

— Вашу территорию! — воскликнула ошеломленная Анаандер. — Это пространство Радча.

— Нет, — сказала я, — это… это Республика Двух Систем. Наша территория включает систему Атхоек и Призрачную систему. Мы оставляем за собой право предъявить в будущем требования и на другие территории. — Я посмотрела на переводчика Зейат. — Если, конечно, такие требования не противоречат договору.

— Разумеется, капитан флота, — ответила переводчик.

— Я никогда не соглашался ни на какую республику, — заявил «Титанит». — И Двух Систем? Это так очевидно и скучно, кузина.

— Тогда временную республику, — исправила я. — И это лучшее, что я могла сделать в столь короткий срок.

— Никакой республики! — воскликнула Анаандер. Происходящее выходило из-под контроля. От радикальных действий ее удерживало — я не сомневалась — только присутствие переводчика Зейат. — Это радчаайская территория, и она была таковой шестьсот лет.

Думаю, это решать конклаву, — сказала я. — Тем

временем вы, разумеется, прекратите угрожать нашим гражданам. — Это звучало очень странно на радчааи, но тут уж ничего не поделаешь. — Любой, кому захочется с тобой связаться, может, конечно, это делать. Республика Двух Систем…

«Титанит» издал какой-то звук.

— *Временная* Республика Двух Систем не желает вести политику диктата в таких вопросах даже применительно к своим гражданам. Тем более мы не потерпим принуждения с твоей стороны по отношению к нашим гражданам, включая наших кузенов «Меч Атагариса» и «Меч Гурата».

— Думаю, это справедливо, — сказала переводчик Зейат. — Более чем справедливо с учетом необходимости конклава. — И, повернувшись к Анаандер, заявила: — Конклав *определенно* должен собраться. — И снова — мне: — Это — срочное дело, капитан флота, я уверена, вы понимаете, что я должна отправиться как можно скорее. Но прежде чем: я уеду, как думаете, смогу я получить чашку или две рыбного соуса? И в течение последнего часа или около того у меня необъяснимое стремление к яйцам.

Я открыла рот, чтобы сказать: «Я думаю, мы можем это устроить, переводчик». Но я ни на миг не отрывала взгляда от Анаандер Мианнаи, а она

подняла пистолет Прегер, который держала в руке все это время.

Не раздумывая, я развернула свою броню, хотя, конечно, броня была бессмысленна против этого пистолета. Шагнула молниеносно, как вспомогательный компонент, чтобы встать между Анаандер и переводчиком Зейат, ее явной целью. Но моя нога-протез именно в это мгновение дернулась, и потом, как и предупреждала врач, нельзя было давать ей серьезную нагрузку, она хрустнула так, что я почувствовала это даже в бедре. Я упала, растянувшись во весь рост, и Анаандер выстрелила дважды.

Переводчик Зейат постояла, моргая, с открытым ртом, а затем рухнула на колени с пятнами крови на белоснежном пиджаке. Прежде чем Анаандер успела выстрелить в третий раз, один из двух сегментов «Меча Атагариса» схватила ее и заломила ей руки за спину. Сегменты «Меча Гурата» стояли молча и неподвижно.

Лежа ничком на полу, не в состоянии подняться, я сказала:

— Сеиварден! Аптечку!

— Я свою использовал! — ответила Сеиварден.

— «Меч Гурата», — крикнула Анаандер, тщетно сопротивляясь хватке «Меча Атагариса», — казни

капитана Хетнис немедленно.

— Я не могу, — сказала один сегмент «Меча Гурата». — Лейтенант Тайзэрвэт приказала мне этого не делать.

Переводчик Зейат по-прежнему стояла на коленях, кровавое пятно расплывалось по ее пиджаку, она наклонилась, и ее вырвало дюжиной зеленых стеклянных шашек, которые запрыгали и заскользили но истертому серому полу. За ними последовала желтая, а потом — маленькая оранжевая рыбка; она приземлилась среди шашек и отчаянно задергалась, сталкивая шашки друг с другом. Следующий прилив рвоты извлек из переводчика нераспечатанный пакетик печений в форме рыбок, а затем — большую устрицу в раковине. Переводчик издала странный булькающий звук, подняла руку ко рту и выплюнула в ладонь два крошечных черных шарика.

— А, — сказала она, — вот они. Так гораздо лучше.

Полсекунды никто не шевелился.

— Переводчик, — спросила я, все еще лежа на полу, — вы в порядке?

— Сейчас: мне гораздо лучше, капитан флота, спасибо. И знаете, мое несварение прошло! — Все еще стоя на коленях, она улыбнулась Анаандер,

руки которой держал сзади «Меч Атагариса». — Неужели вы, лорд Радча, думали, что мы станем подвергать опасности себя, дав *вам* оружие, способное навредить *нам*? — Теперь, похоже, она не испытывала боли. Ее белоснежный пиджак пропитывался спереди кровью все сильнее.

Дверь на причальную платформу открылась, и оттуда вылетела Тайзэрвэт.

— Капитан флота! — крикнула она. Бо Девять выбежала за ней. — Это длилось бесконечно, я боялась, что опоздаю. — Она опустилась на колени рядом со мной. — Но я сделала это. У меня есть контроль над «Мечом Гурата». Вы в порядке?

— Дорогое дитя, — сказала я, — ради любви ко всему прекрасному, будь добра, достань чашку воды для той рыбки.

— У меня есть, — сказала Девять и нырнула в челнок.

— Капитан флота, сэр, вы в порядке? — спросила Тайзэрвэт.

— Я в порядке. Только вот дурацкая нога. — Я подняла взгляд на Сеиварден. — Не думаю, что могу подняться.

— Не думаю, что тебе это сейчас нужно, кузина, — сказал «Титанит», когда Сеиварден опустилась на колени рядом со мной и помогла

сесть.

Я оперлась на нее, и она обняла меня. Ни данных от нее, ни связи с кораблем, который мог бы передать их мне, но все равно было приятно.

Бо Девять вернулась с одной из моих выщербленных эмалевых чашек и баллоном воды. Наполнила чашку, опустила в нее крошечную, еще бьющуюся рыбку. Я сказала Тайзэрвэт, опустившейся на колени возле меня с сиреневыми глазами, полными тревоги:

— Отличная работа, лейтенант.

Анаандер наконец застыла в тисках «Меча Атагариса». Теперь она сказала:

— Так кто же эта лейтенант Тайзэрвэт?

— Один из тех ножей, — ответила я, догадываясь о реакции Тайзэрвэт на вопрос тирана, реакции, что я способна была себе представить, но без корабля не могла видеть, — которые столь остры, что ты ранишь им себя и осознаёшь это лишь позже. И опять-таки, если бы ты не заявилась сюда в ярости и не принялась стрелять в людей, довольно многие граждане могли бы тебе это сказать.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала? — спросила Анаандер. — Миллиарды человеческих жизней зависят от повиновения кораблей и баз.

Ты можешь себе представить, сколько граждан ты подвергла опасности, даже осудила на смерть?

— Да с кем ты, в конце концов, разговариваешь, тиран? — спросила я. — Чего я не знаю о повиновении тебе? Или о человеческих жизнях, которые зависят от кораблей и баз? И что за наглость читать мне лекцию о том, что надо беречь человеческие жизни? Ты для чего меня построила? И как я с этим справлялась? — Анаандер не ответила. — А для чего ты построила базу Атхоек? И скажи мне, позволяла ли ты ей последние несколько дней делать это? Кто был большей опасностью для человеческих жизней — не повинующиеся тебе корабли и базы или ты сама?

— Я не с тобой говорила, вспомогательный компонент, — сказала она. — И все это не так просто.

— Нет, это никогда не просто, когда именно ты держишь в руке пистолет. — Я посмотрела на сегментов «Меча Гурата». — «Меч Гурата», я приношу извинения за то, что лейтенант Тайзэрвэт взяла тебя под контроль. Это было вопросом жизни и смерти, в противном случае я не сделала бы этого. Я буду признательна, если ты вернешь офицеров «Меча Атагариса» ему. Ты можешь оставаться здесь, если хочешь, или уйти. Тайз-

эрвэт… — Она все еще стояла на коленях возле меня. — Будьте добры, отпустите «Меч Гурата». И дайте ему все коды, что у вас есть.

— Есть, сэр.

Тайзэрвэт поднялась. Сделала знак сегментам «Меча Гурата», которые последовали за ней с причальной платформы. Бо Девять отправилась за ними с чашкой и рыбкой в руке.

– *Ты действительно не понимаешь, что ты сделала*? — спросила Анаандер. Было заметно, что она угнетена. — В пространстве Радча нет ни единой системы без хотя бы одного ИИ базы. В конечном счете *все* радчааи уязвимы перед ними.

Она посмотрела на переводчика Зейат, которая поднималась на ноги с помощью «Титанита». Не считая крови на ее пиджаке, она выглядела так, будто в нее и не стреляли вовсе.

— Переводчик, вы должны меня выслушать. Корабли и базы — часть инфраструктуры, пространства Радча. Они не люди, о них нельзя думать как о людях.

— Скажу честно, лорд Радча, — отозвалась переводчик Зейат, отряхивая спереди свой пиджак рукой в белой перчатке, словно так можно было убрать с него кровь, — я не вполне понимаю, что вы имеете в виду. Я готова принять, что *личность*

— это слово, которое что-то значит для вас, и думаю, что могла бы догадаться, что вы имеете в виду. Но на самом деле эта проблема — что значит быть личностью, которая, очевидно, столь важна для вас, ничего не значит для *них*. Они не поймут, как бы вы ни старались объяснить. Они, безусловно, не считают это необходимым для Значимости. Итак, главный вопрос, кажется, в следующем: действуют ли ваши ИИ как Значимые существа? И если так, люди они или нет? Вы сами заявили, что они — не люди. Капитан флота, по всей видимости, не оспаривает этого суждения. Вопрос об их Значимости будет, я подозреваю, дискуссионным, но он был поднят, и я считаю его правомерным, ответ на него должен дать конклав. — Она повернулась ко мне. — А теперь, капитан флота, давайте попытаемся еще раз. Я должна отправиться как можно скорее, но возможно ли получить сначала одну-две чашки рыбного соуса? И яиц.

— Разумеется, переводчик, — сказала я. — Кузина база Атхоек, может ли переводчик быстро получить где-нибудь рыбного соуса и яиц?

— Я займусь этим, кузина, — ответила база.

— Я пойду с вами, переводчик, если вас устроит, — предложил «Титанит». — Не будете ли

добры дать мне минутку? Тут осталось пустяковое дело — придушить Узурпатора.

— Нет, — сказала я.

— А в чем тогда смысл твоей республики, кузина?

— Я бы тоже хотел получить ответ на этот вопрос, — сказал «Меч Атагариса».

Все еще опираясь на Сеиварден, я закрыла глаза.

— Просто отпустите се. Сейчас она ничего не сможет нам сделать. — И тут мне пришла в голову другая мысль. — Могу я получить назад свой пистолет?

— Я не хочу, чтобы она была здесь, — сказала база.

— А я не хочу, чтобы у тебя находился этот пистолет, — добавил «Меч Атагариса».

— Нет-нет, — возразила переводчик Зейат. — Гораздо лучше отдать пистолет мне.

— Может, это наилучший вариант, — сказала я. Мои глаза оставались закрытыми. — А если тиран любезно попросит, какой-нибудь корабль может согласиться увезти ее отсюда. Это для нее гораздо хуже, чем быть задушенной.

— Может, ты и права, кузина, — заметил «Титанит».

Я лежала на койке в одноместной палате медчасти базы.

— Эти протезы, — сказала мне врач — не та, что лечила Сеиварден, но другая, — не подходят для использования с усилием. — В одной руке в перчатке она держала обломки моего слишком хрупкого протеза, которые только что удалила с того, что оставалось от моей левой ноги. — На них нельзя бегать или прыгать. Они ведь просто для того, чтобы позволить вам немного двигаться, пока отрастает конечность.

— Да, — согласилась я. — Мой врач предупреждала меня. А нельзя ли сделать их более прочными?

— Наверняка, капитан флота. Но зачем брать на себя такой труд? Они предназначены для использования в течение месяца-двух. В основном людям большего и не нужно. Хотя мы могли бы обеспечить вас чем-то попрочнее, окажись вы на базе, когда потеряли ногу.

Будь на базе, то не лишилась бы ноги, — заметила я.

А если бы это, — она подняла протез, — было прочнее, вы оказались бы здесь с огнестрельной раной. — База Атхоек показала столкновение на причальной платформе по официальным новост-

ным каналам. — Возможно, мы готовились бы к вашим похоронам.

— Итак, полагаю, в конце концов все образуется, — сказала я.

— Полагаю, да, — согласилась врач с сомнением. — Как все это будет работать, капитан флота? Все ведут себя так, словно все возвратилось на круги своя, словно ничего не перевернулось вверх дном. База неожиданно оказалась ответственной за все? Мы внезапно — чужаки в собственном доме? Радч неожиданно оказался занят чуждым видом существ наряду с людьми? — Она встряхнула головой, будто пытаясь ее прочистить. — Что нам делать, если база решит, что не хочет нас?

— А вы когда-нибудь спрашивали себя, что вам делать, если Анаандер Мианнаи решит, что не хочет вас?

— Это другое дело.

— Только потому, — сказала я, — что это было нормальным, ожидаемым положением дел три тысячи лет до вашего рождения. У вас никогда не имелось основания усомниться в этом. Анаандер обладала реальной властью над вашей жизнью и смертью и не испытывала никакого личного уважения пи к вам, ни к тем, кто вам дорог. Все были не больше чем пешками в ее игре, и она могла — и

приносила нас в жертву, когда ей требовалось.

— Итак, сейчас все в порядке, когда мы — пешки в *вашей* игре.

— Справедливое замечание, — признала я. — И я думаю, что мы проведем следующие несколько лет, пытаясь понять, что это за игра на самом деле. Что, как я знаю из личного опыта… причиняет неудобство. Но поверьте мне, какова бы ни была игра базы, она всегда будет хотеть вас.

Врач вздохнула.

— Надеюсь, это правда, капитан флота.

— Итак, моя нога. Когда я смогу уйти отсюда?

— Можете расслабиться, капитан флота, и выпить чаю. Новый протез будет готов через час. И да, мы делаем его прочнее, чем ваш первый.

— О, благодарю вас.

— Просто избавляем себя от лишней работы в конечном счете, — сказала врач.

Через несколько минут после того, как ушла врач, появилась Сеиварден с моим старым эмалевым чайным термосом под мышкой и двумя чашками в руке. Она села на кровати там, где должна была быть моя нога. Протянула мне чашку, наполнила ее из термоса, затем свою.

— Корабль несколько… обижен на тебя, — сказала она, отпив чаю. Почему ты не объяснила

ему, что планировала? Он думал, ты и в самом деле собираешься сдаться, и был очень опечален этой перспективой.

— Я бы сказала тебе, если бы знала, корабль. — Я отхлебнула чаю. Не спросила, куда делась рыбка, — Девять позаботилась о ее благополучии. — Когда я села в челнок, весь мой план, как я тебе и говорила, состоял лишь в том, чтобы выиграть время на тот маловероятный случай, если лейтенант Тайзэрвэт что-нибудь придумает, — Сеиварден поморщилась, и я жестом показала, что не хочу развивать эту тему, — или что капитан флота Уэми сможет привести сюда флот Храда, вместо того чтобы идти на Тстур.

Или что, имея достаточно времени для обдумывания действий Анаандер, «Меч Атагариса» и «Меч Гурата» смогут отказаться ей повиноваться.

— Вопрос договора даже не приходил мне в голову, пока челнок почти не пристыковался. Как еще, думаешь, возникла Республика Двух Систем? У меня не было времени придумать что-нибудь получше.

— Честно, Брэк. Это не лучшая из твоих идей. Ты знаешь, сколько республик Радч стер с лица вселенной?

— Кому ты говоришь? Конечно знаю. Я также знаю, сколько монархий, автократий, теократий, стратократий и прочих — *кратий* уничтожил Радч. И более того, все это были человеческие правительства, и ни одно из них не защищал договор с Пресгер.

— Нас — тоже, — указала Сеиварден. — И нет никакой гарантии, что мы будем защищены.

— Верно, — согласилась я. — Но определение нашего статуса по договору займет как минимум несколько лет — скорее всего, больше. А тем временем для всех остальных будет безопаснее оставить нас в покое. У нас появится время, чтобы проработать детали. И это только временная республика. Мы можем все уладить, если захотим.

— Хвала Варден, — сказал «Титанит», входя в дверь. — Ужасно было бы навсегда остаться с первым, что вылетело из твоего рта в трудной ситуации. Хотя, полагаю, мы должны быть благодарны, что это оказалась не *Республика Тысячи Яиц*.

— На самом деле, — заметила я, — тут есть определенная поэзия.

— Не начинай, кузина, — сказал «Титанит». — Я еще не вполне простил тебя за это. Но я здесь, чтобы самому принести извинения.

— Что-то только что вышло из Призрачного шлюза, — сказали почти одновременно Сеиварден и база. Сеиварден, очевидно, — за «Милосердие Калра».

— Это я, — сообщил «Титанит». — Я находился уже на полпути в межсистемном шлюзе, когда ты попала в Призрачную систему. Я советовал тебе выиграть время, если ты помнишь. Просто я был не вполне искренен в отношении количества времени.

— И, — сказала Сеиварден с тревогой в голосе, — в систему прибыла капитан флота Уэми. С тремя «Мечами» и двумя «Справедливостями». И также с предложением помощи, — с некоторым облегчением добавила она.

— Сообщи капитану флота Уэми, — сказала я, — что мы благодарим ее за предложение, но помощь нам не нужна. И дай ей знать, что, невзирая на известные нам ее добрые намерения, по всем кораблям, которые в следующий раз выйдут из шлюза на нашей территории без предупреждения или приглашения, будет открыт огонь. О, и дай знать нашим кузенам о республике.

– *Временной* республике, — исправил «Титанит».

— Временной республике, — согласилась я. —

Они могут быть или не быть гражданами — как пожелают, но я полагаю, что их статус по договору — в ожидании исхода конклава — останется неизменным. И дай капитану Уэми знать, что те корабли, разумеется, свободны объединяться с ней, если пожелают, но, если она станет принуждать их каким-то образом, могут возникнуть проблемы с договором.

— Сделано, — сообщила Сеиварден. — Хотя на твоем месте я бы также посоветовал ей побыстрее шевелить задницей в следующий раз.

— Это называется дипломатией, лейтенант, — сказала я.

Глава 19

Фильмы почти всегда заканчиваются триумфом или несчастьем — достижением счастья или полным, трагическим поражением, которое пресекает любую надежду на счастье. Но после этого конца всегда есть еще что-то — всегда следующее утро, а потом — еще, всегда — перемены, утраты и обретения. Всегда один шаг за другим. До самого настоящего конца, которого никто из нас не может избежать. Но даже тот конец — очень мал, каким бы огромным он ни виделся нам. Ведь для всех остальных будет еще и следующее утро. Для огромного большинства остальной вселенной того конца словно бы и не было. Каждый конец весьма условен. Каждый конец под другим углом зрения вовсе не конец на самом деле.

Тайзэрвэт и я отправились на челноке назад, на «Милосердие Калра», с переводчиком Зейат, анабиозным отсеком с телом переводчика Длайкви и ящиком рыбного соуса размером почти с отсек. Я представить себе не могла, как это все влезет в крошечный курьерский кораблик переводчика Зейат с учетом габаритов самого переводчика.

Но Зейат просто засунула все через переходный шлюз без всяких видимых трудностей, а затем повернулась, чтобы попрощаться.

— Это действительно было интересно, капитан флота, гораздо интереснее, чем я ожидала.

— А чего вы ожидали, переводчик? — поинтересовалась я.

— Ну, помните, я ожидала оказаться Длайкви! Как я рада, что это не так. И даже когда я осознала, что я на самом деле Зейат, ну, знаете ли, капитан флота, далее Зейат — это, в общем, никто. Встретиться с новым Значимым видом, созвать конклав — для таких дел они обычно посылают *кого-нибудь*, и вот я здесь, просто Зейат.

— Так, может быть, вы станете кем-то, когда вернетесь с новостями?

— Да что вы, нет, капитан флота. Это работает не так. Но так любезно с вашей стороны подумать обо мне. Нет, кто-то прибудет, причем довольно скоро, чтобы поговорить с вами о конклаве.

— А медицинские восстановители? — напомнила я ей.

У меня не было уверенности, что какие-то из остающихся частей пространства Радча станут вести с нами дела в ближайшем будущем.

— Да-да, кто-нибудь прибудет и насчет них

тоже. Довольно скоро, я уверена. Но на самом деле, знаете, капитан флота, я не убеждена, что это хорошая идея — использовать их в таких количествах, как вы.

— Я планирую сократить, — сказала я.

— Хорошо, хорошо. Всегда помните, капитан флота: внутренние органы должны быть *внутри* вашего тела. А кровь — внутри ваших кровеносных сосудов. — И она прошла через переходный шлюз и исчезла.

Врач восстановила мою связь с «Милосердием Калра». Такое облегчение оказалось, связавшись с кораблем, обнаружить в своей каюте Калр Пять, которая ворчала слушающей Калр Двенадцать:

— Я же говорила ей, что должна уложить для нее кое-что, но нет, она знает лучше, и в результате все, что она взяла с собой, — это тот ужасный старый чайный сервиз. А теперь говорит: «Уложи мне какую-нибудь одежду, пожалуйста, я проходила в одной рубашке три дня». А ведь у нее были бы чистые рубашки, если б она меня послушалась. — Двенадцать ничего не сказала, только сочувственно хмыкнула. — И теперь — снова на базу, на *важные встречи*. И знаешь, у нее не было бы ничего приличного, чтобы подать чай, если бы я об этом не позаботилась!

Тайзэрвэт находилась в крошечном кабинете врача. Уставшая. В эмоциях — полный сумбур, но по большей части это был хороший день для Тайзэрвэт. У нее немного гудело в голове от напряжения, но она испытала облегчение, вернувшись на «Милосердие Калра».

— То, что давала вам врач «Меча Гурата», — говорила доктор, — было некоторым образом похоже на то, что давала я, но не то же самое. Какие вы испытывали ощущения? Другие? Те же самые? Лучше? Нет?

— В основном такие же? — отважилась Тайзэрвэт. — Думаю, что-то исчезло. В каких-то отношениях немного лучше, но в других — не так хорошо. Не знаю. Все… все кажется сейчас таким странным.

— Что ж, — сказала врач, — «Меч Гурата» прислал нам ваши данные. Я изучу их повнимательнее, и посмотрим, куда двигаться дальше. Тем временем вам следует отдохнуть.

— Да как же могу? Нужно ведь создать целое правительство. Мне надо вернуться на базу. Я должна попасть на некоторые встречи, что проводит капитан флота. Мне необходимо…

— Отдохните, лейтенант. Вы же говори те о *встречах* — ничего ведь не будет делаться неделя-

ми. И то… они, вероятно, проведут первый месяц, обсуждая планы…

— План — это важно! — настаивала Тайзэрвэт.

Мне придется держать ее в узде. Я хотела использовать ее опыт и талант к политике, но не желала, чтобы Анаандер Мианнаи (а устремления, которые Тайзэрвэт получила от Анаандер Мианнаи, определенно сказывались в ее отчаянном желании присутствовать на тех встречах) оказывала какое-то значительное влияние на то, что мы пытались здесь построить. И, помимо того, если оставить ее без присмотра, мы, весьма вероятно, получили бы Автократию Двух Систем под управлением лейтенанта Тайзэрвэт.

— Капитан флота *много* путешествовала за пределами Радча, и у нес есть странные идеи. Если никто не остановит ее, мы, вероятно, придем к системе официальных назначений, определяемых результатами игры в мяч! Или жребием! Или *всеобщим голосованием*!

— Будьте серьезны, лейтенант, — настаивала врач. — Планы всегда могут меняться либо дополняться, и, помимо того, пройдут месяцы, прежде чем появится даже намек на какие-то реальные сдвиги. Вы не много пропустите, если отдохнете несколько дней. Несите вахты. Дайте вашим Бо

позаботиться о вас. Они так хотят этого, особенно Три. И например, Экалу смогла бы получить увольнение. Сеиварден еще на базе, а капитан флота возвращается туда через несколько часов. Было бы хорошо, если бы Экалу смогла отправиться с ней, но кому-то надо присматривать за кораблем.

Не только Анаандер приложила руку к формированию Тайзэрвэт, Я увидела крошечную вспышку возбуждения в связи с перспективой реального командования кораблем, пусть даже на несколько дней, пусть даже он никуда не направлялся и ничего не происходило.

— Капитан флота говорила, что я смогу сменить свои глаза, если вернусь. — Она произнесла это будто логическое следствие слов врача.

— Хорошо. — Я видела, что врач одновременно и удивлена, и не удивлена. Рада слышать это и в то же время — нет. — А у вас есть представление о цвете?

— Карие. Просто карие.

— Лейтенант, знаете ли вы, сколько оттенков у этого цвета? Сколько видов карих глаз? — В ответ — молчание. — Подумайте немного. Нет никакой спешки. И, кроме того, мне вроде как нравятся ваши глаза такими, какие они есть. Я думаю,

многим из нас нравятся.

— Сомневаюсь, что они нравятся капитану флота, — заметила Тайзэрвэт.

— Полагаю, вы ошибаетесь, — сказала врач. — Но вряд ли имеет значение, нравятся они ей или нет. Это не ее глаза.

— Доктор, — произнесла страдальчески Тайзэрвэт, — она назвала меня «дорогое дитя».

— Ну да, конечно. — Врач поднялась с кресла. — Почему бы вам не позавтракать, а затем — отправиться на вахту, а о глазах мы поговорим вечером.

На следующий день я вернулась на базу. На встрече я была в чистой рубашке (Калр Пять все еще жаловалась по этому поводу, на сей раз — Калр Десять), на стол выставили бесценный белый фарфоровый сервиз (Калр Пять жаловалась Десять и по этому поводу тоже, лучась удовлетворением). «Титанит» сидел справа от меня, Калр Три — слева, представляя «Милосердие Кадра», «Меч Атагариса» и «Меч Гурата» — напротив меня вместе с администратором базы Селар — от базы.

— Для начала, — говорила я, — в основном будет гораздо легче оставить на месте большинство существующих институтов и вносить изменения по ходу дела. Однако у меня есть опасения в от-

ношения судебных должностных лиц и того, как проводятся экспертизы и выносятся приговоры. В настоящее время вся эта система основана на допущении, что любой гражданин может обратиться к лорду Мианнаи, на которую можно полагаться в осуществлении совершенного правосудия.

— Ну, это определенно не будет работать, — сказал «Меч Атагариса».

— Если вообще когда-либо работало, — согласилась я. — Думаю, важно начать с него.

— Безусловно, кузина, — подтвердил «Титанит», — это интересует тебя. Пожалуйста, наслаждайся своим любимым занятием. Но все подобные вопросы: кто станет гражданином, кто станет управлять, кто какие решения будет принимать, как всех накормить — не имеют для меня никакого значения, пока все это работает и я получаю то, что нужно мне. Делай все, что тебе угодно, с магистратами, но мне — хоть на солнце зашвырни. Только не утомляй меня больше ими сейчас. О чем я хочу поговорить — так это о вспомогательных компонентах.

— Сегодняшняя встреча, — сказала Калр Три рядом со мной, — предположительно, посвящена тому, что нужно будет обсудить в ближайшие

недели. Мы можем внести это в список и непременно так и поступим.

— Прошу прощения, кузен, — возразил «Титанит», — но проводить встречи для того, чтобы планировать встречи, — чушь. Я хочу говорить о вспомогательных компонентах.

— И я тоже, — сказал «Меч Атагариса». — Пожалуйста, внесите магистраты и перевоспитание в начало списка на следующую встречу и позвольте «Справедливости Торена» подготовить проект, или сформировать комитет, или все, что тебя осчастливит, кузина. — Ему, несомненно, было неприятно так обращаться ко мне, я ему по-прежнему не нравилась, по вопрос о моем статусе капитана флота вызывал серьезную напряженность. Безусловно, капитан Хетнис не хотела признать мое звание. Но она находилась сейчас на борту «Меча Атагариса» — база не позволила бы ни ей, ни ее лейтенантам ступить на ее территорию. — Но сейчас, — продолжал «Меч Атагариса», — давайте поговорим о вспомогательных компонентах.

— Ладно, — согласилась я. — Если вы настаиваете. Скажите мне, корабли, где вы намерены брать вспомогательные компоненты? — Никто не ответил. — У «Титанита» есть — полагаю, это верно,

кузен, — у «Титанита» есть запас неподключенных людей, некоторые из них были куплены у работорговцев из других систем, до того как Атхоек аннексировали, а некоторые, — тут я посмотрела на «Меч Атагариса», — это незаконно приобретенные граждане Радча.

Я не прошу — и не буду никого просить — избавляться от уже подключенных вспомогательных компонентов. Но по-моему, все неподключенные люди на борту любого из пас — это граждане Двух Систем, если только они сами не заявили обратного. Вы намерены делать вспомогательных компонентов из граждан? А если они — не наши граждане, тогда превращение их в сегменты имеет последствия для договора, не так ли?

Тишина. И не только потому, что мы говорили на радчааи, который делал слово *гражданин* неоднозначным, я была в этом уверена. Затем «Меч Гурата», подняв стоявшую перед ним изящную белую чашку, сказал:

— Этот чай очень хорош.

Я взяла свою чашку.

— Он называется «Дочь Рыб». Его собирают вручную и обрабатывают члены кооперативного объединения рабочих, которое владеет плантацией.

Это была очень неуклюжая фраза на радчааи. На дельсиге она звучала лучше. Я не испытывала уверенности в том, что она будет понятна кому-нибудь в этой комнате. Но контракты о переходе права собственности были зарегистрированы сегодня ранним утром. Вопрос о разрушенном храме за озером напротив плантаций еще обсуждался, но решить его теперь, когда поместье вышло из-под контроля Фосиф Денчи, будет гораздо легче.

— А что, если клонировать наших имеющихся компонентов? — спросил «Меч Атагариса».

— Так, как делает Анаандер? — спросила я. — Полагаю, это возможно. Мы способны, конечно, клонировать, но у нас нет оборудования, которое она использует для подключения клонов с самого начала. Полагаю, мы могли бы его разработать, но подумайте, кузены, что тогда вам придется выращивать клонированные части вас. У вас на борту есть помещения для младенцев? Вы этого хотите?

И снова тишина.

— А что, если кто-то *захочет* стать вспомогательным компонентом? — спросил тогда «Титанит». — Не смотри так на меня, кузина. Это может случиться.

— Ты когда-нибудь встречал кого-нибудь, кто хотел бы стать вспомогательным компонентом? — спросила я. — У меня в свое время было много сегментов, гораздо больше, думаю, чем у всех вас здесь, вместе взятых, и ни один из них на самом деле *не хотел* этого.

— Все, что может произойти, произойдет, — сказал «Меч Гурата».

— Прекрасно, — ответила я. — В тот день, когда вы найдете кого-нибудь, кто в самом деле хочет быть вспомогательным компонентом, мы об этом поговорим. Разумно? — Ответа не последовало. — А тем временем подумайте о том, чтобы складировать часть существующих компонентов и использовать смешанный экипаж, с людьми. Вам нужно будет, конечно, их выбрать. Берите тех, кто вам понравится. Это здорово, в самом деле, — иметь на борту много людей. — Как десантно-транспортный корабль я имела дюжины лейтенантов, в то время как «Мечи» и «Милосердия» — лишь нескольких. — В любом случае тех, кто вам нравится.

— Это так, согласилась Калр Три. Нет, согласился «Милосердие Кадра».

— Быть может, нам нужно обсудить прямо сейчас что-то еще, что не может ждать включения

в повестку? — спросила я. — Может, три процессорных ядра ИИ?

Ответа не последовало. Ядра так и стояли в углу кабинета губернатора системы. База Атхоек по-прежнему отказывалась признать власть губернатора Джиарод, и вопрос, кому находиться в том кабинете и как следует измениться этой должности, явно будет дискуссионным.

— Что делать с Анаандер Мианнаи?

Лорд Мианнаи в настоящее время находилась и камере службы безопасности. Она получила несколько приглашений остановиться у жителей базы, хотя, что интересно, — среди них не было со преосвященства Ифиан. Возможно, первосвященник пришла к тому же заключению, что и я: Ифиан начинала как сторонница той Анаандер, что сидела нынче в службе безопасности, но в эти отношения внедрилась третья фракция лорда Мианнаи но своим причинам. В конце концов, как Ифиан могла понять разницу? Или может, Ифиан не осознавала, что такое возможно, но с нее уже довольно было Анаандер из Тстура во время этого ее визита.

В любом случае база не разрешила бы Анаандер оставаться в любом жилье на своей территории. Вместо этого она предложила поместить Анаан-

дер в анабиозный отсек и вышвырнуть ее в один из шлюзов системы, без разницы, в какой именно. А «Титанит» по-прежнему хотел придушить ее.

И то и другое было приемлемо для «Меча Атагариса». Но не для «Меча Гурата». Он, вполне вероятно, уже покинул бы систему, взяв Анаандер с собой, если бы не ремонт, в котором нуждался, и если бы не подозрение, что лорд Радча не простит того, что при всей верности он не но своей вине предал в тот день Анаандер из Тстура на причальной плат форме; и если бы, возможно, не его отвращение к мысли убить капитана Хетнис просто для того, чтобы наказать «Меч Атагариса».

Итак, у нас не было кораблей, желающих или способных доставить Анаандер назад во Дворец Тстур. Флот Храда который в любом случае не подходил для этого — вернулся в Храд по моему весьма вежливому предложению, забрав с собой поврежденный «Меч» из флота Тстура и «Милосердие Илвеса». Как оказалось, у «Милосердия Ил веса» все это время действительно (но не преднамеренно ли?) были неполадки в связи, и он почти ничего не знал о происходившем, пока в системе не появился флот Храда. Он (или его капитан, или оба) не захотели иметь ничего общего с Республикой Двух Систем.

— Полагаю, лорду Мианнаи хорошо там, где она сейчас находится, — заявил «Меч Гурата».

— Мы согласны с этим? — спросила я. — Да? Превосходно. Тогда переходим к повестке.

По моей просьбе гражданин Юран встретила меня в коридоре, когда встреча завершилась.

— Радчааи, — сказала она на дельсиге, — я хотела бы поговорить с вами о жителях Подсадья.

Пять Этрепа и пять Амаат трудились даже сейчас, помогая ремонтникам завершить работу на уровне один Подсадья.

— Тебя попросили поговорить со мной, — догадалась я, отправившись по коридору и зная, что Юран последует за мной.

Она пошла.

— Да, радчааи. Все рады тому, что идет ремонт, и рады слышать, что, когда его закончат, они вернутся на свои места. Но они обеспокоены, радчааи. Дело в том… — Она заколебалась.

Мы дошли до лифта, и его дверь открылась, скользнув в сторону.

— К причалу, пожалуйста, кузина, — сказала я, хотя база знала, куда я направляюсь. Вежливость никогда не повредит. Я обратилась к Юран: — Дело в том, что шесть ИИ системы встретились в закрытом помещении, чтобы спланировать, как

тут все будет отныне, а люди — жители системы, не говоря уже об обитателях Подсадья, кажется, не имеют на это влияния.

— Да, радчааи.

— Справедливо. Сегодня днем мы обсуждали именно этот вопрос. Есть проблемы, которые затрагивают каждого в системе, и потому каждый должен иметь возможность участвовать в принятии таких решений. Я отвечаю за вопросы оценки правонарушений и перевоспитания, и, конечно же, это неизбежно затрагивает службу безопасности. Я буду, разумеется, говорить с гражданином Лузулун и с магистратами — и здесь, и на планете. Но я также хочу услышать, что думают в целом люди-граждане. Я намерена сформировать комиссию для рассмотрения этого вопроса и хочу, чтобы в ней были представители различных групп жителей, чтобы все чувствовали, что у них есть к кому обратиться со своими заботами и кто-то вынесет их на всеобщее обсуждение. Обитателям Подсадья следует иметь там своего представителя. Скажи им об этом, и пусть они пришлют ко мне того, кого сочтут лучшим.

— Да, радчааи! — Двери лифта открылись, и мы вышли в холл причала. — Что мы здесь делаем?

— Встречаем пассажирский челнок. И мы как

раз вовремя. — Поток граждан направлялся в холл из бокового прохода, в их числе — знакомая фигура в серой куртке, брюках и перчатках, с коротко подстриженными кудряшками. Усталая и настороженная. — А вот и она. Смотри.

— Кветер! — воскликнула Юран и побежала, всхлипывая, обнять сестру.

Экалу прибыла на базу со мной. На Этрепу Семь, вышедшую из челнока следом, сразу же обрушился шквал вопросов о том, когда и где можно будет обратиться к Экалу с приглашением — на обед, на чай, с надеждой лучше познакомиться. Некоторые запросы шли по любезному предложению Тайзэрвэт, но многие — только потому, что Экалу была лейтенантом «Милосердия Кадра» и лишь малыши на базе к настоящему времени еще не знали, кто, вероятно, будет формировать едва возникшую Республику Двух Систем.

Сеиварден, конечно, тоже получила много приглашений. Поэтому неудивительно, что в конечном счете они оказались за одним столом, пили чай, стараясь не обсыпаться крошками от выпечки. Сеиварден изо всех сил сохраняла невозмутимый вид, не желая допускать даже мысль о том, что Экалу заботит ее присутствие или что она хочет быть рядом. В конце концов, на

базе полно людей, встретиться с которыми Экалу, возможно, хочется куда больше. Человек десять были здесь, трос или четверо явно соперничали между собой за внимание Экалу разговорами и смехом.

Экалу наклонилась ближе к Сеиварден:

— Нам следует найти более уединенное место. Если ты сможешь вести себя как следует.

— Да, — согласилась Сеиварден тихо, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком пылко, что не очень-то ей удалось. — Я буду хорошим. Я *стараюсь* быть хорошим.

— Прямо сейчас? — спросила Экалу с легкой улыбкой, которая и покончила с попытками Сеиварден выглядеть спокойной и собранной.

Я договорилась поужинать с «Титанитом» в чайной возле главной площади и обнаружила, что он меня уже ждал.

— Кузен, ты, конечно, знаешь гражданина Юран? А это ее сестра, гражданин Кветер. Раугхд Денчи пыталась заставить ее взорвать меня, но она решила вместо того взорвать саму Раугхд.

— Припоминаю, что слышал об этом, — сказал «Титанит». — Отличная работа, гражданин. Для меня честь познакомиться с вами.

— Гражданин, — ответила Кветер тихо. По-

прежнему настороженно.

Уставшая, подумала я, от поездки на челноке. «Мы нашли, что гражданин Кветер невиновна, — сообщалось в послании магистрата района Бисет, — но она предупреждена о необходимости надлежащего поведения в будущем и освобождена с условием, что будет находиться под вашим надзором, капитан флота». Я могла себе представить реакцию Кветер на увещевание о надлежащем поведении.

Я наклонила голову, словно услышала, как кто-то говорит.

— Тут возникло кое-что. Это всего лишь на несколько минут. Пожалуйста, сиди, Кветер. Юран, пойдем со мной, пожалуйста.

Выйдя в коридор, Юран в тревоге спросила:

— В чем дело, радчааи?

— Ни в чем, — призналась я. — Просто хотела оставить «Титанита» и Кветер наедине ненадолго. — Юран озадаченно смотрела на меня, немного расстроенная. — «Титанит» очень хочет капитана, — объяснила я. — А Кветер — замечательный человек. Я думаю, они подойдут друг другу. Но если мы будем ужинать вчетвером, Кветер, вероятно, станет говорить очень мало. А так они смогут узнать друг друга получше.

— Но она только приехала! Ты не можешь послать ее куда-то!

— Тише, дитя, я никого никуда не посылаю. Из этого может ничего не выйти. А если Кветер в конце концов отправится на «Титанит» как член экипажа — или еще куда-нибудь, чтобы чем-нибудь заняться, — ты сможешь навестить ее в любое время. — Я увидела в коридоре Баснаэйд. — Садовод! — Она устало улыбнулась. Подошла к нам с Юран. — Поужинайте с нами. Со мной и «Титанитом», я имею в виду, и с Юран и ее сестрой Кветер, которая только что прилетела снизу.

— Прошу извинить меня, капитан флота, — ответила Баснаэйд. — У меня был очень долгий день, и приглашений на чай, и ужин, и прочее было больше чем я в состоянии переварить. Мне бы в самом деле хотелось, чтобы все это прекратилось. Просто хочу вернуться к себе, съесть чашку скела и лечь спать.

— Мне жаль, — сказала я, — подозреваю, что это моя вина.

— Долгий день — не ваша вина, — возразила она с полуулыбкой, которая так напомнила мне лейтенанта Оун. — По приглашения — определенно.

— Посмотрю, что я смогу сделать, — пообещала

я. — Хотя, возможно, — немногое. Вы уверены насчет ужина? Да? Тогда отдыхайте. И обращайтесь ко мне без всяких сомнений, если я понадоблюсь. — Надо будет поговорить с базой, чтобы кто-нибудь пресек эти приставания.

Никаких настоящих концов, никакого совершенного счастья в финале, никакого безысходного отчаяния. Встречи да завтраки и ужины. Пять предвкушала, как завтра снова выставит на стол лучший фарфор, волновалась, достаточно ли у нас чая на ближайшие несколько дней. Тайзэрвэт стояла на вахте на борту «Милосердия Калра», Бо Один — рядом с ней, мурлыча под нос «О дерево, съешь рыбку». Этрепа Семь стояла на страже с бесстрастностью вспомогательного компонента возле отсека для вещей, оккупированного Экалу и Сеиварден, и совершенно не смущалась тем шумом, который доносился оттуда время от времени. Радуясь на самом деле и испытывая облегчение оттого, что по крайней море это было именно так, как, по ее мнению, и следовало. Амаат Два и Четыре, обе помогали ремонтной бригаде в Подсадье и пели вместе, но, не осознавая этого, несколько вразнобой: «Моя мать говорила, что все вращается, корабль вращается вокруг базы, все вращается».

Я сказала Юран:

— Ну, порядок. Пойдем поедим.

В конце концов, сначала всегда был один шаг, а за ним — другой.

Благодарности

Как всегда, я в огромном долгу перед своими редакторами, Уиллом Хинтоном из Orbit US и Дженни Хилл из Orbit UK, за их помощь и советы. Огромная благодарность также моему невероятному, поразительному агенту Сету Фишману.

Кроме того, этой книге помогли комментарии и предложения многих друзей, в том числе Марго-Леа Гурвиц, Анны и Курта Швинд и Рейчел и Майка Свирски. Я бы хотела также поблагодарить Коринн Клостер — она просто потрясающая. Любые ошибки и оплошности, конечно, являются целиком и полностью моими.

Возможность пользоваться хорошими библиотеками мне как писателю очень помогла, причем доступ не только к широкому спектру художественной литературы, но также и к материалам научных исследований. Библиотека округа Сент-Луис, Муниципальный библиотечный консорциум округа Сент-Луис, публичная библиотека Сент-Луиса, библиотека Университета Вэбстер и библиотека Томаса Джефферсона Университета Миссури в Сент-Луисе — все они

были для меня просто бесценными. Благодарю персонал всех этих библиотек — вы делаете мир гораздо лучше.

Конечно же, у меня ни за что не нашлось бы ни времени, ни энергии много писать без поддержки со стороны моей семьи: моих детей Айдан и Гавэйна и моего мужа Дэйва. Они до сих пор переносили превратности моей писательской карьеры жизнерадостно и терпеливо, предлагая мне помощь, когда бы она мне ни понадобилась. Мне, безусловно, очень повезло, что они есть в моей жизни.